

ISSN 2075-7794 | 2017 | Vol. 30 | Is. 2

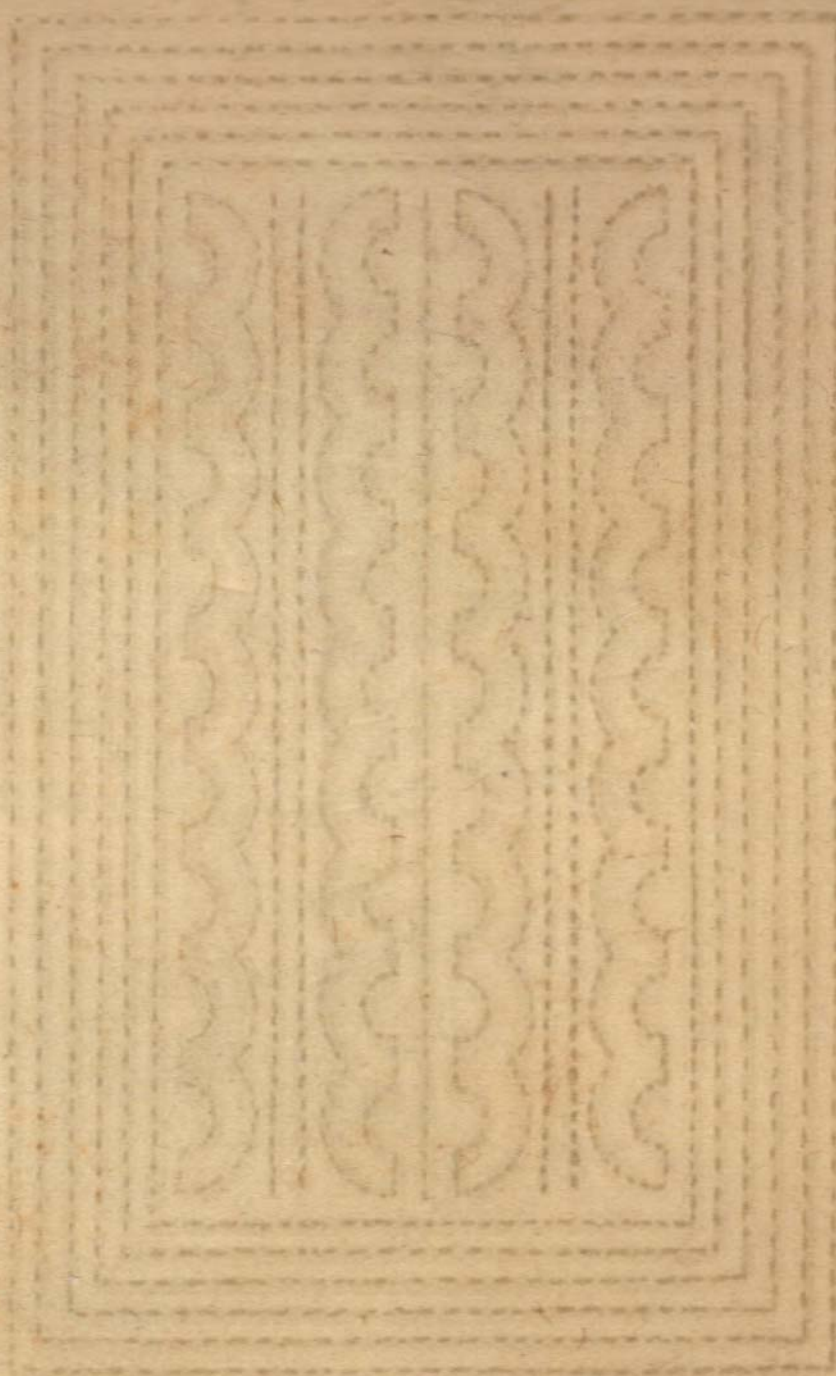

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН»

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2017. Vol. 30. Iss. 2
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology V. Kukanova

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History U. Ochirov

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph. D. of History M. Balzer (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History N. Bugai (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus), Ph. D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History K. Maksimov (Elista, Russia),
Ph. D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia),
Ph. D. of Philology Chao Gejin (China), Ph. D. of History D. Schorkowitz (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kh. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph. D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),
Ph. D. of Philology G. Piurbayev (Moscow), Ph. D. of History V. Trepavlov (Moscow)
Ph. D. of Sociology G. Denisova (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology N. Dulina (Volgograd)

Ph. D. of History E. Badmaeva, Ph. D. of History E. Bakaeva,
Ph. D. of Philology T. Basangova, Ph. D. of Philology E. Bembeev,
Ph. D. of Philosophy B. Bicheev, Ph. D. of Economics E. Mantaeva,
Ph. D. of Philology D. Muzraeva, Ph. D. of Sociology A. Ovshinov,
Ph. D. of Philology E. Omarkaeva, Ph. D. of Pedagogy B. Salaev (Elista, Russia)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

National History

- Kleitman A.** Topographic Descriptions of the Lower Volga Region as a Milestone in the History of Scientific Studies of the Territory: the 1770s – early 1800s 2
- Amogolonova D.** Non-Christians in the Orthodox State: Buddhism in Late-Imperial Russia (Evidence from Buryatia) 14
- Badmaeva E.** Governmental Authorities of Kalmykia in the Soviet and Post-Soviet Experiment on Cotton Production Development (an Effort of Historical and Comparative Analysis) 25
- Belousov S.** Governmental Authorities and Orthodox Parishes in Kalmykia during the Transitional Period of Soviet Perestroika (the Second Half of the 1980s — 1991) 34

LINGUISTICS, LITERARY & FOLKLORE STUDIES

Linguistics

- Bembeev E., Mandzhieva Ts.** The Directional Case in Kalmyk (Evidence from the Epic of ‘*Jangar*’) 44

Literary Studies

- Korneev G.** The Poetic Foreword to Je Tsongkhapa’s ‘*Middle Length Lam-Rim*’: the Tibetan Original and its Oirat Translation 55
- Boskhomdzhiyev M.** About the History of the First Edition of ‘*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*’ 63

Folklore Studies

- Dampilova L.** D. Ravjaa’s Code in Modern Mongolian Poetry 70
- Khanova G.** The Motif of Curse in Bashkir Folklore: Evidence from ‘*Sak and Sok*’ Mythological Bait 77
- Daiji Bamao.** A Brief Introduction to Tibetan Heroic Epic ‘*Gesar*’ Studies in China (1931–2016) 84

SOCIOLOGY

- Tetuev A.** Ethnic and Political Tension in the North Caucasus during the Period of Systemic Transformation of Russian Society: the Shaping Socio-Economic Factors (Evidence from the Republics of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia) 89

HISTORY

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 2–13, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-2-13
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

Topographic Descriptions of the Lower Volga Region as a Milestone in the History of Scientific Studies of the Territory: the 1770s – early 1800s

Alexander L. Kleitman¹

¹ Ph.D. in Economics (Cand. of Economic Sc.), Director of Publications and Printing Center, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA (Volgograd, Russian Federation). E-mail: malk@bk.ru.

Abstract

The article studies the history of creation and contents of topographic descriptions of the Lower Volga Region written in the 1770s – early 1800s. Topographic descriptions are a special form of scientific works aiming to comprehensively analyze the geography, natural surroundings, history and economy of a single governorate or province. In the last quarter of the 18th century, several dozen topographic descriptions of various Russian provinces and governorates were written.

In the course of our research, four similar works dedicated to the Lower Volga region were discovered, namely: *Introduction to Astrakhan Topography* by the first correspondent of the Russian Academy of Sciences P.I. Rychkov; *Description of Saratov Vicegerency* by Saratov Governor I.I. Polivanov; *Historical and Topographical Description of Saratov Province* written under the editorship of Saratov Governor P.U. Belyakov; and *The Economic Description of Astrakhan and Caucasian Governorates* by Astrakhan official I.V. Rovinsky.

Creation of a topographic description required purposeful large-scale work in terms of empirical data collection. In this connection, P.I. Rychkov failed to complete work on his topographical description and, thus, limited himself to publishing an *Introduction to Astrakhan Topography*. I.I. Polivanov who worked on the description of Saratov Vicegerency in the early 1780s was probably able to collect more materials but, however, only a short version of his work was published, while other collected materials were not preserved. Saratov Governor P.U. Belyakov and Astrakhan official I.V. Rovinsky were able to complete their works on topographic descriptions. As distinguished from earlier works about the Lower Volga Region, their compositions were largely based on local sources of information – documents, annals, historical legends of local inhabitants. Provincial officials who had to write detailed works devoted to their territories had to use such sources for the first time, since they had limited opportunities to work with scientific literature in Astrakhan and Saratov. The use of a wide range of sources, high level of erudition of the authors allowed them to create unique encyclopedic scientific works depicting the Lower Volga Region. The authors not only collected huge empirical data but offered some original critical interpretation. For the first time ever and on a high professional level, the topographic descriptions analyzed lots of issues related to the history, current state and prospects for the development of the region.

Not all topographic descriptions were published. One of the most interesting composition containing topographical and historical descriptions created under the editorship of Saratov Governor P.U. Belyakov was sent to Moscow and St. Petersburg. In Saratov, the manuscript of this work was not preserved and remained unknown to local researchers until the 1920s.

In view of the mentioned difficulties, the topographic descriptions had no serious impact on the development of scientific thought in the Lower Volga Region.

Unfortunately, the data collected in topographic descriptions, recommendations for the development of the region made by the authors on the basis of their analysis were not applied in practice by the state bodies of the region.

Keywords: topographic descriptions, Lower Volga Region, Astrakhan Governorate, Saratov Governorate.

Введение (постановка задачи)

В последние десятилетия XVIII — первые годы XIX вв. было составлено несколько десятков топографических описаний губерний и наместничеств — сочинений, отличавшихся от написанных ранее трудов, посвященных региональной проблематике, своим объемом, кругом затронутых вопросов, базой источников. Вопросы, связанные с историей создания топографических описаний, их влиянием на развитие отечественной исторической мысли исследовались в трудах Н. Л. Рубинштейна [1953], А. А. Севастьяновой [1993], Д. Я. Резуна [1990], А. С. Майоровой [2007], В. А. Сергеева [2003]. Топографические описания, составленные в Нижнем Поволжье, вплоть до настоящего времени не подвергались специальному источниковедческому и историографическому исследованию.

Основная часть

Первая попытка составления топографического описания Астраханской губернии была предпринята членом-корреспондентом Императорской академии наук, известным ученым и государственным деятелем П. И. Рычковым. До этого, в 1750-х гг., им было написано топографическое описание Оренбургской губернии, представлявшее собой обширный энциклопедический труд, содержащий информацию о географическом положении, природном мире, климате, современном состоянии и перспективах развития хозяйства региона и посвященный целому ряду других вопросов [Рычков 1762].

Начиная работу над описанием Астраханской губернии, автор планировал создать работу, аналогичную той, которая была написана об Оренбургской губернии. Однако из-за объективных сложностей с получением материалов, необходимых для составления детального исторического, гео-

графического и экономического описания края, ученый был вынужден ограничиться написанием исторической части, в которой на основе нескольких источников был проанализирован ряд вопросов, связанных с историей региона в Средневековье и вхождением Нижнего Поволжья в состав России в середине XVI столетия [Рычков 1774].

Следуя распространенным в отечественной историографии XVIII в. представлениям, П. И. Рычков полагал, что до монгольского завоевания степи Астраханского Поволжья заселяли болгары, хвалиссы, икоманы, имевшие славянское происхождение и общий язык с «русью».

Ученому удалось продвинуться вперед в осмыслении вопроса относительно того, располагался ли город Тмутаракань, известный по русским летописям, в Нижнем Поволжье. П. И. Рычкову были знакомы три точки зрения по данному вопросу. Согласно летописной концепции, Тмутаракань — старое название Астрахани; соответственно, со времен князя Владимира и до времени княжения Всеволода Юрьевича Долгорукого Нижнее Поволжье уже находилось под властью русских князей. Как отметил П. И. Рычков, вторая точка зрения по данному вопросу была предложена В. Н. Татищевым, в «Истории российской» возражавшим, что настолько далеко вниз по Волге владения русских князей никогда не распространялись, и поместившим Тмутаракань в Рязанском княжестве, в верховьях реки Прони. Третья точка зрения была высказана историком Ф. А. Эмином, утверждавшим, что Тмутаракань располагалась «на Меотическом море, близ Босфора или Керша, и ныне у турок Темрюком называется». П. И. Рычков воздержался от оценки, какая из данных точек зрения справедливее, и отметил, что как вопрос о месте нахожде-

ния Тмутаракани, так и история Астрахани до и после монгольского завоевания должны быть изучены детальнее, и предположил, что свет на решение данных проблем смогут пролить «описания о ханах, которые начав от Батыя, а может быть и прежде, владели Астраханью, и о других знатных приключениях, происходивших по то время, как сие царство Российской державе совершенно покорено» [Рычков 1774: 44–45].

Большая часть второго раздела «Введения к Астраханской топографии», посвященного завоеванию Астраханского ханства, представляла собой практически дословное воспроизведение рукописной «Астраханской истории», которую П. И. Рычкову передал «приятель, в Астрахани и в Кизляре не малое время бывший». Незначительные дополнения и комментарии были сделаны исследователем на основе «Скифской истории» А. Лызлова. В основе Астраханской истории, рукопись которой была у П. И. Рычкова, лежало «Сказание о взятии Астрахани» — историческое произведение, основывавшееся на летописных данных и известное в нескольких списках XVII–XVIII вв. [Словарь 1989: 357–358]. Хотя летописные сведения, лежавшие в основе использованной П. И. Рычковым рукописи, не были им критически осмыслены на основе других источников, в качестве заслуги исследователя следует отметить то, что он впервые опубликовал данный источник и ввел содержащиеся в нем сведения в научный оборот.

Таким образом, П. И. Рычковым была предпринята первая попытка составления топографического описания Астраханского Поволжья. В силу невозможности собрать актуальные сведения по экономике, географии, природному миру региона, которые должны были быть представлены в подобной работе, исследователем было принято решение опубликовать «Введение к Астраханской топографии», посвященное истории края. Следуя в русле сложившейся в XVIII столетии историографической традиции, согласно которой история славян восходила к античным временам, а территория их расселения, политического и культурного влияния распространялась на Нижнее Поволжье и Кубанские степи, исследователем впервые были представлены альтернативные точки зрения — В. Н. Татищева и Ф. А. Эмина, считавших ошибочным отождествление Тмутаракани и Астрахани.

В 1781 г. в ходе административно-территориальной реформы Екатерины II было учреждено Саратовское наместничество. Первый правитель наместничества И. И. Поливанов начал работу над составлением его топографического описания практически сразу после назначения на должность. В 1782 г. путешествовавший в Нижнем Поволжье академик Н. Я. Озерецковский в письме к И. И. Бецкому назвал И. И. Поливанова «великим любителем наук» и отметил, что губернатор был автором пространного географического описания Саратовского наместничества, «которого лучше ни в каком другом наместничестве не получали» [Письма 1876: 54]. «Описание Саратовского наместничества» И. И. Поливанова было опубликовано в 1785 г. [Описание... 1784] и переиздано в 1790 г.

В отличие от П. И. Рычкова, пытавшегося ввести в научный оборот новые источники, разобраться в спорных вопросах истории Астраханского Поволжья, И. И. Поливанов в своем труде постарался дать географическое и экономическое описание Саратовского наместничества, затронув при этом лишь ряд вопросов, связанных с историей края.

Саратовский губернатор перечислил и дал характеристику рекам как важнейшим транспортным и торговым артериям, назвал крупнейшие населенные места, которые располагались на них. И. И. Поливанов охарактеризовал социальный состав и хозяйственный уклад каждого из уездов наместничества, а также высказал ряд предложений по активизации экономического развития региона.

И. И. Поливанов в своем описании затронул ряд вопросов, касавшихся региональной истории. Он назвал примерные даты основания нескольких городов Саратовского наместничества, а также перечислил основные факты их истории.

Наиболее пристальное внимание автор уделил хорошо знакомому ему губернскому городу — Саратову. Датой основания Саратова губернатор считал время перенесения города на правый берег Волги, которое, как он отметил, состоялось «около 120 лет» [Описание... 1784: 36]. До этого, как было известно губернатору, город находился на луговой стороне при речке Саратовке. По замечанию И. И. Поливанова, Саратов был перенесен на новое место «из-за набегов кочующих народов», а «более о первом его

заселении неизвестно» [Описание... 1784: 36]. При описании Петровска И. И. Поливанов также назвал примерное время постройки города, основываясь, судя по всему, на местных исторических преданиях. Город, по его замечанию, был основан «во время Азовского похода в Персию» [Описание... 1784: 41]. Объединение Азовского и Персидского походов в одно событие показывает, что автор описания имел весьма посредственные знания по истории России и региона в период петровского правления. Время основания Камышина не было известно И. И. Поливанову. Большую известность город, по замечанию губернатора, получил из-за начала строительства канала от реки Илави в речку Камышинку. Как отметил автор описания, выше по Волге на другом берегу Камышинки сохранились земляная крепость и цитадель, сделанные при основании города, а также были хорошо видны следы строительства канала, который был прорыт на три версты и к 1780-м гг. был ещё очень широк и глубок [Описание... 1784: 44]. При описании других уездных городов Саратовского наместничества — Волска, Хвалынска, Кузнецка, Сердобска, Аткарска, Балашева, Хоперска (Новохоперской крепости) и Царицына, И. И. Поливанов не привел никаких исторических сведений.

В «Описании Саратовского наместничества» были названы наиболее крупные памятники древности региона. Как отметил автор описания, в четырех верстах ниже Саратова по течению Волги располагалась гора Увек, в крутых осыпях которой были видны остатки древнего города Уфеака [Описание... 1784: 37]. Кроме того, И. И. Поливанову было известно, что выше Царицына по течению Волги, на луговой стороне реки, располагались развалины двух «древних никому не известных городов»: первый — напротив Дубовки, второй — ниже Дубовки по течению Волги, в 25 верстах от Царицына [Описание... 1784: 62].

«Описание Саратовского наместничества», составленное И. И. Поливановым, представляло собой первый опыт составления географического и экономического описания территории новоучрежденного наместничества. Заслуга автора заключалась в том, что им впервые были собраны и опубликованы основные статистические данные (об общей численности населения, числе купцов, мещан губернского и уездных городов наместничества), составлено

первое географическое описание региона, в очень общих чертах охарактеризована региональная экономика.

При этом следует отметить, что характеристика хозяйственного развития края, представленная И. И. Поливановым, была далеко не полной. В описании наместничества полностью отсутствовали сведения об иностранных колонистах, современном экономическом положении и перспективах развития колоний. Без осмысления данной информации характеристика экономики региона не могла быть объективной и полной. В описании наместничества не были представлены многие фактические и статистические данные: списки населенных мест, статистические данные об объемах экономического производства и многие другие сведения, которые обычно входили в топографические описания других губерний.

И. И. Поливанову были известны только отдельные факты из истории населенных мест региона. Практически полное отсутствие в его труде исторической информации, а также отождествление Азовского и Персидского походов Петра I свидетельствуют о том, что ему была плохо знакома и мало интересна историческая проблематика.

Как отмечалось выше, академик Н. Я. Озерецковский, в 1782 г. общавшийся с И. И. Поливановым в Саратове, отмечал, что саратовский губернатор был автором пространного описания наместничества, «которого лучше ни в каком другом наместничестве не получали». При этом опубликованное на страницах «Месяцеслова...» «Описание Саратовского наместничества» было малоинформативным: в нем отсутствовали многие сведения, которыми невозможно было пренебречь при анализе истории, современного состояния и перспектив развития региона. На наш взгляд, данное противоречие можно объяснить тем, что И. И. Поливановым, вероятно, были собраны обширные материалы о Саратовском Поволжье, которые носили «сырой», разобщенный характер. Находясь в Саратове, Н. Я. Озерецковский, возможно, смог ознакомиться именно с этими материалами, которые и получили его положительную оценку. При этом для публикации в журнале И. И. Поливановым мог быть специально написан текст, который носил не столько научный, сколько публицистический характер и целью которого было не сделать научное

открытие, а дать возможность читателям составить общее впечатление о географии и экономике Саратовского Поволжья.

Следующее топографическое описание Саратовского Поволжья было составлено в первые годы XIX столетия под руководством саратовского губернатора П. У. Белякова. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» сохранилось в двух списках, первый из которых хранится в фондах научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, а второй — в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН [Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Ед. хр. 352]. Рукопись из фондов НИОР РГБ [НИОР РГБ.Ф. 68. № 229] в 2011 г. была опубликована в Волгограде [Топографическое... 2011].

Авторы топографического описания представили комплексный анализ природного ландшафта, климата, географии, истории Саратовской губернии. Сочинение было разделено на главы, каждая из которых была посвящена отдельному уезду. В рамках отдельного раздела топографического описания было проанализировано экономическое развитие немецких колоний в Поволжье. Большой интерес и как исторические источники, и как результаты исследовательской работы саратовских исследователей начала XIX в. представляют разделы, посвященные истории шелководства на реке Ахтубе в Саратовской губернии, а также развитию соледобывающего промысла на озере Эльтон.

Два сохранившихся варианта топографического описания Саратовской губернии начала XIX в. незначительно отличаются друг от друга по своей структуре. В списке из Архива СПбИИ РАН есть разделы «Описание колонии Сарепты в 1804-м году» и «Ведомость о рыбных реках и промышленности рыбной в Саратовской губернии, по городам и уездам порознь, и вообще по всей губернии», отсутствующие во втором варианте сочинения.

Для составления топографического описания чиновники Саратовской губернии по заданию губернатора П. У. Белякова специально занимались поиском документов об основании населенных пунктов и сбором исторической и статистической информации.

Как показал текстологический анализ текста топографического описания Саратовской губернии начала XIX в., в качестве

источников при его написании использовались известные памятники нижеволжской провинциальной историографии начала XIX в. — сочинение «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оног...» (летопись Петра Лугарева) и Камышинская летопись. Об использовании сочинения «О начале заведения города Царицына...» при написании топографического описания свидетельствуют совпадения в текстах обоих источников, а что касается Камышинской летописи, то в тексте топографического описания присутствует прямая отсылка к «старинным запискам, в Камышине у некоторых имеющимся» [Топографическое... 2011: 64].

Авторам были хорошо знакомы труды отечественных ученых XVIII в., в которых анализировались вопросы, связанные с историей Нижнего Поволжья. Так, они ссылались на работы Г. Ф. Миллера и Ф. И. Соймонова [Соймонов 1763], использовали сведения из историко-географических словарей и лексиконов, издававшихся во второй половине XVIII в. [Географический... 1773], цитировали «Древнюю Российскую вивлиофику» Н. И. Новикова, «Деяния Петра Великого...» И. И. Голикова и др. Разделы топографического описания «Историческое описание о Ахтубинском шелководстве, взятое из дел и расположенное по годам с 1720 до 1804 года» и «Описание топографическое Эльтонского озера и соляной его операции», являющиеся, по сути, самостоятельными историко-географическими и экономическими работами, очевидно, были написаны на основе солидной базы документальных источников.

Примечательно, что, в отличие от других краеведческих сочинений первой половины XIX столетия — летописи Петра Лугарева, Камышинской летописи, работ А. Ф. Леопольдова, авторы топографического описания критически подошли к использованию рассказов старожилов, местных легенд и преданий в качестве источников к своему труду. Если в тексте описания приводились ссылки на предания старожилов, то эти сведения подвергались критике на основе документальных источников. Такой подход позволил авторам избежать многих ошибок и неточностей при описании исторических событий, которые допускали местные краеведы более позднего времени.

По-видимому, работа над публикуемым топографическим описанием велась парал-

лельно с составлением карт описываемой губернии. В фондах отдела картографии Государственного исторического музея сохранился «Геометрический уменьшенной план Саратовской губернии Камышинского уезда казенного соляного Эльтонского озера на луговой стороне Волги в натуре снятаго в 1805 году» [ОК ГИМ. ГО 195]. Тот факт, что столь подробный, не имеющий аналогов план Эльтонского озера, графически отображающий процесс добычи и транспортировки соли, быта ломщиков, был составлен в то же время, что и раздел «Описание Топографическое Елтонского озера и соляной его операции» топографического описания губернии, на наш взгляд, свидетельствует о том, что план и публикуемый текст были взаимосвязаны: возможно, изначально план являлся приложением к тексту, может быть, над ними работали одни и те же авторы. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранился атлас Саратовской губернии, имеющий, помимо карт уездов и губернии в целом, текстовую часть, которая также свидетельствует о взаимосвязи атласа с публикуемым описанием [ОР РНБ. Q IV–331].

Таким образом, в первые годы XIX в. под руководством саратовского губернатора П. У. Белякова было составлено «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», существенно превосходившее как по объему зафиксированной и проанализированной в нем информации, так и по своему научному уровню появлявшиеся до этого исторические труды, посвященные Нижнему Поволжью. В отличие от других краеведческих сочинений первой половины XIX столетия, авторы топографического описания критически подошли к использованию рассказов старожилов, местных легенд и преданий в качестве источников к своему труду. Такой подход позволил авторам избежать многих ошибок и неточностей при описании исторических событий, которые допускали местные краеведы более позднего времени.

В 1804 г. было написано, а в 1809 г. опубликовано топографическое описание Астраханской и Кавказской губернии, составленное директором народных училищ в Астрахани И. В. Ровинским [1809]. В отличие от более ранних топографических описаний Нижневолжского региона, данный труд был подготовлен и опубликован по программе Вольного экономического

общества. В соответствии с целями деятельности общества, основной упор при создании данного труда был сделан на описание природных богатств края, а также анализ современного состояния и перспектив его хозяйственного развития.

В отличие от других топографических описаний, составленных в Нижнем Поволжье в конце XVIII — начале XIX вв., в труде И. В. Ровинского был представлен комплексный анализ социального, экономического и историко-культурного развития не отдельного наместничества и губернии, а двух губерний — Астраханской и Кавказской, которые вместе занимали обширную территорию, помимо Нижнего Поволжья включающую в себя западное побережье Каспийского моря, Восточный Кавказ, степи Заволжья вплоть до Южного Урала.

«Хозяйственное описание...» И. В. Ровинского состояло из нескольких разделов, выделенных по тематическому принципу.

В «первом отделении» был представлен анализ географического положения Астраханской и Кавказской губернии, а также охарактеризована транспортная сеть региона. Во втором разделе, озаглавленном «Естественные произведения», автор представил детальные сведения о природных ресурсах, которые уже использовались или потенциально могли использоваться в экономике региона. Следующие три раздела были посвящены Астраханской губернии. «Третье отделение» И. В. Ровинский посвятил анализу этнического состава и этнической истории Астраханского Поволжья. В следующем, четвертом, разделе, озаглавленном «О внутреннем благоустройстве губерний», были представлены сведения, характеризовавшие религиозный состав населения региона, древнюю и современную торговлю и промыслы, в частности рыбный промысел и текстильное производство. «Пятое отделение» топографического описания было посвящено истории и современному состоянию городов Астраханской губернии. Описание губернского города и уездных центров строилось по одному плану: история; строения; обитатели; способы пропитания. В этом же отделении были приведены сведения о волжских и уральских казаках. В «шестом отделении» были представлены материалы, посвященные анализу развития сельского хозяйства Астраханской губернии. Седьмое и восьмое отделения И. В. Ровинский посвятил истории и современному состоянию Кавказской губернии.

Практически в каждом из разделов И. В. Ровинский обращался к сюжетам, связанным с региональной историей Нижнего Поволжья.

При характеристике климата исследователь постарался собрать исторические сведения о погоде в Астраханском Поволжье в прошлые годы. В качестве примера раннего наступления зимы он привел информацию о том, что 13 декабря 1722 г., по возвращении из Персидского похода, Петр I, двигавшийся от Астрахани вверх по Волге, не доехав до Царицына 115 верст, был вынужден продолжить путь по суше, поскольку Волга покрылась льдом и двигаться дальше на стругах было невозможно. В 1771 г., наоборот, Волга долго не замерзала, поэтому калмыки при откочевке из Нижнего Поволжья были вынуждены в январе переправляться через Волгу вплавь. Единственное землетрясение, как отметил исследователь, было в Астрахани 4 января 1669 г. При указании данного факта, как очевидно, И. В. Ровинский основывался на летописных сведениях или устных преданиях о восстании Степана Разина, согласно которым природные катаклизмы в 1669 г. предвещали надвигавшиеся бедствия, связанные с грабежами и убийствами восставших [Ровинский 1809: 61, 65].

Характеризуя «естественные произведения» региона, исследователь отметил, что минеральные воды были открыты и охарактеризованы в петровскую эпоху доктором Шубертом, а также изучались в годы правления Екатерины II. На основе записок путешественников, с использованием документальных материалов, хранившихся в астраханских архивах, И. В. Ровинским был составлен обширный очерк, посвященный истории виноградарства в Астраханском Поволжье.

Особое внимание исследователь уделил истории торговли как одной из наиболее важных и перспективных отраслей экономики Астраханского Поволжья. На основе записок венецианского купца А. Кантарини, посетившего в 1473 г. по пути в Персию старую, татарскую Астрахань, И. В. Ровинский установил, что уже в то время в городе проживали и вели торговлю персидские, армянские, индийские и русские купцы. Как справедливо отметил исследователь, после вхождения Нижнего Поволжья в состав России ключевую роль в активизации торговли через Астрахань сыграли английские купцы. В качестве важнейших вех в исто-

рии становления астраханской торговли исследователь выделил следующие события:

- подписание торгового трактата с Персией царем Михаилом Федоровичем;
- строительство флота в Астрахани в годы правления Алексея Михайловича, который, однако, вскоре был уничтожен во время восстания Степана Разина;
- повторное создание астраханского флота и истребление шаек разбойников на воде и суше, благодаря чему Петром Великим была открыта торговля по всему течению Волги и через Каспийское море;
- учреждение Кавказской линии и основание новых селений по берегам Волги в годы правления Екатерины II [Ровинский 1809: 204–206].

В труде И. В. Ровинского был представлен один из первых в отечественной историографии обширный очерк истории и этнографии калмыков Нижнего Поволжья, в котором были проанализированы вопросы, связанные с происхождением калмыцкого этноса, современного социального и хозяйственного строя, образа жизни, материальной культуры и быта [Ровинский 1809: 175–195].

И. В. Ровинский стал автором одного из первых очерков истории Астрахани. Данный очерк, на наш взгляд, представлял собой компиляцию из нескольких источников, которые были в распоряжении автора. Фрагмент, посвященный истории основания города, происхождению его названия, представлял собой записанное И. В. Ровинским устное предание астраханских татар. История города во второй половине XVI–XVIII вв. была написана на основе одной или нескольких астраханских летописей, сведения которых были воспроизведены автором без критического осмысления или проверки по другим источникам.

В качестве важнейших событий истории края XVI столетия исследователь выделил завоевание Астрахани в 1554 г., а также отражение завоевательного похода турецкого султана Селима II, пытавшегося захватить город и установить контроль над Волго-Донской переправой и, по выражению И. В. Ровинского, «сделать навсегда сообщение из Азовского моря в Каспийское». В подстрочных примечаниях к описанию событий второй половины XVI в. исследователь дословно воспроизвел старейшую астраханскую летопись — летопись Астраханского Троицкого монастыря [Дубаков

2002: 163], в которой были зафиксированы основные даты церковной истории Астрахани в первые десятилетия после присоединения Нижнего Поволжья к России.

И. В. Ровинскому было известно, что в период Смутного времени Астрахань была захвачена «злодеем Заруцким» и «Мариной Сендомирской», которые, ограбив Соборную церковь и всех жителей, удалились на Урал, где в 1622 г. были пойманы посланными стрельцами. Как характер описания данных событий, так и ошибка в их датировке, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что данное описание было дословно позаимствовано И. В. Ровинским из одной из астраханских летописей.

В качестве основных фактов городской истории XVII столетия автор описания были выделены строительство новых стен крепости в 1631 г., захват города Степаном Разиным, а также эпидемия, поразившая город в 1690-х гг.

Описывая события астраханского восстания 1705 г., И. В. Ровинский указал, что восставшие хотели казнить астраханского митрополита Самсона, но ему удалось скрыться от повстанцев сначала в татарском кочевье, а затем у калмыцкого владельца Аюки. Н. Б. Голикова в труде, посвященном истории Астраханского восстания, аргументированно опровергла данные Ключаревской летописи, которая была написана позже труда И. В. Ровинского, но в которой также были приведены данные о том, что астраханский митрополит покидал город и даже был главным инициатором отправки войск для подавления восстания. Как установила исследовательница, анализируя официальную переписку, делопроизводительную документацию и другие источники, митрополит Самсон в 1705 г. находился в Астрахани и никуда не отлучался из города [Голикова 1975: 18]. Данный сюжет, не имевший ничего общего с действительностью, И. В. Ровинский, по-видимому, позаимствовал из устных исторических преданий или летописей, которые позднее легли в основу Ключаревской летописи.

Пристальное внимание И. В. Ровинский уделил описанию посещения Астрахани Петром I во время Персидского похода. При работе над данным сюжетом автор использовал труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого», откуда почерпнул сведения о количестве, названиях судов, а также о командирах военного корпуса, направлявшегося в поход, и ряд других сведений [Голи-

ков 1838: 146–147]. Данные, почерпнутые в работе И. И. Голикова, И. В. Ровинский дополнил сведениями из устных преданий. В частности, он указал, что, находясь в Астрахани, император жил в маленьком деревянном доме на открытом месте над рекой Кутумом, в тени нескольких грушевых деревьев, «где ныне армянина Никиты Калустова сад» [Ровинский 1809: 285], и привел ряд других фактов, которые, на наш взгляд, не могли быть зафиксированы в других источниках.

При описании современного состояния города автор обращался также к некоторым историческим документам, упоминая события прошлого, чтобы показать изменения, произошедшие в Астрахани в последние десятилетия. Например, описывая городские постройки, И. В. Ровинский в подстрочном примечании воспроизвел текст ведомости, по которой П. М. Апраксин принимал в 1707 г. город от воеводы Ловайского [Ровинский 1809: 295–297]. Перечисляя и описывая астраханские церкви и монастыри, он привел сведения о времени их строительства, памятниках старины, хранившихся в них, и т. д.

В разделе, посвященном уездам Астраханской губернии, И. В. Ровинским были правильно указаны даты основания уездных центров — Красного Яра, Енотаевска и Черного Яра, указаны даты постройки в них церквей, перечислены предметы старины, хранившиеся в местных храмах. Исследователь перечислил все населенные места каждого из уездов губернии, охарактеризовал социальный состав местного населения, основные занятия и промыслы жителей [Ровинский 1809: 342–372]. Приведенные им сведения давали возможность сформировать общее представление об истории формирования поселенческой структуры уездов Астраханской губернии, причинах, основных движущих силах колонизации края.

Таким образом, труд И. В. Ровинского стал первым опытом комплексного изучения истории, географии, природного мира и экономики Астраханского Поволжья, первым энциклопедичным трудом, посвященным региону. Автором были выявлены и проанализированы основные труды его предшественников, занимавшихся изучением Нижнего Поволжья. Несмотря на то, что автор располагал ограниченным кругом исторических источников и при написании истории Астрахани был вынужден основываться, главным образом, на сведениях

летописей, которые, в свою очередь, зачастую фиксировали местные предания и легенды, а не реальные исторические факты, И. В. Ровинскому удалось создать один из первых в историографии нарративов, в котором факты региональной истории были органично вписаны в контекст общероссийской истории. Важной положительной чертой труда И. В. Ровинского стал его комплексный, междисциплинарный характер, в котором исторические данные привлекались для анализа современных экономических процессов, а также использовались для поиска ответов на актуальные социальные и экономические вопросы.

Заключение (выводы)

В 1780-х – начале 1800-х гг. благодаря кампании по написанию топографических описаний, организованной правительством и получившей живой отклик среди наиболее образованных представителей регионов России в Российской империи, в целом, и в Нижнем Поволжье, в частности, были написаны несколько новых научных трудов, посвященных вопросам региональной экономики, географии, истории, по своему научному уровню существенно превосходивших регионоведческие работы более раннего времени.

Выделение в качестве предмета исследования территории отдельной губернии, необходимость составления характеристики каждого уезда и крупного населенного пункта вынуждали авторов собирать информацию и осмыслить круг вопросов, которые раньше не становились предметом специального изучения, но поиск ответа на которые был необходим для осмысления исторического пути региона, характеристики природных ресурсов, и в результате — определения направлений его дальнейшего развития.

Возложение обязанности по написанию топографических описаний на местных жителей, которые не имели доступа к документальным материалам столичных архивов и поэтому должны были собирать информацию о своих губерниях на местах, послужило причиной ввода в научный оборот целого пласта новых исторических источников местного происхождения. Как показал анализ трудов И. В. Ровинского и П. У. Белякова, именно в топографических описаниях впервые были приведены сведения местных исторических преданий и летописей, которые, в свою очередь, в значительной мере

также основывались на устных исторических преданиях, носивших полуфольклорный характер. Авторы описания по-разному отнеслись к сведениям местной историографической традиции: если в «Топографическом описании Саратовской губернии» сведения местных преданий были подвергнуты критике на основе письменных источников и с точки зрения здравого смысла, то И. В. Ровинский в своем сочинении просто воспроизвел сведения астраханских летописей, не пытаясь проверить их достоверность.

В Нижнем Поволжье топографические описания существенно не повлияли на дальнейшее развитие региональной историографии. Топографическое описание Саратовской губернии, составленное под руководством П. У. Белякова и по своему научному уровню превосходившее краеведческие сочинения нескольких последующих десятилетий, было отправлено в столицу, в местном архиве не сохранилось и для местных историков и краеведов на протяжении XIX в. оставалось неизвестным. Хозяйственное описание И. В. Ровинского, несмотря на то, что было опубликовано, в исторической своей части носило описательный характер и не предлагало оценок и трактовок исторических событий, которые принципиально противоречили бы местным преданиями и летописям.

Хорошо организованная правительством Екатерины II и Вольным экономическим обществом кампания по составлению топографических описаний позволила создать целый ряд посвященных российским регионам новых научных трудов, насыщенных обширными эмпирическими данными и сделанными на их основе важными выводами и предложениями относительно перспектив хозяйственного развития, но, к сожалению, в Нижнем Поволжье данная кампания не привела к реальным изменениям в развитии региональной научной мысли, а также в политике центральных и региональных властей.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 16-11-34004 а(р) «Историческое регионоведение Нижнего Поволжья XVIII – начала XX вв. как историографическое и социокультурное явление».

Источники

- Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Кол. 115. Ед. хр. 352.
- НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 68. № 229.
- ОК ГИМ — Отдел картографии Государственного исторического музея. ГО 195.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Q IV—331.
- Описание Саратовского наместничества // Месяцеслов исторический и географический на 1785 год. СПб.: при Имп. акад. наук, 1784. С. 33–72.
- Письма профессора Озерцовского к И. И. Бецкому о путешествии Бобринского по России // Русский архив. 1876. Год 14. Кн. 3. М., 1876. С. 40–58.
- Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Вольное экономическое общество, 1809. 327 с.
- Рычков П. И. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии, и обитавших в ней народов; а во второй о покорении сего царства под державу российских монархов / сочинено статским советником Петром Рычковым. М.: Печатано при Императорском Московском Университете, 1774. 76 с.
- Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть первая. СПб.: при Имп. акад. наук, 1762. 331 с.
- Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград: Издатель, 2011. 240 с.

Литература

- Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города / собр. Ф. Полуниним. М.: Императорский Московский университет, 1773. 479 с.
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников. Т. IX. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 548 с.
- Голикова Н. Б. Астраханское восстание, 1705–1706 гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 332 с.
- Дубаков А. В. Из истории Астраханского летописания XVII–XIX вв. // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2002. Вып. 7. С. 163–168.
- Майорова А. С. История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII в. до 80-х гг. XIX в. // Российская история. 2007. № 3. С. 97–107.
- Резун Д. Я. История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990. 441 с.
- Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 39–89.
- Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1993. 40 с.
- Сергеев В. А. Топографические описания Рязанско-Тульско-Калужского региона во второй половине XVIII — начале XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2003. 219 с.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я / под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1989. 528 с.
- Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб.: при Императорской Академии наук, 1763. 380 с.

Sources

- ASPBII RAN — *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of St. Petersburg Institute of History of the RAS]. Coll. 115. Depository item 352 (In Russ.).
- NIOR RGB — *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Manuscripts Research Department of the Russian State Library]. F. 68. No. 229 (In Russ.).
- OK GIM — *Otdel kartografii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Cartographic Department of the State Historical Museum]. GO 195 (In Russ.).
- OR RNB — *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki* [Manuscripts Department of the National Library of Russia]. Q IV—331 (In Russ.).
- Opisanie Saratovskogo namestnichestva* [An overview of Stavropol Viceroyalty]. *Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1785 god* [The 1785 Almanac of History and Geography]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1784, pp. 33–72 (In Russ.).

- Pis'ma professora Ozeretskivskogo k I. I. Betskomy o puteshestvii Bobrinskogo po Rossii* [Professor Ozeretskivsky's letters to I. Betskoy about Bobrinsky's journey through Russia]. *Russkiy arkhiv*. 1876. God 14. Kn. 3 [The Russian Archive. 1876. Year 14. Book 3]. Moscow, 1876, pp. 40–58 (In Russ.).
- Rovinsky I. V. *Khozyaystvennoe opisanie Astrakhanskoy i Kavkazskoy gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ikh sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, promyshlennosti i domovodstvu* [An economic overview of Astrakhan and Caucasus Governorates ...]. St. Petersburg, Liberal Economic Society Press, 1809, 327 p. (In Russ.).
- Rychkov P. I. *Vvedenie k Astrakhanskoy topografii, predstavlyayushchee v pervoy chasti raznye izvestiya o drevnem sostoyanii sey gubernii, i obitavshikh v ney narodov; a vo vtoroy o pokorennii sego tsarstva pod derzhavu rossiyskikh monarkhov / sochineno statskim sovetnikom Petrom Rychkovym* [An introduction to the topography of Astrakhan (Governorate) comprising 2 sections as follows: data on the ancient history of the region and its conquest by Russian monarchs ...]. Moscow, Imperial Moscow University Press, 1774, 76 p. (In Russ.).
- Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskaya, to est' Orenburgskoy gubernii, sochinennoe Kollegialskim sovetnikom i Imperatorskoy akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. Chast' pervaya* [Topography of Orenburg Governorate ... Part 1]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1762, 331 p. (In Russ.).
- Topograficheskoe i istoricheskoe opisanie Saratovskoy gubernii* [An overview of Saratov Governorate: topography and history]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011, 240 p. (In Russ.).
- References**
- Geograficheskii leksikon Rossiyskogo gosudarstva, ili slovar', opisuyushchii po azbuchnomu poryadku reki, ozera, morya, gory, goroda / sobr. F. Poluninym* [Geographical lexis of the Russian state, i.e. a vocabulary, describing in the alphabetical order its rivers, lakes, seas, mountains and towns. Comp. by F. Polunin]. Moscow, Imperial Moscow University Press, 1773, 479 p. (In Russ.).
- Golikov I. I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov. T. IX* [Deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia, confirmed by trustworthy sources. Vol. IX]. Moscow, N. Stepanov Publ., 1838, 548 p. (In Russ.).
- Golikova N. B. *Astrakhanskoe vosstanie, 1705–1706 gg.* [The Astrakhan Revolt. 1705–1706]. Moscow, Moscow University Press, 1975, 332 p. (In Russ.).
- Dubakov A. V. *Iz istorii Astrakhanskogo letopisaniya XVII–XIX vv.* [Excerpts on the historiography of Astrakhan: 17th–19th cc.]. *Vestnik VolGU* (Science Journal of Volgograd State University), series 4, 2002, iss. 7, pp. 163–168 (In Russ.).
- Mayorova A. S. *Istoriya Nizhnego Povolzh'ya v trudakh saratovskikh istorikov s serediny XVIII v. do 80-kh gg. XIX v.* [History of the Lower Volga Region in works by Saratov historians: 1750s–1880s]. *Rossiyskaya istoriya* (Russian History journal), 2007, No. 3, pp. 97–107 (In Russ.).
- Rezun D. Ya. *Istoriya gorodov Sibiri v otechestvennoy russkoy istoriografii XVIII–XIX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [History of Siberian cities in Russian national historiography: 18th–19th cc. A Ph.D. thesis]. Novosibirsk, 1990, 441 p. (In Russ.).
- Rubenstein N. L. *Topograficheskie opisaniya namestnichestv i guberniy XVIII v. — pamyatniki geograficheskogo i ekonomicheskogo izucheniya Rossii* [The 18th century topographic reviews of viceroalties and governorates — monuments of geographical and economic sciences of Russia]. *Voprosy geografii* (Questions of Geography), iss. 31, Moscow, 1953, pp. 39–89 (In Russ.).
- Sevastyanova A. A. *Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroy poloviny XVIII v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian provincial historiography in the latter half of the 18th c. A Ph.D. thesis abstract]. St. Petersburg, 1993, 40 p. (In Russ.).
- Sergeev V. A. *Topograficheskie opisaniya Ryazansko-Tul'sko-Kaluzhskogo regiona vo vtoroy polovine XVIII — nachale XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Topographic reviews of the Ryazan-Tula-Kaluga Region: mid-18th–early 19th cc. A Ph.D. thesis]. Ryazan, 2003, 219 p. (In Russ.).
- Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp 2 (vtoraya polovina XIV–XVI v.). Ch. 2. L–Ya / pod red. D. S. Likhacheva* [Dictionary of scribes and scriptural art of Kievan Rus'. Iss. 2 (mid-14th–16th cc.)]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 528 p. (In Russ.).
- Soymonov F. I. *Opisanie Kaspiyskogo morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoevaniy* [Description of the Caspian Sea and related conquests of Russia]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1763, 380 p. (In Russ.).

УДК 94

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ПАМЯТНИКИ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА В 1770-х – НАЧАЛЕ 1800-х гг.Александр Леонидович Клейтман¹¹кандидат исторических наук, директор, издательско-полиграфический центр Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: malk@bk.ru.

Аннотация. В статье исследована история создания, содержание топографических описаний Нижнего Поволжья 1770-х – начала 1800-х гг. Топографические описания — особая форма научного сочинения, посвященная комплексному анализу географии, природного мира, истории, экономики отдельной губернии. В последней четверти XVIII в. было написано несколько десятков топографических описаний различных российских губерний и наместничеств, в том числе четыре описания, посвященные Нижневолжскому региону (корреспондента Императорской академии наук П. И. Рычкова, саратовских губернаторов И. И. Поливанова и П. У. Беякова, а также «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии» астраханского чиновника И. В. Ровинского). В этих сочинениях впервые на высоком профессиональном уровне был проанализирован широкий круг вопросов, связанных с историей, современным состоянием и перспективами развития региона. В отличие от более ранних работ, посвященных Нижневолжскому региону, топографические описания в значительной степени основывались на местных источниках информации — документальных источниках, летописях, устных свидетельствах очевидцев. Использование широкого круга источников, высокий уровень эрудиции авторов топографических описаний позволили создать первые в истории науки уникальные энциклопедические труды, посвященные Нижневолжскому региону.

Ключевые слова: топографические описания, Волга, Поволжье, Нижнее Поволжье, Астраханская губерния, Саратовская губерния.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 14–24, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-14-24
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDK 294.321+94(47)

Non-Christians in the Orthodox State: Buddhism in Late-Imperial Russia (Evidence from Buryatia)

Darima D. Amogolonova¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of Philosophy, Cultural and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: amog@inbox.ru

Abstract

The paper '*Non-Christians in the Orthodox State: Buddhism in Late-Imperial Russia (Evidence from Buryatia)*' discusses the problem of relations between institutionalized Buddhism and the only state religion of the Empire – Russian Orthodoxy. Drawing evidence from various archival and scientific materials, the author examines the history of the competition between Orthodoxy and Buddhism in the late-imperial times on conditions of full support to the state religion on behalf of the state. The author argues that despite recourse to administrative resources, Orthodox clergy failed to achieve significant success in suppressing Buddhism in Transbaikalia. Moreover, despite wide-scale baptizing policy among Buryats, Buddhism found its way in the Prebaikalia areas inhabited by Buryats-shamanists who were the main object of Christianization. Buddhist leaders saw their task in preserving the Buddhist community and strengthening its positions in Russia. The mechanism for this was in the big adaptive ability of Buddhism that allowed it to get incorporated into the Russian political culture. In addition, according to an ancient tradition, the Buddhist clergy promoted upbringing of Buryats in the spirit of loyalty to the monarchy up to deification of the Tsars and their families.

Keywords: Buddhism in Buryatia, Orthodoxy in Buryatia, Russian Empire, baptizing policy, cultural interrelations.

В одном из недавних интервью глава Русского православия в Бурятии митрополит Улан-Удэнский и Бурятский Савватий (Сергей Антонов) заявил, что взаимоотношения между православным христианством и буддизмом в Бурятии на протяжении веков были мирными и взаимно терпимыми: «Исторически так сложилось, что Русская Православная Церковь и Буддийская традиционная Сангха всегда мирно сосуществовали. Мы никогда не соперничали, и не было противоречий. Присутствовал определенный нейтралитет» [Цыренов 2017: 3]. Этими словами митрополит Савватий, по-видимому, хотел подчеркнуть, что отношение православной церкви к неправославным подданным было терпимым, как того требовала государственная политика Российской империи. Между тем, факт официального признания буддизма в 1741 г. в качестве одной из религий подданных империи все же не означал, что светские власти и православная церковь относились к буддизму лояльно. Напротив, история существования буддизма в православной империи — это беспрестанное стремление государства ограничить деятельность буддийского духовенства с целью не допустить роста его влияния на бурятское население, поскольку все же подразумевалось, что буддисты (инославные, иноверные, язычники) потенциально представляли некоторую угрозу для государства вследствие возможного на них влияния политики иностранных государств. Одновременно существование институализированного буддизма наглядно свидетельствовало о терпимости православной империи по отношению к инославным, что имело значение с точки зрения разворачивающихся интересов России в Центральной Азии¹.

¹ В 1908 г. в связи с планами сооружения буддийского храма в Санкт-Петербурге гофмейстер, министр иностранных дел А. П. Извольский в письме на имя П. А. Столыпина отмечал, что подобное мероприятие укрепит дружеское расположение Далай-ламы к России и «имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так и в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламайского исповедания...» [О постройке буддийской молельни]. Речь шла о политическом соперничестве между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии, получившем название «Большая игра».

Христианизация западных бурят (шаманистов) и препятствование распространению среди них буддизма мыслились как дело политической важности, поскольку считалось, что российский патриотизм строится именно на русском православии, тогда как исповедующие «иностранные» религии, например, буддизм, априорно могли подозреваться в неблагонадежности и потенциально — в государственной измене.

При этом буддисты, которым приходилось защищать свои права, как полагает Н. В. Цыремпилов, «смотрели на империю не как на враждебную силу, но как на поле возможностей и сферу симбиотического взаимодействия» [Цыремпилов 2014: 65], а «задача буддийских элит заключалась в том, чтобы сделать царя и его министров союзниками» [Цыремпилов 2013: 205].

Если взаимоотношения государства и буддийской общины регулировались правилами, принявшими наиболее определенный вид в *Положении о ламайском духовенстве в Восточной Сибири* (1853 г.), то отношение к буддизму со стороны православной церкви на всем протяжении истории борьбы за духовное пространство в регионе оставалось непримиримым. Православию принадлежало особое место в идеологической сфере, поскольку эта религия являлась компонентом национальной идеи империи, наряду с самодержавием и народностью, а потому занимало приоритетные позиции на всей территории страны. Поскольку православие было преобладающей и единственной государственной религией Российской империи, а император носил титул «Защитник Церкви», то все остальные вероисповедания, даже признанные государством, могли лишь сосуществовать с православием, не нарушая его главенствующего статуса. Собственно, на основании особого положения православия в государстве, его политика по отношению к бурятам была нацелена на крещение возможно большего числа людей. Это касалось, шая игра». Опасения усиливавшегося влияния России в регионе, подкрепляемые убеждением, что Россия намерена захватить Индию, заставили британцев нанести упреждающий удар — в 1904 г. британцы вторглись в Лхасу, а Далай-лама XIII бежал в Ургу. Немаловажно, что он решает обратиться к русскому царю за помощью в вопросе отделения Тибета от Цинского Китая. Позитивное отношение Далай-ламы к русскому царю формировалось во многом под влиянием Агвана Доржиева.

в первую очередь, предбайкальских бурят-шаманистов, которые могли стать (и становились) объектом буддизации, а потому буддизм представлялся опасным конкурентом, мировоззренческим и политическим. *Положение о ламайском духовенстве*, регламентировавшее число лам и дацанов, защищало позиции православной церкви, поскольку подразумевало ограничения в распространении буддизма и, как мыслилось, способствовало более успешной христианизации. Деятельность буддийского духовенства находилась под контролем властей, а Хамбо лама, являясь лицом, ответственным за исполнение предписаний и подчиняющимся непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири (в 1822–1884 гг. генерал-губернаторство именовалось Восточно-Сибирским, а в 1887–1917 гг. — Иркутским), должен был исполнять чиновничьи функции: «На него возлагается главное заведывание и управление Ламайским духовенством и наблюдение, чтобы настоящий устав исполнялся в точности» [*Положение о ламайском духовенстве*]. *Положение* выделяет в отдельные параграфы, во-первых, необходимость получения разрешения МВД на постройку новых «кумирень», причем «не иначе, как по удостоверению генерал-губернатора», во-вторых, запреты на строительство «новых, отдельных от утвержденных кумирень, молитвенных зданий», в-третьих, уничтожение произвольно построенных дацанов и молитвенных зданий, «а виновные в том лишаются духовного своего звания и обращаются в светское сословие» [Там же, § 31, 34, 35].

Несмотря на то, что государство принимало ограничительные и запретительные меры по отношению к буддизму и буддийскому духовенству, руководство Иркутской епархии и православные миссионеры полагали, что существовавшие правила не только недостаточны, но и слишком мягки по отношению к чуждой религии. В докладных записках, носящих характер доносов, миссионеры уповают на государство для справедливого, с их точки зрения, разрешения проблемы неравных условий, в которых находились буддийские и православные священнослужители. Христианские миссионеры усматривали препятствия для своей деятельности в многочисленных обстоятельствах, в том числе и в «обширности пространства, занимаемого инородцами того края, дикости природы, огромному

числу язычников — 225 т.)» [Православная миссия]. При этом, отмечается в докладных записках, даже крайний недостаток миссионеров, церквей, финансово-материальных средств не является таким затруднением, как наличие «туземного ламайского духовенства». С точки зрения миссионеров, несправедливость состоит в наделении буддийского духовенства казенной землей, от 500 десятин Бандидо-Ламе¹ до 15 десятин хувараку — дацанскому ученику. «Сверх того, они пользуются значительными доходами дацанов, получаемыми от добровольных, по-видимому, а на самом деле вынужденных приношений мирян от продажи бурханов (языческих истуканов), духовных картин, молитв, поясов и хозяйственных принадлежностей. Дацаны наделены также изобильно казенною землею. Вообще ламайское духовенство, его дацаны и кумирни вполне обеспечены в материальном отношении, между тем как православные миссионеры, кроме скудного жалованья, ничего не имеют, ни от правительства, ни от своих прихожан»². При этом, отмечается в письме, «все ламайское духовенство за свою службу, вредную для пользы и целостности государства, избавлено от всех повинностей казенных и общественных, <...> совершенно свободно от надзора гражданской власти». Другим фактором, создающим, по мысли миссионеров, привилегированное положение ламства, является его подчиненность только Хамбо ламе, который ответственен исключительно перед генерал-губернатором Восточной Сибири, утверждается в своем звании Государем-императором и от него «получает грамоту за печатью, приобретая чрез это в глазах инородцев бурят такую нравственную силу, против которой ни один миссионер не может представить ничего подобного». Письмо настаивает на пересмотре законодательства по отношению к буддийскому духовенству в сторону их ограничения их прав, особенно это касалось Пандито Хамбо ламы, поскольку даже в Монголии «ламам не дано <...> ни земель, ни угодий» [Православная миссия].

Жалобы православных миссий стали причиной выезда в 1886 г. в Восточную

¹ Сохранено написание титула в документе.

² Эти сравнения не объективны, поскольку, например, согласно данным Летописи 1886 г., в одном только Баргузине двум миссионерским станам было отведено 110 десятин земли [Востриков, Поппе 1935: 36].

Сибирь, а конкретно на территории проживания бурят и распространения буддизма, чиновника департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел князя Э. Э. Ухтомского, которому было поручено выяснить на месте, выполняется ли ламами и бурятским населением «Положение о ламайском духовенстве» (поскольку, по мнению православных миссионеров, это положение не выполняется), выяснить экономический ущерб, который ламаизм, как указывалось в жалобах, наносил бурятскому хозяйству, определить целесообразность и осуществимость мероприятий, предложенных миссией для пресечения распространения ламаизма, и представить свои соображения о том, какие изменения или дополнения надлежит внести в Положение 1853 г., называемое устарелым [Востриков, Поппе 1935: 19].

Отчет (и даже его название «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним»), представленный Э. Э. Ухтомским, вполне соответствовал целям, которые ставили перед собой миссионеры: выяснить, «как и почему ламство достигло сильного влияния в стране, а также чем можно ему постепенно противодействовать, не прибегая к резким мероприятиям, напротив, искусно пользуясь его же собственными неразумными желаниями и слабостями» [Материалы по истории 2011: 167]. Э. Э. Ухтомский отмечает, что огосударствление буддийской церкви и упорядочивание ее структуры было ошибкой властей, вследствие которой позиции буддизма существенно укрепились. Расширение социальной базы буддизма происходило благодаря мероприятиям, направленным на искоренение шаманизма, тогда как первоначально мыслилось, что именно шаманисты должны были стать основной массой новообращенных в православие. А в реальности западные, предбайкальские, буряты-шаманисты довольно активно воспринимали буддизм, даже если ранее были окрещены. Выполнявшие задачу крещения видели причину такого положения вещей в том, что инородцы, новообращенные в православие, в действительности не становились христианами: «большая часть их знают христианство только по имени» [Отчет Иркутского епископа]. Борьба за умы шаманистов, проводившаяся буддийским духовенством, описывается в отчете Э. Э. Ухтомского так: «Ламы странствуют по Иркутской губер-

нии, учат своих единоплеменников поклоняться Будде, вносят нечто фантастическое в тягостное однообразие инородческого быта. Пределы стройно организованного языческого царства незаметно расширяются. По отчетам тамошних православных священников легко судить, как успешно совершается прирост к буддизму отторгаемых от шаманства. На беду, и новокрещенные инородцы, согласно свидетельству самих же миссионеров, не тверды в убеждениях и нередко поддаются соблазну воспитать потомство совершенно вне христианства. У младенцев на люльках часто висят ламайские талисманы, в жилищах хранятся ламайские идолы, и т.д. Шаманствующие буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что он позволяет им оставаться бурятами и не обуславливает, как православие, слияния и отождествления с русскою народностью» [Материалы по истории 2011: 182]. По этому поводу хочется заметить, что шаманисты не только не поддавались христианизации: их буддизация тоже не всегда была успешной и окончательной. Один из бурятских национальных лидеров, М. Н. Богданов, в статье «Бурятское “возрождение”» критически оценивал усилия А. Доржиева и Ц. Жамцарано по пропаганде буддизма среди предбайкальских бурят. Общаясь с шаманистами Иркутской губернии и спрашивая их, насколько твердо их намерение следовать учению Будды после того как их убеждали столь известные и уважаемые люди, М. Н. Богданов получал разъяснение, состоявшее в том, что буддийские деятели приезжают и уезжают, а местному населению приходится оставаться со своими духами, которых надо почитать, иначе они могут разгневаются [Богданов].

Возвращаясь к противостоянию между православными миссиями и буддийским духовенством, отметим, что изучив ситуацию с буддизмом среди бурят, Э. Э. Ухтомский представил свои предложения, касающиеся возможного изменения *Положения 1853 г.* Вопреки ожиданиям православных миссионеров, эти предложения, представленные в таблице напротив каждого параграфа существующего Положения, содержали не репрессивные и ограничительные меры, а, скорее, попытки привести букву закона в соответствие с реальными практиками. Так, оценивая количество дацанов и число лам, которые далеко превосходили разрешенные *Положением*, Э. Э. Ухтомский советует «не препятствовать их размножению: чем они

будут многочисленнее, тем беднее станет каждый и тем сильнее проявится повсеместная рознь ученого ламства, до сих пор искусственно нами самими подавляемая и искореняемая» [Материалы по истории 2011: 244]. Э. Э. Ухтомский полагал, что внутренняя конкуренция между ламами будет препятствовать их, лам, сплочению для осуществления общей цели сохранения и распространения буддизма среди бурятского населения и тем успешнее будет деятельность православных миссий.

Отказ от изменений в *Положении 1853 г.* в сторону подавления буддийской проповеди был продиктован несколькими обстоятельствами, среди которых Н. В. Цыремпилов называет интерес к российским буддистам, появившийся на рубеже XIX и XX вв. В частности, в этот период «в русской либеральной прессе встречаются статьи, в которых буддизм описывается как жертва чиновничьего и миссионерского произвола» [Цыремпилов 2013: 228]. Кроме того, открытые репрессии против одной из официально признанных в России религий противоречили бы стремлению властей предстать в глазах мировой общественности с наилучшей стороны. Показательным примером является интервью, данное англичанином-буддистом в связи со строительством Санкт-Петербургского буддийского храма газете *Биржевые новости*, которое затем было перепечатано *Русским словом*, *Петербургской газетой* и далее попало в архив МВД. В интервью Эдвард Чемпли сказал: «Во-первых, в Петербурге и Москве нас уже около 100 чел., а во-вторых, нашим культом интересуются очень многие, но часто не знают, где найти его представителей. Я перешел в буддизм 10 лет назад и глубоко верю, что это — единственная религия, которая может принести мир на землю. За последнее время интерес к буддизму стал проявляться в высших кругах Петербурга» [Интервью с англичанином-буддистом].

Немаловажно также и то, что существование институализированного буддизма отвечало интересам имперских властей с точки зрения недопущения иностранных религиозных агентов, которые могли бы под прикрытием буддийской проповеди проводить антироссийскую деятельность или собирать средства для собственных целей. В этих условиях укрепление российского буддизма и авторитет Пандито Хамбо ламы, законопослушного подданного империи, играли особую роль, что признавалось,

например, российским дипломатическим корпусом в Монголии в письме Иркутскому генерал-губернатору в 1909 г.: «Несколько тибетских лам проживают постоянно у монгольских князей и ханов, а также в известных монастырях, пользуясь особым почетом монголов. По большей же части приезжают в Монголию, как тибетские, так и тангутские ламы специально для сбора приношений. Нередко появляются между ними настоятели каких-либо видных монастырей, встречающих недостаток в материальных средствах вследствие прекращения в последнее время паломничества из Монголии, Тарбагатай, Алтая и Джунгарии. Эти-то тибетские и тангутские ламы и стремятся проникать за средствами к бурятам в Забайкалье и немногие к астраханским калмыкам. Нельзя не принять во внимание заявления Забайкальского Бандида Хамбы о нежелательности приезда в Забайкалье тибетских и тангутских лам и эксплуатации ими бурят. Поэтому, несмотря на относительную важность вопроса в политическом отношении, я со своей стороны полагал бы целесообразным допускать посещение Забайкалья тибетскими и тангутскими ламами только приглашенными бурятами с разрешения главного Бандида Хамбы» [Сношения русских буддистов с заграничными].

Необходимость введения подобных ограничений во въезде иностранных лам на территорию России подтверждается документами, повествующими о бесчестных способах отъема денег у бурятского населения и о распространении среди бурят нелепых слухов, которые могли нанести вред политической стабильности: «Монгольские выходцы — ламы, пишет о. Чистохин, в минувшем году разносили слух во всем Тункинском крае, что в Монголии воскрес из мертвых умерший назад тому 280 лет богатырь Амур-Санан, который в настоящее время воюет с китайцами, с целью сделать царем Ургинского Богду (никогда не умирающий гыгэн в Урге)¹. После победы над китайцами Санан соединит монголов и бурят в одно царство, так как бурятам осталось быть под властью Русского Царя только 28 лет. При посещении улусов означенные ламы продавали легковверным волшебные иглы, которые в случае войны стоит только рассыпать, они превратятся в железных воинов и победа будет несомненно, так как воинов этих нельзя ни убить, ни ранить. При соединении

¹ Богдо-гэгэн (монг. Светлейший Владыка) — глава буддийской Сангхи Монголии.

бурят с монголами крестить уже никого не будут. Легковерных нашлось немало и ламы “целые тысячи игл продали в Коймарских улусах (Тункинский район современной Бурятии. — Д.А.)”» [Материалы для истории 2011: 307]. Приведем в этой связи высказывание нынешнего Хамбо ламы Дамбы Аюшеева, который неодобрительно отзывается об иностранных буддийских учителях, практикующих в Бурятии и составляющих конкуренцию местным ламам: «Вот у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения — они считают, что это у них буддизм. Ну, они что? Они — иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут — им какая разница» [Хамбо лама 2013: 12].

Значительным шагом навстречу пожеланиям православного духовенства было высочайше утвержденное 7 июля 1889 г. *Положение комитета министров об изъятии духовных дел ламаитов Иркутской губернии из ведения Хамбо ламы*. Причина решения о передаче буддистов ширетуям-настоятелям местных дацанов под руководством и контролем Иркутского генерал-губернатора состояла, наряду с административными изменениями, в том, что «сосредоточение власти в руках одного главного ламы придает силу и значение ламской пропаганды среди местных язычников и препятствует распространению между ними христианства» [Материалы по истории 2011: 100].

Неудачи окрестительной политики вызвали необходимость получения сведений о собственно бурятах, их образе жизни и характере. Так, в 1892 г. генерал-губернатор Приамурья барон А. Н. Корф в докладной записке «О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье» министру МВД (по-видимому, речь идет о И. Н. Дурново) дает краткую характеристику бурят с целью «облегчения распространения среди наших инородцев православия <...>, чтобы убедиться в том, что меры, которые будут предложены, не противоречат их характеру и бытовым особенностям». В докладной записке буряты оцениваются в целом положительно, а буддизму отдается должное как религии, способствующей воспитанию нравственности, законопослушанию и трезвости: «Буряты вообще народ одаренный весьма хорошими умственными способностями, очень тщеславный, весьма добродушный, но не без хитрости. Буряты-ламаиты нравственности и честности отличной, преступления среди их случаются весьма

редко; пьянства между ними весьма мало. Они вполне преданы Государю Императору, которого считают святым перерожденцем, крайне покорны властям, отбывают лежащие на них повинности безоговорочно и безнедоимочно» [О мерах к облегчению христианской проповеди]. Стоит отметить, что бурятские буддийские священнослужители прибегали к хитрости в бюрократической переписке с властями для достижения некоторых целей. Бумажная волокита по поводу восстановления сгоревшего дацана или, тем более, строительства нового культового сооружения могла продолжаться годами и даже десятилетиями, как это было с Загустайским дацаном, сгоревшим в 1864 г., о котором Э. Э. Ухтомский писал: «Вот уже 23 года, что тысячи ламаитов лишены родной кумирни, тогда как, по вере их, упразднение святыни или нерадение в уходе за нею приносит страшное несчастье всему округу» [Материалы по истории 2011: 239]. Хотя в 1910 г. дацан был построен на новом месте, все же верующие миряне и духовенство желали бы его переноса на старое место. И тогда Хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов обратился с письмом к Иркутскому военному генерал-губернатору Л. М. Князеву с просьбой разрешить новую постройку, поскольку она якобы будет возведена в ознаменование юбилея Дома Романовых. Поддержав эту идею, генерал-губернатор, в силу должностных обязанностей выступивший в роли посредника, написал письмо министру внутренних дел с просьбой разрешить буддистам «построить в местности Загустай <...> каменный памятник “Субарга”¹ в память трехсотлетия царствования Дома Романовых с постановкой в нем бога “Аюши”²», что было особо отмечено в письме Д.-Д. Итигэлова. В том же архивном деле находится документ, подписанный чиновником особых поручений техническостроительного комитета МВД Тарановским (инициалы неизвестны), в котором указывается, что «богослужение при памятнике будет совершать духовенство приходского дацана четыре раза в год, а именно 21 февраля (день юбилея Дома Романовых), 21 октября (восшествие на престол Николая II), 6 мая и 30 июля (дни рождения Государя и наслед-

¹ Субурган (монг.) — то же, что и ступа: культовое сооружение, хранящее священные реликвии.

² Аюша (санскр. Amitābha, Amitāyus) — божество долголетия.

ника цесаревича). Подписи на субургане на русском и бурят-монгольском языке. Первоначально планировалось на субургане изобразить государственный герб» [Письмо Иркутского генерал-губернатора]. Этот пример свидетельствует о том, что в данном случае для возведения ступы и преодоления бюрократических препон Хамбо лама Д.-Д. Итигэлов, известный, кстати сказать, как стойкий монархист, прибегнул к маневру, состоявшему в изъявлении верноподданнических чувств в форме религиозного служения.

Строгая иерархическая система буддизма в Бурятии, сложившаяся благодаря политике имперских властей, расценивалась православным духовенством как одна из причин сильных позиций неправославной религии. Руководство епархии полагало, что упразднение титула и поста Хамбо ламы и, таким образом, распад централизованного управления дацанами и ламами, смогли бы подорвать основы конкурентоспособности буддизма. Епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий (Орлов) счел, что таким удобным моментом стала кончина в 1896 г. Хамбо ламы Дампила Гомбоева. В этой связи епископ направил товарищу Синодального обер-прокурора В.К. Саблеру письмо о необходимости воспользоваться печальным событием для кардинального решения проблемы растущей роли буддизма среди бурят: «В настоящее время достаточно выяснился вред, причиняемый православию временным положением о ламайском духовенстве 1853 г., и существование верховного главы Забайкальских бурят защищается только врагами христианства. Ввиду сих соображений, по моему разумению, можно было бы, воспользовавшись смертью хамбо-ламы Гомбоева, приступить к упразднению сначала самой должности хамбо-ламы, а потом и к пересмотру означенного положения». Свои предложения он объясняет следующими обстоятельствами: «Забайкальское ламство, убедившись, что новый генерал-губернатор С.М. Духовской не расположен делать особенной поправки инородческим элементам в ущерб русской господствующей народности, напрягает все свои силы и пускает в ход всевозможные интриги, чтобы только отстоять свое привилегированное положение в крае. Уничтожение означенной должности, или хотя бы приостановление выбора на эту должность, естественно явилось бы в глазах бурят, а равно и русских, не без горечи осознающих экономическую свою зави-

симость от этого племени, торжеством или лучше — началом торжества православия и русской народности в Забайкалье. А это сознание, в свою очередь, поднимет дух не только православных деятелей, но и многих из бурят, изнывающих под тяжелым режимом ламства и удаляющихся от принятия христианства исключительно по боязни своих фанатиков повелителей — лам» [Забайкальская епархия].

Одновременно защитники и проводники православия осознавали, что проповедническая деятельность и запретительная политика по отношению к буддизму не приносили желаемых результатов. Успеха можно было достичь посредством шагов к сближению с носителями чужой (чуждой) культуры со стороны самих проповедников. Во второй половине XIX в. иркутский епископ Евсевий¹ предложил отобрать 7 или 8 молодых людей, получивших высшее или среднее образование в семинарии, а также детей крещеных бурят, для получения ими полного миссионерского и университетского образования по монгольскому языку [Определение Синода]. По мысли епископа, это помогло бы доказательно представить преимущества христианской сoterиологии по сравнению с буддизмом, поскольку давало бы возможность вести проповедь среди бурят-буддистов в терминах их культуры. Позже другой Иркутский епископ, Парфений², во время путешествия по епархии ста-

¹ Епископ Иркутский и Нерчинский Евсевий (1856–1860) в 1858 г. был возведен в сан архиепископа. По его инициативе в Иркутской духовной семинарии было введено преподавание монгольского языка с целью улучшения дела крещения и православной проповеди среди бурят. Участвовал в отправке в Китай 14-ой Пекинской духовной миссии. Совершил несколько путешествий по епархии, включая труднодоступные северные районы.

² Епископ Иркутский и Нерчинский Парфений (1860–1873) в 1863 г. был возведен в сан архиепископа. Создал две отдельные миссии в Иркутской епархии – Иркутскую и Забайкальскую. Активно путешествовал по епархии с окрестительными целями; благодаря активизации миссионерской деятельности за время его работы в православие было обращено 11 тыс. бурят, тунгусов (эвенков) и других представителей коренных этнических групп Сибири. По его представлению в Синод в Иркутске в 1863 г. началось издание «Иркутских епархиальных ведомостей».

рался выяснить отношение бурят к христианству, выявить причины противодействия со стороны его противников и «отыскать людей как христиан, так и инородцев, которые могли бы оказать возможное содействие при обращении инородцев в христианство». «Для пособия в наблюдении над инородцами» и для установления лучшего контакта с буддистами Парфений пригласил в спутники миссионера протоиерея Доронтьева — бурята и бывшего буддийского ламу, — который оказался полезен для успеха миссионерских проповедей, лично обратив в православие более 50 человек и оказав помощь в составлении проекта об образовании миссий [Отчет Иркутского епископа].

Сторонником сходного подхода был выдающийся востоковед А. М. Позднеев, придерживавшийся принципа убеждения при обращении инородцев в православие. Его объяснения недостаточной эффективности миссионерской деятельности были связаны с тем, что миссионеры не владеют культурой бурят и не знают бурятского языка, что и не позволяет внедрить в сознание инородцев идеи о превосходстве христианства над буддизмом. Обращаясь к студентам Миссионерского института, А. М. Позднеев призывает их овладевать знаниями о бурятской культуре и таким образом достигать взаимопонимания и доверия. Что касается буддизма, именуемого «предметом их будущей борьбы», то чтобы разяснять «несостоятельность его учений», А. М. Позднеев советует изучать не буддизм в целом, а конкретно ту его форму, которая бытовала среди бурят. Иными словами, ученый предлагает рассматривать религиозную идентичность бурят с учетом реалий центрально-азиатского буддизма, «ибо учения Будды и Цзонхавы исходили не только из различных, а даже противоположных основ, оттого доктрины их установились на совершенно различных началах и в развитии своем достигли того, что конечные цели одного вероучения почти совершенно игнорируются другим» [Позднеев].

Последнее замечание имеет важный смысл в контексте исследования отношений между буддизмом и православием. А. М. Позднеев указывает на необходимость ознакомления не только с догматическими основами буддийской религии, но и со всей совокупностью конкретных религиозных представлений и практик, формирующих

этническую картину мира и, что важно, политические представления о миропорядке. Следовательно, изучение буддийской религиозной культуры, содержащееся в призывах А. М. Позднеева, подразумевало для него сближение между этнокультурными общностями и дальнейшей, как он предполагал, религиозной гомогенизацией, под которой подразумевалось православие — оплот российской идентичности.

В целом, непримиримая позиция православия по отношению к буддизму объяснялась не только убеждением в том, что иностранные, т.е. *чужие*, религии априорно содержат в себе угрозу внешнего политического манипулирования, но и тем, что религии неправославных подданных априорно питают антиправославные и антирусские настроения. Однако, несмотря на значительное давление, которое на них оказывалось, буряты-буддисты, именовавшиеся в империи уничижительно «язычниками» и «идолопоклонниками»¹, сохранили свою этнокультурную идентичность и религиозную принадлежность, а среди предбайкальских бурят буддизм распространялся хотя и медленно, но неуклонно. Н. В. Цыремпилов отмечает причины устойчивости буддийской общины: «В сущности, этническая идентичность бурят актуализировалась внутри системы буддийских монастырских приходов, в то время как родовые органы самоуправления, напротив, дробили бурят по родовому принципу. Находясь в составе империи, в которой царил абсолютное господство православного христианства, буряты видели в буддизме самый мощный стержень, вокруг которого они могли мобилизовывать свою этническую идентичность» [Цыремпилов 2013: 196].

При этом, несмотря на весьма болезненный процесс становления и укрепления буддийской общины в условиях действия запретительных законов, институализированный буддизм в Бурятии выказывал и доказывал свою лояльность империи и воспитывал в своих последователях верноподданнические чувства к монархии и государ-

¹ Согласно указу Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 1905 г., в официальных документах впредь запрещалось именовать ламаитов язычниками и идолопоклонниками. А в 1917 г. Временное правительство утвердило законопроект «Об именовании ламаитов в официальных актах буддистами» [Об именовании ламаитов].

ству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской. Одновременно следует учитывать существовавшее ранее и существующее ныне представление о культурном пространстве, согласно которому православие — это религия русских, а буддизм — это религия бурят. Религия способствует укреплению этнической идентичности, принадлежности к группе, обеспечивающей не только трансляцию традиций из поколения в поколение, но и ощущение безопасности на личностном уровне. Вместе с тем, в результате двустороннего характера этнокультурных взаимодействий в Бурятии сложился региональный культурный текст, который подразумевает, что буддийские религиозные ценности значимы и для тех, кто идентифицирует себя в качестве православных христиан или неверующих. Так обеспечивается толерантность и взаимное доверие в полиэтническом и мультикультурном пространстве Бурятии.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив

ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН

Источники и литература

- Богданов М.Н. Бурятское «возрождение» // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49 // РГИА, Ф. 821. Оп. 133. Д. 394.
- Востриков А.И., Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. Труды института востоковедения VIII. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1935. 75 с.
- Забайкальская епархия: письма Победоносцеву Георгия, епископа Забайкальского // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. 1895–1901 гг. Д. 93.
- Интервью с англичанином-буддистом Эдуардом Чампли // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448.
- Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX – нач. XX вв. / Составитель и автор Введения Н. В. Цыремпилов. Улан-Удэ; СПб. 2011 (электронное издание).
- О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье. От Приамурского генерал-губернатора министру МВД 18.01.1892 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 423.
- О постройке буддийской молельни в с. Старая Деревня // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448
- Об именовании ламаитов в официальных документах буддистами // РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 657.

Определение Синода от 7.05.1858 по отчету о состоянии миссионерства в Забайкалье. Дело по отчету Преосвященного Иркутского о состоянии Забайкальского края и по предположениям его, Преосвященного, и о мерах для успешного обращения Монголобурят в христианскую веру и о проч. // РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Ед.хр. 275.

Отчет Иркутского епископа о состоянии Ирк. Епархии за 1861 г. с данными о деятельности миссионеров // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51.

Письмо Иркутского генерал-губернатора министру внутренних дел 28.05.1914 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448.

Позднеев А.М. Записка о деятельности Миссионерского Института при Московском Покровском Монастыре. 4 октября 1895 г. // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 44 (Фонд А. М. Позднеева). Оп. 1. Д. 125.

Положение о ламайском духовенстве // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед.хр. 408–410, §4, 31, 34, 35.

Православная миссия среди инородцев-язычников в Сибири и меры против пропаганды ламайского духовенства (1866–98) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 431.

Сношения русских буддистов с заграничными. Копия с письма Российско-императорского Генерального консульства в Урге Иркутскому генерал-губернатору от 20.05.1909 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 426 (микрофильм).

Хамбо лама. Мысли наедине. Выдержки из речей. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 109 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XXв.). Улан-Удэ. 2013. 294 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и Российское государство в XIX в.: от конфликтов к компромиссам // Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ. 2014. С. 36–66.

Цыренов М. Человек обретает себя // АиФ в Бурятии. 2017. № 3. С. 3.

List of abbreviations

RGIA — Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian State Historical Archive]

IVR RAN — Institut vostochnykh rukopisey RAN [Institute of Oriental Manuscripts of the RAS]

Sources and references

- Bogdanov M. N. *Buryatskoe «vozrozhdenie»* [Buryat ‘restoration/revival’]. *Sibirskie voprosy* (Siberian Questions), 1907, No. 3, pp. 38–49. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 394. (In Russ.).
- Vostrikov A. I., Poppe N. N. *Letopis’ barguzinskikh buryat. Teksty i issledovaniya. Trudy*

- Instituta vostokovedeniya VIII* [A chronicle of the Barguzin Buryats. Texts and studies. Transactions of the Oriental Studies Institute VIII]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1935, 75 p. (In Russ. and Mong.).
- Zabaykal'skaya eparkhiya: pis'ma Pobedonostsevu Georgiya, episkopa Zabaykal'skogo* [Transbaikalia Eparchy: letters by the Right Reverend of Transbaikalia George to K. Pobedonostsev]. RGIA, F. 1574. Op. 2. 1895-1901. D. 93 (In Russ.).
- Interv'yu s anglichaninom-buddistom Eduardom Champli* [An interview given by an English Buddhist Edward Champli]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Materialy po istorii buddizma v Zabaykal'e XIX — nach. XX vv. / sost. i avt. vved. N. V. Tsyrempilov* [Materials on the history of Buddhism in Transbaikalia: 19th-early 20th cc. Comp. and introd. by N. Tsyrempilov]. Ulan-Ude, St. Petersburg, 2011. Electronic publication (In Russ.).
- O merakh k oblegcheniyu khristianskoy propovedi v Zabaykal'e. Ot Priamurskogo general-gubernatora ministru MVD 18.01.1892* [About measures to promote Christian sermons in Transbaikalia. (A report) by Governor-General of Amur River region to the Minister of Internal Affairs of 18 January 1892]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 423 (In Russ.).
- O postroyke buddiyskoy mole'ni v s. Staraya Derevnnya* [About the construction of a Buddhist prayer-house ...]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Ob imenovanii lamaitov v ofitsial'nykh dokumentakh buddistami* [About designation of 'Lamaists' as 'Buddhists' in official papers]. RGIA, F. 1276. Op. 14. D. 657 (In Russ.).
- Opreделение Sinoda ot 7.05.1858 po otchetu o sostoyanii missionerstva v Zabaykal'e. Delo po otchetu Preosvyashchennogo Irkutskogo o sostoyanii Zabaykal'skogo kraya i po predpolozheniyam ego, Preosvyashchennogo, i o merakh dlya uspeshnogo obrashcheniya Mongoloburyatov v khristianskuyu veru i o proch.* [Decision of the Synod dated 7 May 1858 concerning the Report on current missionary activities and conditions in Transbaikalia. Proceedings on the Report by the Right Reverend of Irkutsk on the actual conditions in Transbaikalia and his suggestions as to convert the Mongol-Buryats to Christianity, etc.]. RGIA, F. 796. Op. 139. Item 275 (In Russ.).
- Otchet Irkutskogo episkopa o sostoyanii Irk. Eparkhii za 1861g. s dannymi o deyatel'nosti missionerov* [The 1861 Report by the Right Reverend of Irkutsk on the current situation in Irkutsk Eparchy supplemented with data on missionary activities]. RGIA, F. 796. Op. 442. D. 51 (In Russ.).
- Pis'mo Irkutskogo general-gubernatora ministru vnutrennikh del 28.05.1914* [A letter by Governor-General of Irkutsk to the Minister of Internal Affairs dated 28 May 1914]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Zapiska o deyatel'nosti Missionerskogo Instituta pri Moskovskom Pokrovskom Monastyre. 4 oktyabrya 1895g.* [A note on the activities of Missionary Institute under the auspices of Intercession Monastery. 4 October 1895]. IVR RAN, A.M. Pozdneev's fund. F. 44. Op. 1. D. 125 (In Russ.).
- Polozhenie o lamayskom dukhovenstve* [Rules and regulations for Lamaist clergy]. RGIA, F. 821. Op. 133. Items 408-410, § 4, 31, 34, 35 (In Russ.).
- Pravoslavnaya missiya sredi inorodtsevyazychnikov v Sibiri i mery protiv propagandy lamayskogo dukhovenstva (1866-98)* [The Orthodox Christian mission agency among non-Russian pagans of Siberia and measures against propaganda of Lamaist clergy (1866-98)]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 431 (In Russ.).
- Snosheniya russkikh buddistov s zagranichnymi. Kopiya s pis'ma Rossiysko-imperatorskogo General'nogo konsul'stva v Urge Irkutskomu general-gubernatoru ot 20.05.1909g.* [Contacts of Russian Buddhists with foreign ones. A copy of the letter by Russian Imperial General Consulate in Urga to Governor-General of Irkutsk dated 20 May 1909]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 426 (microfilm, in Russ.).
- Khambo lama. Mysli naedine. Vyderzhki iz rechey* [Khambo Lama. Private thoughts. Excerpts from speeches]. Ulan-Ude, NovaPrint, 2013, 109 p. (In Buryat and Russ.).
- Tsyrempilov N. V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII — nach. XX v.)* [Buddhism and the Empire. Russia's Buryat Buddhist community (18th-early 20th cc.)]. Ulan-Ude, Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies Press, 2013, 294 p. (In Russ.).
- Tsyrempilov N. V. *Buddizm i Rossiyskoe gosudarstvo v XIX v.: ot konfliktov k kompromissam* [Buddhism and the Russian state in the 19th c.: from conflicts to compromise]. *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in the history and culture of Buryats]. Ulan-Ude, 2014, pp. 36-66 (In Russ.).
- Tsyrenov M. *Chelovek obretaet sebya* [A man finds himself]. *AiF v Buryatii* (Argumenty i Fakty: Buryatia newspaper), 2017, No. 3, p. 3 (In Russ.).

УДК 294.321+94(47)

**ИНОСЛАВИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ:
БУДДИЗМ В ПОЗДНЕ-ИМПЕРСКОЙ РОССИИ (на материалах Бурятии)**

*Дарима Дашиевна Амоголонова*¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: amog@inbox.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема существования буддийской общины в Бурятии в имперский период истории в условиях, когда государство признавало ограниченные права иностранных верующих, а господствующая религия — русское православие — стремилось подавить буддизм, даже вступая в конфликт с законодательством. Институализированный буддизм, со своей стороны, демонстрировал всемерную лояльность империи и монархии, а механизм защиты религии буддийские лидеры находили в адаптации к российской политической культуре, в частности, к существовавшей юридической и бюрократической системе.

Ключевые слова: буддизм в Бурятии, православие в Бурятии, Российская империя, буряты, окрестительная политика, межкультурное взаимодействие.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 25–33, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-25-33
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDK 94(47).084+(470.47)

Governmental Authorities of Kalmykia in the Soviet and Post-Soviet Experiment on Cotton Production Development (an Effort of Historical and Comparative Analysis)

Ekaterina N. Badmaeva¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Deputy Director for Research, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Abstract.

The article identifies the main concepts of Russia's cotton policy during the Soviet and post-Soviet periods and provides a comparative analysis of implementation of cotton production development programs in one of the peripheral regions — Kalmykia.

The first attempts to introduce cotton cultivation in Kalmykia had been made in the 1920s. From the perspective of local authorities, cotton production could become one of Kalmykia's export industries, and the then political leaders believed that this could serve as a means of transforming Kalmykia into a world cotton market participant. But the key problem was that there were few qualified specialists, which was aggravated by lack of decent water supply and special financial support. In the pre-war period, cotton planting in Kalmykia was underproductive and got no widespread use. During the first 'five-year plans' at the turn of the 1920s–1930s, the Soviet agrarian policy forcibly introduced cotton cultivation programs within the steppe region which was traditionally inhabited by cattle breeders.

In 1997–1999 and 2007–2012, the regional authorities made additional attempts to participate in cotton planting 'pilot' projects: experimental cotton seeds were sowed in test fields of the republic. The second short-lived experiment proved far less productive and was not developed properly since there was no special federal target program and, thus, no full-scale state financial support.

The conducted analysis reveals achievements and shortcomings of cotton production arrangements in the region during the periods under consideration and suggests further prospects for the development of cotton cultivation in Kalmykia.

Keywords: Soviet and post-Soviet periods, cotton policy, comparative analysis, governmental authorities, Kalmykia

В последние десятилетия отечественная экономика находится в состоянии перманентного реформирования, содержание и результаты которого в российском обществе оцениваются неоднозначно. Трансформации в системе управления, организации и структуре экономики России рассматриваются, с одной стороны, как процесс модернизации, с другой стороны — как изменения, не согласующиеся с условиями их реализации. С 2000 г. органы государственной власти всех уровней находятся в непрерывном поиске способов достижения стратегической цели модернизации, что находит отражение в утверждаемых правительством программах развития экономики. Не остаются в стороне общество и научная сфера, где идут постоянные споры о путях развития отечественной экономики. Очевидно, что без соответствующих знаний о способах и путях качественного преобразования экономики эффективное решение проблем реформирования, преодоление экономического кризиса в стране невозможны. И в этом, безусловно, поможет, на наш взгляд, скрупулезное изучение истории российской экономики в целом и экономики ее регионов, отдельных отраслей. Главная цель деятельности правительственных структур, поисков науки и практики на нынешнем этапе реформирования экономики — нахождение стержневых точек ее роста, которые могут дать столь необходимое ускорение социально-экономическому развитию страны.

Одной из таких краеугольных отраслей российской экономики на современном этапе является многоотраслевое сельское хозяйство. Однако внутри отрасли имеются существенные перекосы в производстве тех или иных сельскохозяйственных культур. Если выращивание зерновых в Российской Федерации во все годы, как в советский период, так и в постсоветский, традиционно продолжалось, то развитие хлопкового дела в стране имело скачкообразный характер: более интенсивно в 1920–1930-е гг., менее — в новой России. Сегодня можно сказать, что отрасль находится в зачаточном состоянии. Между тем хлопчатник, наряду с льном, шелком и т.д., является одной из основных технических культур текстильной промышленности. Продукция хлопководства всегда имела и имеет спрос на внутреннем и внешнем рынках. Хлопок выращивали еще в царской России, в основном производство хлопка-сырца осущест-

влялось в Туркестане и Закавказье, на юге российской империи — на территории современной Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей. Опыт по выращиванию хлопка имелся в дореволюционной Калмыкии, предпринимались попытки возрождения хлопководства в степном регионе в советский период и в 2000-е гг.

История хлопководства в Калмыкии в советский и постсоветский периоды является одной из самых малоизученных в региональной исторической науке. В данной статье нами предпринята попытка провести историко-сравнительный анализ опыта хлопководства в одном из сельскохозяйственных районов России — Калмыкии в 1920–1930-е гг. и в 2000-е гг., что позволит проследить и охарактеризовать организацию хлопкового дела в Калмыкии в историческом контексте, выявить особенности процесса возделывания и производства хлопка в регионе в различные периоды.

Хронологические рамки статьи охватывают следующие периоды: 1920–1930-е гг., когда органы власти автономии проводили активную работу по выращиванию хлопчатника, и 2000-е гг., отмеченные попыткой возрождения хлопководства в Республике Калмыкия. Ретроспективный и перспективный анализ позволит представить целостную картину стратегии и практики хлопковой политики советской власти и современного российского государства, ее реализации на примере одного региона, и спрогнозировать дальнейшие тенденции развития хлопководства в степном регионе.

Актуальность представленного исследования обуславливается тем, что изучение практически неисследованных вопросов развития хлопководства в Калмыкии поможет сформулировать практические выводы и предоставит возможность использовать исторический опыт для поиска путей дальнейшего экономического развития Республики Калмыкия.

После октябрьского переворота большевистское правительство признало важность и необходимость возделывания хлопка в стране. Правовой основой развития хлопкового дела в советском государстве стал подписанный В. И. Лениным декрет СНК РСФСР «О восстановлении хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской Социалистических Советских Республиках» [Декрет от 02.11.1920]. Декрет СНК от 27 ноября 1920 г. «О мерах к вос-

становлению хлопководства в Туркестанской и Азербайджанской Социалистических Советских Республиках» имел чисто практическое значение, предусматривал существенные льготы хлопководческим хозяйствам и хлопководам. В частности, он определил специальную восстановительную программу развития хлопководства до 1921 г., по которой не менее половины предметов широкого потребления, весь живой и мертвый инвентарь, предназначенный к выдаче хлопкоробам, предлагалось заготовить и доставить в хлопководческие районы не позднее конца января 1921 г., т.е. к началу посевной кампании [Законодательство СССР]. В августе 1922 г. Совет труда и обороны РСФСР принял «Положение о Главном Хлопковом комитете» и утвердил его в июне 1923 г. [Декрет от 27.11.1920]. В целом нормативно-правовые акты советского государства были направлены на ускоренное восстановление текстильной промышленности в центре и организации производства хлопка на периферии, в частности, в Калмыкии.

Как известно из практического опыта, хлопчатнику необходим долгий вегетационный период, много солнца и воды в период роста и сухая погода в период сбора урожая. Калмыкия по своим природно-климатическим условиям идеально подходила для выращивания этой ценнейшей сельскохозяйственной культуры, но в начале 1920-х гг. в связи с всеобщей разрухой, военными действиями на ее территории в годы гражданской войны и другими объективными причинами, в регионе не проводились работы по посадке этой ценнейшей сельскохозяйственной культуры. Основные трудности в организации возделывания хлопка на территории калмыцкой автономии заключались в дефиците водных ресурсов. Советское государство в первой половине 1920-х гг. стало усиленно проводить земельно-водную реформу в засушливых районах страны. Созданная в 1924 г. «Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция» отдельно для Калмыкии разработала ряд специальных программ, включая мелиоративно-гидротехническое обследование калмыцкой степи [Бадмаева 2009: 352]. Обследование территории Калмыцкой области впервые было проведено на государственном уровне. Научно-исследовательские работы Поволжской экспедиции, проводившиеся на ее территории с 1924

по 1926 гг., отвечали интересам региона и способствовали социально-экономическому развитию автономии. В Калмыцкой автономной области за счет государственных ассигнований стали планомерно решаться вопросы гидромелиорации, что стало основанием для обращения руководства области в высшие хозяйственные органы управления с предложением о включении Калмыцкой автономной области в число опытных районов по разведению хлопка в европейской части РСФСР. Тем самым Калмыкия показала свою заинтересованность в участии в советском эксперименте по разведению хлопчатника. Центральные органы власти приняли предложение руководства области о возможности возделывания хлопка в Калмыкии. 1 апреля 1927 г. под председательством заместителя народного комиссариата финансов РСФСР Р. Я. Левина прошло совещание, на котором в числе других южных районов Астраханский край и Калмыцкая автономная область были признаны подходящими для развития культуры хлопка в промышленных целях. В связи этим решением была образована хлопковая комиссия при Экономическом совете при СНК (ЭКОСО) и выделены денежные средства для кредитования крестьян для посева хлопка [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 23].

С этого времени были предприняты первые попытки внедрения хлопковой культуры в Калмыкии. Руководитель земельного управления Джирентеев в 1927 г. написал подробную аналитическую записку в Калмыцкий ЦИК о проблемах возделывания хлопка в области. По его словам, хлопчатник — одна из ценнейших сельскохозяйственных культур, и нет ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы не использовала в той или иной мере материалы и изделия из хлопка. Хлопководство, по его мнению, могло стать в Калмыкии одним из экспортноориентированных отраслей производства, т.е. его производство могло дать выход на международный хлопковый рынок. Джирентеев объяснял более выигрышное положение Калмыкии по сравнению с другими районами Юга России природно-климатическими преимуществами своего региона: ранним наступлением весны, жарким и засушливым летом, а также теплой и продолжительной осенью, что максимально способствует произрастанию хлопчатника.

23 июля 1927 г. на состоявшемся совещании в ЦИКе Калмыкии разведение

хлопчатника было признано «не только возможным, но и необходимым <...> особенно в селах, отошедших к Калмыцкой автономной области от бывшего Астраханского уезда. При этом необходимо обратить самое серьезное внимание на район Сарпинских озер в связи с запроектированным проектом водоснабжения этого района» [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 23].

Сложной проблемой практического решения вопроса о производстве хлопка в КАО стало отсутствие квалифицированных кадров-хлопкоробов, тем более, что коренное население в большинстве своем не занималось земледелием. Руководители органов управления автономии стали привлекать к выращиванию хлопка в Яндыко-Мочажном улусе крестьян русских сел — Караванного, Линейного и других, присоединенных не так давно из Астраханской губернии к Калмыцкой автономной области. В предложениях по организации хлопкового дела в автономии предлагалось в штате земельного управления КАО ввести должность специалиста-хлопководы; должность руководителя — организатора работ по разведению в области хлопчатника финансировать за счет госбюджета из средств Главного хлопкового комитета с должностным окладом 175 руб. в месяц, а также производить суточные и путевое довольствие в размере 550 тыс. руб. в год [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 748. Л. 23].

Местная власть в своих планах предусматривала, что площадь земли под хлопчатник в Калмыкии, при рентабельности культуры хлопка, должна была в дальнейшем увеличена до 20–30 тыс. га [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 23]. Первоначально, на первом этапе реализации этих планов, руководство области попросило выделить из средств Накромзема РСФСР и Главного хлопкового комитета 21158 руб. 95 коп. Кредит в размере 11728 руб. следующим организациям:

1. Манычскому опорному пункту — 3172 руб.
2. Большедербетовскому опорному пункту — 2892 руб.
3. Яндыко-Мочажному опорному пункту — 2832 руб.
4. Малодербетовскому опорному пункту — 2832 руб.

Итого: 11728 руб. [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 23].

Смета органов управления КАО по организации 4-х опорных пунктов на 1927–1928 гг. предусматривала финансирование за счет средств Главного хлопкового комитета; федерального (Накромзема) и местного уровней. За счет средств федерального бюджета предусматривались строительство жилого дома ихозпостроек, приобретение инвентаря, содержание штата, а также командировочные расходы. За счет средств местного бюджета — все остальные хозяйственные расходы, а это — закупка лошадей, заготовка фуража, ремонт инвентаря; эксплуатационные расходы: поденные работы, дооборудование, отопление, освещение [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 24].

В дальнейшем руководство Калмыкии неоднократно направляло в официальные органы новые ходатайства о выделении в рамках пилотного проекта необходимого кредитования и иных поддерживающих ресурсов. С помощью выделенных средств, которых, конечно же, было недостаточно, в автономной области стали решаться директивные указания советского правительства в области хлопководства. Финансовые средства были аккумулированы в Калмыцком областном земельном управлении, которое и распределяло их по целевому назначению. Так, например, уже в марте 1929 г. Председатель правления Союза сельскохозяйственных коллективов «Калмоблколхозсоюз» Саринев обращается к председателю Калмыцкого областного земельного управления А. Ф. Серее с просьбой о выделении средств в размере 16 тыс. руб. особым распоряжением из фонда «Засуха». Испрашиваемые финансовые средства были ранее предусмотрены постановлениями Посевкома и Облисполкома для 6 хлопководческих артелей в Яндыко-Мочажном улусе [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д.1246. Л. 11].

Более интенсивному развитию хлопководства в стране, в частности, в Калмыкии, помешала шедшая в то время ускоренная коллективизация сельского хозяйства. Темпы ее реализации не удовлетворяли руководство партии и государства. В постановлении ЦК ВКП (б) от 18 июля 1929 г. были пересмотрены ранее принятые пятилетним планом задания в сторону их увеличения. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК дал установку на масштабное развертывание колхозного движения на всей территории страны, которая неукоснительно проводилась в Калмыцкой автономной области.

Что интересно, в автономии более успешно коллективизировались хлопководческие хозяйства. Об этом свидетельствует телеграмма заведующего областным земельным управлением А. Ф. Середы, направленная в Москву, где он докладывал: на 27 ноября 1929 г. всего коллективизировано 15% всех хозяйств, из них зерновых — 29, а хлопководческих хозяйств — 60 [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д.1204. Л. 557].

Из этой телеграммы следует, что к концу 1920-х гг. в Калмыкии уже существовало определенное количество коллективизированных хлопководческих хозяйств. В результате широкомасштабной коллективизации посевы хлопчатника в КАО стали засеиваться на государственных землях. По сообщению областной газеты «Ленинский путь», только в 4-х хлопководческих колхозах Улан-Хольского улуса план хлопкодачи был выполнен досрочно, так, в колхозе «Ленинский путь» (председатель Г. Гостев) план выполнили на 222 %, колхозе им. Кирова (председатель правления Халюшев) — на 168 %, колхозе «Очн» (председатель Убушиев) — на 165 % и колхозе «Сила пролетариата» — на 110 %. Всего по улусу план сдачи хлопка государству был выполнен на 141 % [Кузнецов 1938: 3]. Отмечалось, что в Долбанском улусе посеяно хлопка на 1130 гектарах и в ноябре получено 13 ц хлопка с гектара. По приблизительным подсчетам, в улусе планировалось получить доход от хлопка в сумме 6 млн руб. В колхозе «Большевик» Яндыковского сельского совета с опытного поля бригадира Глебова было уже сдано государству по 27 центнеров с 1 га. Как отмечала газета, всего Глебов намечал собрать с гектара по 35 центнеров хлопка [Левинсон 1938: 3].

Кроме того, выращиванием хлопка занимались и мелкие крестьянские хозяйства, но их доля в общем объеме производства хлопка в автономии была незначительной. В 1930-х гг. в Калмыкии мелкие крестьянские хозяйства производили лишь более 5484 кг на 15 га в Приволжском улусе [НА РК. Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 218].

Медленный рост площадей под хлопководством в республике, низкая урожайность, темпы и качество уборки хлопка, отсутствие надлежащего контроля за сбором и хранением полученной продукции не устраивали руководство области. 25 ноября 1938 г. Совет народных комиссаров КАССР принял постановление № 966/а «О ходе уборки и

сдаче хлопка», где отмечалось, что уборка и сдача хлопка в улусах республики развернуты совершенно неудовлетворительно. На 26 ноября 1938 г. по республике было собрано всего хлопка-сырца 13746 ц или 70% плана; сдано государству 125,2%. Отмечалось, что контроль за качеством сбора со стороны УЗУ и МТС полностью отсутствует. Так, в колхозе «Ленинский путь» Улан-Хольского улуса опавший на землю в коробочках сырец составлял 120 гр. хлопка с га, что составляло свыше 10% урожая с га в целом по колхозу. Такое положение с качеством уборки отмечалось в колхозе «Социалистический путь», «Ревтруд» Лаганского улуса, «Красный коневод», «Советский Ницян», «Большевик», «Яндыки» Долбанского улуса, что грозило привести к огромным потерям урожая и снижению уровня сбора хлопка.

В целях ликвидации критического положения с уборкой хлопка Калмыцкий Совнарком постановил установить срок полного окончания хлопка с зачисткой участков 1 декабря; обязать председателей улусных исполкомов, начальников улусных земельных управлений и председателей колхозов обеспечить привлечение трудоспособных колхозников, необходимое для полного и своевременного сбора хлопка; предложить директорам МТС и председателям колхозов выделить и закрепить необходимое количество автомобильного и гужевого транспорта для бесперебойной сдачи хлопка-сырца на пункты заготовки хлопка и др. [НА РК. Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 305].

Следом последовало специальное постановление Приморского улусного исполнительного комитета, в котором обращалось внимание на недостаточную работу по сдаче хлопка в улусе в 1939 г. [НА РК. Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 305].

27 мая 1939 г. СНК КАССР принимает постановление № 488 «О проверке фактического выполнения договоров контрактации хлопка-сырца урожая 1939 г.», в котором он обязал улусные исполкомы (Приволжский, Долбанский, Улан-Хольский и Лаганский) для проведения проверки фактического выполнения договоров контрактации хлопка-сырца организовать проверочные комиссии [НА РК. Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 265].

13 марта 1941 г. выходит Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 550 «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяй-

ственных культур и продуктивности животноводства по Калмыцкой АССР». В нем, в частности, сказано: «За каждый центнер хлопка, полученный сверх плана урожайности на закрепленной за звеном площади посева, колхозники этого звена получают дополнительную плату деньгами из расчета 50% от средней стоимости по колхозу (оплата заготхлопкопунктом) одного центнера хлопка-сырца, включая сюда основную плату и премии-надбавки, получаемые колхозом [НА РК. Ф.Р-131. Оп.1. Д.898. Л.11].

Однако эти и другие предпринимаемые меры не дали должного результата. Хлопководство в Калмыкии в довоенный период было малоэффективным и не получило широкого распространения. Во многом это обусловлено тем, что действовавшая на рубеже 20-х – 30-х гг. аграрная политика советского государства навязала в годы первой пятилетки насаждение хлопковой культуры в степном регионе, население которого исконно занималось скотоводством. Крестьяне с неприятием встретили волонтаристское вторжение органов власти в традиционный процесс производства в аграрной сфере, что выразилось в их нежелании заниматься производством хлопка. У населения отсутствовали заинтересованность и опыт в разведении хлопка, что в конечном итоге порождало безразличие; самое главное, калмык-скотовод утрачивал чувство собственности по отношению к скоту и земле. Однако в целом по стране в результате осуществления намеченных правительством мер хлопководство стало быстро восстанавливаться, и в 1927 г. площадь посева под хлопчатником достигла довоенного уровня. В 1928 г. был даже превзойден уровень валовой продукции хлопка (на 50 тыс. т). Дальнейшее развитие хлопководства происходило как благодаря повышению урожайности, так и расширению посевных площадей. Расширились и границы хлопкосеяния: промышленное хлопководство впервые начало развиваться в новых районах хлопкосеяния — на юге европейской части России. В Астраханской области хлопководство попытались запустить сразу после революции, с 1918 г. А в 30-е и 50-е гг. прошлого века даже создавались хлопковые колхозы. В эти же годы на Ставрополье также выращивали хлопчатник. Под эту культуру отводилось почти 150 тыс. га. Валовой сбор хлопка-сырца доходил до 60 тыс. т. в год. С начала

1950-х гг., из-за низкой рентабельности, но в основном из-за экономической нецелесообразности, фактически прекратились посевы хлопчатника на юге европейской части России. Центр хлопкового дела в стране решили сосредоточить в традиционных районах хлопководства — в Средней Азии и Закавказье. В 1980-е гг. в южнороссийских районах проводили экспериментальные посевы хлопчатника, в частности, в одном из хозяйств Яшкульского района Калмыцкой АССР пробовали сеять хлопок, однако собранный урожай реализовать не удалось, и эксперимент прекратили.

С распадом СССР Россия осталась без стратегически важного сырья — хлопка — и оказалась в полной зависимости от всех хлопкопроизводящих стран мира. Регионы Российской Федерации предпринимали попытки самостоятельно возродить хлопководство на своих территориях. В 1997–1999 гг. калмыцкое руководство в очередной раз, как в далеком 1927 году, приняло решение вновь участвовать в пилотном проекте по выращиванию хлопка в регионе. По инициативе Заместителя Председателя Правительства В. Н. Илюмжинова, высказавшего заинтересованность в развитии промышленного хлопководства в республике, были проведены экспериментальные посевы хлопчатника на опытных полях. Полученные результаты, в частности, неплохие цифры урожайности с экспериментального поля, по оценкам калмыцких ученых-агров Калмыцкого НИИ сельского хозяйства, свидетельствовали о возможности успешного возделывания культуры хлопчатника в регионе. По мнению ученых Института, расположение Калмыкии соответствует мировой дуге хлопкосеяния, и она располагает необходимыми природно-климатическими и земельными ресурсами.

В 2000-е гг. в Республике Калмыкия в связи с ростом мировых цен на хлопок вновь возрос интерес к возрождению хлопководства. Правительство Калмыкии предполагало на территории Яшкульского района засеять хлопком 250 тыс. га. В 2012 г. по приглашению местных органов власти в Республике Калмыкия находились узбекские специалисты с целью оказания методической помощи и поставки семян. Но дальше высказанного намерения возделывать в регионе эту сложную сельскохозяйственную культуру, дело, к сожалению, не пошло.

В последние годы на основе проведенных научных исследований и результатов экспериментального посева принято решение о реализации с 2014 г. комплексного проекта по производству и переработке хлопка на базе Всероссийского научно-исследовательского института орошаемого овощеводства и бахчеводства в Астраханской области. Как отмечалось в обосновании проекта, Республика Калмыкия по всем климатическим параметрам подходит для производства хлопка: в широтном направлении с 46° по 48° с.ш. почти вся территория республики находится ниже уровня моря. Сумма активных температур колеблется от 3500° до 3900°, а эффективных от 1427° до 1751° С., из восьми проанализированных точек только в двух посев хлопчатника рискован, а в шести она достаточна для вызревания скороспелых сортов средневолокнистого хлопчатника. Анализ температурных данных, проведенный Астраханским научно-технологическим парком «Корпорация «Каспий»» по 9 регионам ЮФО, показал, что хлопок можно возделывать в Астраханской области, в Калмыкии, в Чеченской и Дагестанской республиках на их равнинной части. Как считают ученые и специалисты, в Астраханской области и Калмыкии наиболее оптимален проект «Хлопок» по возделыванию хлопчатника, поскольку в Астраханской области имеются в наличии трикотажный комбинат, швейное объединение «Дельта» и завод стекловолокна. Инвестиционный Проект был поддержан Министерством экономического развития и торговли РФ и Московской ассоциацией предпринимателей [Инвестиционные возможности]. Однако в силу разных причин проект так и не стал в полном объеме реализоваться в этих субъектах Российской Федерации. А между тем доказанный потенциал площадей, пригодных для хлопчатника, только на Юге России составляет до 500 тыс.

Таким образом, в истории Калмыкии было два периода, когда власть пыталась распространить выращивание хлопка в регионе. Первый период охватывает конец 1920-х – начало 1940-х гг. Выращиванием хлопка в этот период на небольших площадях занимались некоторые колхозы и крестьянские хозяйства Приволжского, Долбанского, Лаганского и Уланхольского улусов. С 1943 г. по известным причинам произошло свертывание хлопководства в республике.

Второй, кратковременный и гораздо менее результативный период, когда пришедшее к власти новое руководство республики посчитало возможным развивать хлопководство в регионе, приходится на 1996–1999 гг. и 2007–2012 гг. В эти годы также не произошло пространственного складывания производства уникального продукта — хлопчатника.

В ходе историко-сравнительного анализа хлопководства в Калмыкии в советский и постсоветский периоды мы пришли к следующим выводам. В 1920–1930-е гг. имела правовая основа развития хлопководства в стране в виде постановлений Совнаркома РСФСР и СССР, которые подлежали неукоснительному исполнению. Под реализацию хлопковых проектов выделялись значительные финансовые средства. Позитивным итогом стал рост хлопководческих хозяйств в Калмыкии в довоенный период, хотя урожайность с хлопковых полей была относительно низкой. В постсоветский период отдельные регионы России, в частности Республика Калмыкия, проводили экспериментальные посевы хлопка, но площади под посев хлопка были минимальными. Одна из основных причин — отсутствие специальной федеральной целевой программы развития хлопководства в стране, полномасштабного государственного финансирования. В итоге благие намерения разводить хлопок в Калмыкии и в других южных районах России так и остаются таковыми. В настоящее время хлопком в этих регионах заняты совсем незначительные земли, и опыты по его возделыванию проводятся исключительно в научных целях. Выращиванием хлопка также занимаются отдельные фермеры и предприниматели, но это, как говорится, капля в море. Между тем, в 2012 г. импорт хлопкового волокна в России составил 90 тыс. т. При этом ориентировочная потребность текстильной промышленности страны в сырье к 2020 г. составит примерно 200 тыс. т.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия:

- Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 23.
- Ф.Р-3. Оп.2. Д. 748. Л. 24.
- Ф.Р-3. Оп.2. Д.1246. Л. 11.
- Ф.Р-3. Оп.2. Д.1204. Л. 557.
- Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 28.
- Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 265.
- Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 218

Ф.Р-34. Оп.1. Д.319. Л. 305.

Ф.Р-131. Оп.1. Д.898. Л.11.

Литература

Бадмаева Е.Н. Российские экспедиции на территории Калмыкии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 11 (79). 2009. С. 348–355.

Декрет от 2.11.1920 «О восстановлении хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской Социалистических Советских Республиках» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик (электронный ресурс) // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_762.htm. (дата обращения 20 марта 2017 г.).

Декрет от 27.11.1920 «О мерах к восстановлению хлопководства в Туркестанской и Азербайджанской Социалистических Советских Республиках» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик (электронный ресурс) // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_783.htm (дата обращения 20 марта 2017 г.).

Постановление от 1.06.1923 «Об утверждении положения о Главном хлопковом комитете» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик (электронный ресурс) // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1669.htm. (дата обращения 20 марта 2017 г.).

Инвестиционные возможности России (электронный ресурс) // URL: <http://www.ivr.ru/projects/v.php?cpc=-1&id> (Дата обращения 23 марта 2017 г.).

Кузнецов Н. Сбор хлопка // Ленинский путь. 1938. №204. 11 октября. С. 3.

Левинсон А. 6 миллионов рублей дохода от хлопка // Ленинский путь. 1938. № 225. 14 ноября. С.3.

Sources

NA RK – *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia]:

F.P-3. Op.2. D. 748. P. 23 (In Russ.).

F.P-3. Op.2. D. 748. P. 24 (In Russ.).

F.P-3. Op.2. D.1246. P. 11 (In Russ.).

F.P-3. Op.2. D.1204. P. 557 (In Russ.).

F.P-34. Op.1. D.319. P. 28 (In Russ.).

F.P-34. Op.1. D.319. P. 265 (In Russ.).

F.P-34. Op.1. D.319. P. 218 (In Russ.).

F.P-34. Op.1. D.319. P. 305 (In Russ.).

F.P-131. Op.1. D.898. P.11 (In Russ.).

References

Badmaeva E.N. *Rossiyskie ekspeditsii na territorii Kalmykii* [Russian expeditions in the territory of Kalmykia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* (Tambov University Reports journal), series 'Humanities', iss. 11 (79), 2009, pp. 348-355 (In Russ.).

Dekret ot 2.11.1920 «O vosstanovlenii khlopkovoy kul'tury v Turkestanskoy i Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskikh Sovetskikh Respublikakh» [Decree of 2 November 1920 'On Restoration of Cotton Cultivation in the Turkestan and Azerbaijan Soviet Socialist Republics']. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Soviet legislation. A library of laws and regulations of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_762.htm. (accessed: 20 August 2017) (In Russ.).

Dekret ot 27.11.1920 «O merakh k vosstanovleniyu khlopkovodstva v Turkestanskoy i Azerbaydzhanskoy Sotsialisticheskikh Sovetskikh Respublikakh» [Decree of 27 November 1920 'On Measures for the Restoration of Cotton Cultivation in the Turkestan and Azerbaijan Soviet Socialist Republics']. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Soviet legislation. A library of laws and regulations of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_783.htm (accessed: 20 August 2017) (In Russ.).

Postanovlenie ot 1.06.1923 «Ob utverzhdenii polozheniya o Glavnom khlopkovom komitete» [Prescript of 1 June 1923 'On Approval of the Charter of the Major Cotton Committee']. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Soviet legislation. A library of laws and regulations of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1669.htm. (accessed: 20 August 2017) (In Russ.).

Investitsionnye vozmozhnosti Rossii [Investment opportunities of Russia]. Available at: <http://www.ivr.ru/projects/v.php?cpc=-1&id> (accessed: 23 August 2017) (In Russ.).

Kuznetsov N. *Sbor khlopka* [Cotton harvesting]. *Leninskiy put'* (Lenin's Way newspaper), 1938, No. 204, 11 October, p. 3 (In Russ.).

Levinson A. *6 millionov rubley dokhoda ot khlopka* [6 million income from cotton]. *Leninskiy put'* (Lenin's Way newspaper), 1938, No. 225, 14 November, p. 3 (In Russ.).

УДК 94(47).084+(470.47)

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАЛМЫКИИ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ ПО РАЗВИТИЮ ХЛОПКОВОДСТВА (ОПЫТ ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОГО И ПЕРСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА)Екатерина Николаевна Бадмаева¹

¹ доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье выделяются основные концепты хлопковой политики российского государства в советский и постсоветский периоды, на основе которых и проводится сравнительный анализ реализации хлопководческой политики в одном из периферийных сельскохозяйственных районов России — Калмыкии.

Первые попытки внедрения хлопковой культуры в Калмыкии были предприняты в 1920-е гг. Хлопководство, по мнению местных органов власти, могло стать в Калмыкии одним из экспортно-ориентированных отраслей производства, и руководство возлагало надежды, что его производство даст выход Калмыкии на международный хлопковый рынок. Однако одной из основных проблем производства хлопка в КАО стало отсутствие квалифицированных кадров хлопкоробов, должного подхода в водоснабжении и особой финансовой господдержки. Хлопководство в Калмыкии в довоенный период было малоэффективным и не получило широкого распространения. Действовавшая на рубеже 20-х – 30-х гг. аграрная политика советского государства навязала в годы первой пятилетки насаждение хлопковой культуры в степном регионе, население которого исконно занималось скотоводством.

В 1997–1999 гг. и 2007–2012 гг. калмыцкое руководство в очередной раз приняло решение вновь участвовать в пилотном проекте по выращиванию хлопка в регионе, и в республике были проведены экспериментальные посевы хлопчатника на опытных полях. Второй, кратковременный и гораздо менее результативный опыт развития хлопководства в регионе не получил должного развития из-за отсутствия специальной федеральной целевой программы развития хлопководства в стране, полномасштабного государственного финансирования.

Проведенный анализ позволил выявить достижения и недочеты в организации хлопкового дела в регионе в сравниваемые периоды и спрогнозировать дальнейшие перспективы развития хлопководства в республике.

Ключевые слова: советский и постсоветский периоды, хлопковая политика, сравнительный анализ, органы государственной власти, Калмыкия

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 34–43, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-34-43
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)084

Governmental Authorities and Orthodox Parishes in Kalmykia during the Transitional Period of Soviet Perestroika (the Second Half of the 1980s – 1991)

Sergei S. Belousov¹

¹Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Abstract

The article investigates the problem of restructured relations between the state and the Russian Orthodox Church in Kalmykia in the late Soviet period. It analyzes the religious situation in Kalmykia, reviews changes that had occurred in relations between the state and local Orthodox organizations, alongside with corresponding factors, studies behavioral patterns of the clergy and changes in the activities of the parishes.

The first conciliatory gestures towards the ROC were made by the Government in 1987, but it was the 1988 celebrations of the 1000th anniversary of the Christianization of Rus' that accelerated the development of state-Church relations in a positive way. The favorable changes proved possible largely due to the democratization processes within the Soviet society and state.

In Kalmykia, the changing times coincided with the emergence of young and energetic Orthodox priests who collaborated with the authorities and preferred a strategy of adaptation, i.e. established positive relationships with power structures and observed the legislation on religious cults. They had also come into contact with the organs of Church self-administration and believers.

The legislative liberalization and already favorable attitudes of the authorities towards religious organizations provided the ROC with wider opportunities for the revival of Orthodox Christianity in the society. Kalmykia witnessed a sharp increase in church attendance (although there were only two Orthodox houses of worship), religious ritualism and incomings of the Church; foundation for further development of church infrastructure was laid.

In the late 1980s, the Russian Orthodox Church enhanced its educational and cultural activities, opening a Sunday school, the first one in the republic; and since 1989, two main Orthodox holidays were celebrated with the assistance of the authorities.

A new phenomenon in public and political life of the republic was that the Orthodox clergy were involved into it, and some representatives participated in the 1989 elections of Soviets and activities of the diverse public and even political organizations.

Noting the undoubted fact of the evolution of relations between the authorities of the republic and the chief executives of the Russian Orthodox Church in Kalmykia from confrontation to cooperation, however, it is important to note that the process never ended during the Perestroika period.

The work is based on materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia, most of them are newly introduced into scientific discourse.

Keywords: Kalmykia, Soviet religious policy, Russian Orthodox Church, state-church relations, 1980s.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. в жизни нашей страны начались преобразования, которые в итоге привели к переходу к новой модели устройства общества. Перемены коснулись практически всех сфер общества, в том числе и государственно-конфессиональных отношений. Исследование последних в период реформ всегда являлось предметом пристального внимания историков, поскольку в это время происходили серьёзные изменения в религиозной политике, взаимоотношениях верующих и государства, их организационных структурах и функциях.

Вопросы перестройки отношений между государством и Русской православной церкви на рубеже 1980-х — 1990-х гг. в СССР затрагивались в работах М. Н. Бессонова [1990], Д. В. Пospelовского [1995], М. И. Одинцова [2002], И. И. Масловой [2005], О. Ю. Васильевой [2005], протоиерея В. Цыпина [2006], А. А. Федотова [2009], М. В. Шкаровского [2010], А. П. Торшина [2010]. Большое внимание данному периоду уделено в вышедшей в 2008 г. под общей редакцией архимандрита Тихона (Шевкунова) коллективной монографии «Русская православная церковь. XX в.» [Русская православная церковь 2008].

История государственной религиозной политики в отношении христиан Калмыкии в период «перестройки» до настоящего времени специально не изучалась. Отдельные аспекты данной темы нашли отражение в работах Е. Б. Поканиновой [2010], И. В. Борисенко [1999], в статьях С. С. Белоусова о православном духовенстве [2016a] и служебной деятельности уполномоченных по делам религии в Калмыкии [2016b].

Целью данной работы является исследование процесса трансформации отношений государства и православных организаций в Калмыкии в 1985–1991 гг. В рамках данной темы ставятся задачи: проанализировать религиозную обстановку в Калмыкии, рассмотреть эволюцию религиозной политики, выявить новации в отношениях государства и православных организаций, изучить поведенческие модели служителей культа и изменения в жизни приходов.

В процессе работы над статьей автор опирался на неопубликованные и впервые вводимые в научный оборот документы фондов Р-309 Совета министров Калмыцкой автономной социалистической республики (далее — КАССР) и П-1 областного

комитета Коммунистической партии Советского Союза (далее — КПСС), хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК).

В марте 1985 г. Генеральным секретарём компартии Советского Союза был избран М. С. Горбачёв, заявивший о необходимости реформирования советской системы. Первоначально руководством СССР был взят курс на ускорение социально-экономического развития страны, однако после первых неудач в реализации этого плана в январе 1987 г. было объявлено о переходе к реформированию общественно-политической системы на основе принципов гласности и демократии.

В 1985 г., к началу проведения политики «перестройки», в КАССР действовали 2 зарегистрированных общества РПЦ — в г. Элисте и районном центре Приютненского района — с. Приютном. Богослужения и отправления треб проходили в молитвенных домах, один из которых (элистинский) находился в безвозмездном пользовании у верующих, другой (приютненский) арендовался религиозным обществом. В первой половине 1980-х гг. в обычные дни молитвенный дом Элисты посещали по 40–70 чел., в с. Приютном — 30–40 чел.; в большие праздники эти цифры возрастали втрое. «Особенно в приподнятом праздничном настроении, в стечении большого количества народа, — отмечал уполномоченный по делам религии по Калмыцкой АССР, — проходят пасхальные церемонии» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 15].

В двух молитвенных домах в этот же период времени ежегодно в среднем крестили по 449 чел. и отпевали по 438 чел., при этом на протяжении второй половины 1950-х — первой половины 1980-х гг. наблюдалась тенденция роста этого религиозного обряда. Крайне редко проходили обряды венчания: за 1981–1985 гг. сочетались браком в церкви всего 3 пары молодожёнов [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 66, 86].

В 1985–1986 гг. религиозная политика государства в отношении РПЦ почти не отличалась от той, которая проводилась в предшествующее десятилетие. Как известно, пришедшее к власти после смещения Н. С. Хрущева с должности Первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 г. новое руководство во главе с Л. И. Брежневым отказалось от политики грубого административного и идеологического давления

на верующих, сосредоточившись преимущественно на совершенствовании системы атеистической пропаганды. После этого отношения между государством и РПЦ вошли в спокойное русло, однако это не означало, что власти отказались от реализации одной из главных целей коммунистической идеологии — ликвидации религиозного мировоззрения. Компартия признала, что быстрого и массового отхода от религии в обозримом будущем не предвидится, поэтому она сделала ставку на постепенное изменение сознания верующих путём повышения эффективности атеистической пропаганды. В 1985 г. заведующий отделом пропаганды и агитации Калмыцкого обкома КПСС М. Б. Бурнинов в одной из своих информационных справок отмечал, что поскольку большинство верующих являются людьми старшего возраста и их уже не перевоспитать, то особое внимание в атеистической работе надо уделить верующим среднего возраста, с тем, чтобы перекрыть их влияние на подрастающее поколение. Основные усилия должны быть направлены на постепенное изменение сознания верующих, вначале в сторону неверия, а затем и атеизма [НА РК. Ф. П-1. Оп. 54. Д. 129. Л. 26 об.].

В Калмыкии начало эпохи перемен совпало с приходом в православные молитвенные дома молодых энергичных священников: В. М. Остапенко (34 г.), В. В. Непомнящего (35 л.), М. И. Лещины (28 л.). Во взаимодействии с властями они избрали стратегию приспособления, заключавшуюся в выстраивании позитивных отношений с властями и соблюдении норм законодательства о религиозных культах. Также ими были налажены хорошие контакты с органами церковного самоуправления и прихожанами.

В этот сложный переходный период начинал своё духовное служение в республике архиепископ Элистинский и Калмыцкий Зосима (В. М. Остапенко). Он родился в с. Новочеркасском Целинградской области Казахской ССР, прошёл курс обучения в Московской духовной семинарии и академии. В декабре 1984 г. его назначили настоятелем Крестовоздвиженского дома с. Приютного, в январе 1986 г. перевели в Элистинский молитвенный дом на место ушедшего на пенсию священника И. С. Шандрыгина. Там у него произошёл конфликт с председателем церковного Совета И. Д. Василенко и ещё тремя членами органов приходского

самоуправления. Священника обвинили в стремлении отстранить И. Д. Василенко от должности и аморальном поведении, а тот в свою очередь предъявил к ней претензии в том, что она пишет на него жалобы руководству епархии и «поставлена уполномоченным, чтобы следить за ним», а также ведёт аморальный образ жизни [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2166. Л. 150]. Конфликт разрешился возвращением В. М. Остапенко в с. Приютное, уходом И. Д. Василенко в отставку и переизбранием церковного самоуправления. Вскоре сторонники В. М. Остапенко, утверждая, что священника оклеветали, стали просить архиепископа Ставропольского и Бакинского и уполномоченного по делам религии по Калмыцкой АССР Н. Н. Кекеева вернуть его в приход. По всей видимости, личность молодого и энергичного священника произвела хорошее впечатление на многих верующих элистинцев, очевидно, что положительное мнение о В. М. Остапенко сложилось и у уполномоченного, который не стал препятствовать его возвращению в Элисту. В 1987 г. он характеризовал В. М. Остапенко следующими словами: «Энергичен, эрудирован, обходителен как с верующими, так и с представителями советской власти. В его настроении, поведении, проповеди отсутствуют факты проявления недовольства социалистическим строем, действиями местных властей. Политику партии и правительства понимает правильно.» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 6].

Такое же положительное мнение сложилось у уполномоченного и о приютненском настоятеле В. В. Непомнящем: «Священник уравновешенный, спокойный, рассудительный, общительный. Настроен лояльно» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 16]. До его назначения в июле 1987 г. в приютненский молитвенный дом в нём сменилось в течение только одного 1986 г. 4 священника. На момент назначения в с. Приютное В. В. Непомнящему было 35 лет, но он уже успел отслужить в армии, закончить очно Одесскую духовную академию и заочно — Московскую духовную академию, а также поступить в аспирантуру. В начале 1989 г. его сменил молодой уроженец Калмыкии, происходивший из семьи верующих, — М. И. Лещина. «Человек он спокойный, уравновешенный. Противозаконных действий за ним не наблюдается. Верующие его любят и почитают», — отзывался о нём уполномоченный по делам религии [НА РК.

Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 83]. До рукоположения в сан священника М. И. Лещина работал в должности председателя церковного совета Приютненского молитвенного дома и зарекомендовал себя с положительной стороны. Накануне юбилея 1000-летия крещения Руси по ходатайству верующих он получил благодарность от ставропольского архиепископа.

В декабре 1985 – январе 1986 гг. в православных молитвенных домах г. Элисты и с. Приютного прошла инвентаризация культурных ценностей. Впервые иконы и предметы культа были описаны и взяты на учёт по указанию Совета по делам религии в 1982 г. 21 ноября 1985 г. Совет по делам религий своим постановлением предписал уполномоченным организовать проверочную инвентаризацию культовых ценностей религиозных организаций, что и было сделано. Специальная комиссия, состоявшая из представителей Калмыцкой государственной картинной галереи, Элистинского городского и Приютненского районного советов депутатов трудящихся, финансовых органов и уполномоченного по делам религии по Калмыцкой АССР, поставила на учёт в молитвенном доме г. Элисты 132 иконы стоимостью в 1 695 руб. и предметы религиозного культа, оцененные в 2 500 руб., в Приютненском молитвенном доме были взяты на учёт 186 икон стоимостью в 2 154 руб. и религиозные культовые предметы, оценённые на сумму в 195 руб. Члены Комиссии не обнаружили ни одного предмета, представляющего историческую или художественную ценность. Таковыми же были признаны и здания двух молитвенных домов [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2170. Л. 20].

В годы «перестройки» важнейшим историческим событием для РПЦ стало празднование 1000-летия крещения Руси. Советское руководство поддержало эту идею, пытаясь использовать эту юбилейную дату в своих пропагандистских целях. Празднование должно было продемонстрировать международному сообществу соблюдение в СССР принципов свободы вероисповеданий и совести. В то же время высшая партийно-государственная верхушка опасалась, что данное мероприятие вызовет религиозный подъем и приведет к укреплению позиций и авторитета РПЦ. Чтобы не допустить этого, компартия разработала ряд мер пропагандистского характера.

10 сентября 1985 г. ЦК КПСС приняло постановление «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганды в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». Оно обязало партийные организации активизировать борьбу с «буржуазной клерикальной пропагандой» и повысить уровень атеистической работы, чтобы не допустить увлечения обществом темой «тысячелетия». Острые пропаганды направлялось на формирование у населения коммунистического понимания места религии в обществе и разоблачение её классовой и эксплуататорской сущности [НА РК. Ф. П-1. Оп. 50. Д. 74. Л. 4]. В целях расширения атеистической пропаганды предлагалось привлечь также сотрудников культурно-просветительных и образовательных учреждений.

11 декабря 1986 г. Совет министров КАСР разослал в исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся информационные письма, в которых говорилось об активизации в стране в связи с предстоящим празднованием 1000-летия крещения Руси проповеднической деятельности духовенства, нацеленной на формирование у верующих представлений о сути православной веры и её предназначении в условиях социалистического общества в интерпретации руководства РПЦ. Советам предписывалось обратить особое внимание на изучение проповедей православного духовенства, чтобы не допустить их использования для «разжигания национальной, конфессиональной розни, антисоветчины» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2167. Л. 15]. Однако опасения властей республики оказались напрасными: в информационном отчёте за 1987 г. в Совет по делам религий уполномоченный по Калмыцкой АССР сообщал, что у священников двух православных молитвенных домов «не бывают проповеди, носящие антиобщественный, националистический характер, искажающие социалистическую действительность, противопоставляющие конфессии» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 16].

В 1987 г. уполномоченный по делам религии Н. Н. Кекеев разработал для лекторов республиканского общества «Знание» два методических материала: «Введение христианства на Руси и вопросы контрпропаганды» и «Основные законодательные акты о религиозных культах, их развитие и совершенствование». Также он 14 раз выступил с лекциями на семинарах, курсах и

перед трудовыми коллективами с разъяснением политики советского государства и компартии в отношении религии [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 24].

Для православных Калмыкии большим событием в 1987 г. стало посещение их приходов архиепископом Ставропольским и Бакинским Антонием. В г. Элисте верующие тепло встретили его у входа в церковный двор, устлав его путь до молитвенного дома платками. 26 и 27 сентября архиепископ Антоний отслужил торжественные литургии в молитвенных домах г. Элисты и с. Приютного.

В преддверии юбилейной даты православные верующие привели в порядок молитвенные дома и прилегающую к ним территорию, к ним был подведён телефон. В г. Элисте в 1988 г. был осуществлён капитальный ремонт молитвенного дома и церковных построек.

Во время подготовки и проведения юбилея 1000-летия крещения Руси местные власти не препятствовали деятельности верующих и даже помогли им в его организации, поэтому его празднование прошло спокойно и в доброжелательной атмосфере. 15 декабря 1988 г. архиепископ Антоний направил в адрес Н. Н. Кекеева письмо, где ему и руководству Калмыкии выражалась благодарность «за помощь в организации празднования 1000-летия крещения Руси и доброжелательное отношение к проведению юбилея в республике» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2167. Л. 28].

Как считают историки, год празднования 1000-летия крещения Руси стал переломным в отношениях государства и РПЦ, после чего они начали стремительно развиваться в сторону улучшения. Это стало возможным во многом благодаря быстро набравшим силу процессам демократизации общественно-политического строя в СССР, которые не могли не затронуть и государственно-церковную сферу. Первые шаги навстречу РПЦ государство сделало в 1987 г., когда облегчило верующим регистрацию новых церковных обществ, ослабило режим контроля над религиозной жизнью и отменило требование обязательного предъявления паспортов родителями при крещении детей, что могло быть использовано администрацией против них на местах их работы. 28 января 1988 г. Совет министров СССР отменил нормативные акты, ограничивавшие деятельность церковных при-

ходов, в декабре 1990 г. Верховный Совет РСФСР постановил считать праздник «Рождество Христово» нерабочим днём, а 31 декабря 1991 г. Президент России Б. Н. Ельцин издал распоряжение «О возвращении Русской православной церкви строений и религиозной литературы».

Огромное значение для всех конфессий России имело принятие 25 октября 1990 г. Верховным Советом РСФСР закона «О свободе вероисповеданий». Закон гарантировал каждому гражданину свободу выбирать, иметь и распространять религиозные, атеистические убеждения или не иметь их и действовать в соответствии со своими убеждениями в рамках существующего законодательства. Религиозные организации получили право юридического лица, им разрешили участвовать в деятельности общественных организаций, учреждать свои предприятия, образовательные структуры, издательства, средства массовой информации, организовывать факультативное преподавание религии. Согласно закону «О свободе вероисповеданий», вводился упрощённый порядок регистрации религиозной организации: число её учредителей сократилось с 20 до 10 чел., верующие сами определяли структуру и форму их объединения, могли их изменять. За Советом по делам религий фактически осталась только функция фиксации религиозного общества.

Либерализация законодательства и изменившееся в лучшую сторону отношение властей к религиозным организациям открыли перед РПЦ широкие возможности для возрождения православной веры. В условиях гласности, когда коммунистическая идеология в значительной степени усилиями либерал-демократов была дискредитирована, многие россияне, чтобы заполнить образовавшийся идеологический вакуум, стали обращаться к своим духовным религиозным истокам. В результате этого у населения повысился интерес к религиозным учениям, резко увеличилось количество людей, участвовавших в богослужениях, возросла религиозная обрядность. Так, в Калмыкии число крещений увеличилось с 453 в 1985 г. до 1 797 в 1990 г. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 55, 84], венчаний в эти же годы — с 0 до 66, в 1985–1990 гг. было зафиксировано 2 813 случаев отпеваний умерших, в то время как в предшествующие 6 лет — 2 213.

Об усилившемся интересе к религии свидетельствует также тот факт, что доходы двух православных молитвенных домов от исполнения религиозных треб в период с 1985 по 1990 гг. возросли с 5,8 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2163. Л. 39] до 43,9 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2176. Л. 104], причем произошло увеличение и их удельного веса в общих доходах — с 9,5 % до 20,4 %. В целом же, доходы Элистинского и Приютненского молитвенных домов за указанный период поднялись с 60,8 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2163. Л. 39] до 214, 6 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2176. Л. 104], т. е. более чем в 3,5 раза.

Усилившийся в «перестроечные» годы приток в церковь новых людей выдвинул на повестку дня РПЦ вопрос о расширении церковной инфраструктуры. Это могло быть осуществлено путём возвращения церкви сохранившихся в том или ином виде зданий храмов, строительства новых церквей и выделения местными властями подходящих помещений. В Калмыкии к концу 1980-х гг. уцелели только здания церквей в с. Приютном и с. Обильном, которые использовались не по назначению. В с. Приютном религиозное общество обратилось к районным властям с просьбой вернуть им пустовавшее тогда здание бывшей церкви, в котором раньше на протяжении многих лет размещался районный дом культуры. Власти согласились возратить здание и даже пообещали помочь провести ремонт, однако этим планам не суждено было сбыться из-за пожара, полностью уничтожившего здание.

В г. Элисте храм располагался в бывшей церковно-приходской школе, которая из-за увеличения числа прихожан перестала вмещать всех желающих присутствовать на богослужениях. В 1989 г. уполномоченный по делам религии Н. Н. Кекеев, Калмыцкий комитет защиты мира и республиканское отделение Советского фонда мира обратились к патриарху РПЦ Пимену, заместителю председателя Советского фонда мира и председателю Советского комитета защиты мира с просьбой выделить по 700 тыс. руб. на строительство хурула-монастыря и Крестовоздвиженской церкви в г. Элисте [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2167. Л. 29]. Для последней в 1990 г. был разработан типовой проект и установлены сваи под фундамент.

В г. Лагани у православных верующих своего церковного здания не было, поэтому власти выделили им помещение бывшего

Госбанка и помогли его отремонтировать, а местная нефтегазовая экспедиция взяла шефство над религиозным обществом [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 83].

В 1990 г. в результате проведенной организационной работы принявшего в 1987 г. монашеский постриг под именем Зосимы священника В. М. Остапенко и местных православных активистов была подготовлена регистрация трёх новых православных обществ: в г. Лагани, Сарпинском и Яшалтинском районах. В связи с предстоящим расширением сети православных приходов руководство Ставропольской и Бакинской епархии, в состав которой входили православные приходы КАССР, приняло решение об их выделении в самостоятельный благочинный округ и назначении благочинным иеромонаха Зосимы.

РПЦ в Калмыкии прилагала усилия не только по созданию организационных структур, но и по развёртыванию культурно-образовательной деятельности. При Элистинском молитвенном доме была открыта первая в республике воскресная православная школа, в которой в 1990 г. обучалось до 30 детей. Занятия в ней в форме вопросов-ответов вели отец Зосима и бывшая учительница А. А. Головки [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 85].

С конца 1980-х гг. в Калмыкии начали популяризоваться проходившие при поддержке властей главные православные праздники — Рождество Христово и Пасха. Первым опытом сотрудничества местных властей с православными стало проведение пасхальных мероприятий 29–30 апреля 1989 г., когда Элистинский городской совет депутатов трудящихся специально выделил на ночь автотранспорт для подвоза верующих в расположенный на краю города храм. Иеромонах Зосима официально поблагодарил за «прекрасное обслуживание» всех участников этого мероприятия [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2166. Л. 115]. В дальнейшем такое сотрудничество стало уже регулярным.

В 1990 г. в г. Элисте впервые при участии властей было отпраздновано Рождество Христово. Для проведения Рождественского сочельника верующим выделили обширное помещение Дома культуры профсоюзов, где состоялись рождественское представление и концерт [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 85].

В «перестроечные» годы серьёзные перемены произошли в отношениях православного духовенства и органов церковного самоуправления. Они были вызваны принятием 8 июня 1988 г. Поместным собором РПЦ нового Устава, который заметно повысил статус клириков в приходе. Им разрешили участвовать в церковном самоуправлении и финансово-хозяйственной деятельности приходов, председателем высшего органа — приходского собрания — становился настоятель, который также являлся и председателем исполнительного органа — церковного совета. Таким образом, в руках настоятеля прихода практически полностью сосредоточивалось управление приходом, что объективно не могло не повлечь отход от принципа коллективного управления в сторону единоначалия. 11 декабря 1988 г. в Элистинском молитвенном доме состоялись перевыборы церковного совета, в результате которых его председателем был избран иеромонах Зосима, в с. Приютном церковный совет возглавил (в январе 1989 г.) священник М. И. Лещина.

Положительные изменения в положении РПЦ во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. и активизация деятельности заметно подняли её авторитет в обществе. Следствием этого стало подключение духовенства к общественно-политической деятельности в стране. Возросший авторитет церкви власти пытались использовать в своих целях, прежде всего для пропаганды своих достижений в области демократии перед мировым сообществом и противодействия оппозиционным силам внутри страны. Для руководства РПЦ сотрудничество с властью тоже было выгодно, поскольку это открывало более широкие возможности для организационного укрепления церкви, пропаганды православного вероучения и участия в общественно-политической жизни.

В Калмыкии консенсус власти с православным руководством начал складываться с 1987 г.: в мае впервые на высоком официальном уровне состоялась встреча заместителя председателя Совета министров КАССР К. Н. Максимова со священниками и церковным активом, где были обсуждены вопросы взаимодействия руководства республики и церкви. 27 марта 1987 г. элистинский священник В. М. Остапенко дал главной республиканской газете «Советская Калмыкия» интервью по поводу обвинений радиостанции «Голос Америки» о пресле-

довании верующих в СССР: «Эти утверждения мы воспринимаем с сожалением. Никто и ни в чём не чинит нам препятствий — ни священнослужителям, ни прихожанам. Церковная служба ведётся по уставу, мы совершаем обряды, богослужения. Прихожане наши обеспечены работой и жильём. Дети их учатся, беспрепятственно приобретая выбранные по душе профессии. Ещё раз хочу сказать этим людям „Не сейте ложь“» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2169. Л. 79–80]. В последующие годы В. М. Остапенко не раз приглашали для выступлений на радио, телевидение, у него охотно брали интервью корреспонденты республиканских газет, при этом деятельность приходов РПЦ ими освещалась в положительном смысле.

24 октября 1987 г. священники православных церквей Калмыкии приняли участие во Всемирной антивоенной акции «Волна мира». В полдень в храмах республики прозвучал колокольный звон, после чего священники прочитали проповеди за безъядерный, ненасильственный мир [НА РК. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 24].

В конце 1980-х гг. иеромонах Зосима (В. М. Остапенко) благодаря своей активности превратился в значимую общественную фигуру в республике: он был избран председателем республиканского отделения всесоюзной организации Комитета защиты мира, а в 1989 г. баллотировался кандидатом одновременно в Верховный Совет РСФСР, Верховный Совет КАССР и Элистинский городской Совет депутатов трудящихся. Уполномоченный Н. Н. Кекеев удивлялся: «В городе второго такого, наверное, не найдётся, — и восклицал далее, — Неужели период выдвижения кандидатов в депутаты — неуправляемая компания?» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2171. Л. 68]. В период выборов 1989 г. православные и буддийские служители культа развернули активную агитационную кампанию, на что обратил внимание уполномоченный, указав, что в 1989 г. ни одному авторитетному руководителю не удалось выступить на телевидении столько, сколько им. В результате активной предвыборной кампании иеромонах Зосима был избран депутатом в Верховный Совет Калмыцкой АССР.

В конце 1980-х гг. использовать авторитет РПЦ в своих интересах пытались и представители оппозиционных властям Народного фронта Калмыкии (далее — НФК). Его представители предложили Зосиме вой-

ти в состав его руководящего органа, и он дал на это согласие. Позже в интервью газете «Советская Калмыкия» 9 февраля 1990 г. он рассказал, что согласился участвовать в НФК, ознакомившись с его программой, в которой в целом содержались популярные демократические требования, однако вскоре, более внимательно с ней ознакомившись, он понял, что попытки реализации отдельных её пунктов могут привести к осложнениям на национальной и религиозной почве. Это, по его словам, послужило причиной выхода его из НФК. Думается, что, помимо этой причины, Зосимом двигали и вполне прагматичные соображения, связанные с нежеланием осложнять хорошо складывавшиеся отношения с местными властями.

Отмечая несомненный факт эволюции отношений властей республики с руководством РПЦ Калмыкии от противостояния к сотрудничеству, вместе с тем, необходимо указать, что данный процесс в «перестроечные» годы так и не завершился. Возглавлявшая государство компартия не собиралась отказываться от своей атеистической идеологии, и подтверждением тому служит тот факт, что вплоть до 1991 г. в Калмыкии, как и по всей стране, проводились атеистические семинары и лекции, в образовании продолжала действовать система атеистического воспитания, готовились кадры атеистов. Переход к сотрудничеству завершился только после отстранения КПСС от власти и крушения советской государственной системы в 1991 г.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Белузов С. С. Православное духовенство Калмыкии. 1964–1991 гг. (Социодемографическая характеристика) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II-й Межд. науч. конф. (г. Элиста. 14–15 сентября 2016). Элиста. 2016а. С. 18–19.
- Белузов С. С. Служебная деятельность уполномоченных по делам религиозных культов в Калмыцкой АССР в 1960–1991 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016б. № 1. С. 73–79.
- Бессонов М. Н. Православие в наши дни. М.: Политиздат, 1990. 320 с.
- Борисенко И. В. Православие в Калмыкии. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999. 72 с.

Маслова И. И. Вероисповедная политика в СССР: поворот курса (1985–1991 гг.). М.: МНЭПУ, 2005. 251 с.

Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом М.: Центр. дом духовного наследия. Объединение исследователей религии, 2002. 312 с.

Поканинова Е. Б. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Калмыкия: история и современность. Элиста: АПП «Джангар», 2010. 325 с.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Русская православная церковь. XX в. / под ред. Архим. Тихона (Шевкунова). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 800 с.

Торшин А. П. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1965–1999 гг. М.: Олма Медиа Групп, Фонд современной истории, 2010. 288 с.

Федотов А. А. Русская православная церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. 402 с.

Цыпин В. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). Изд. 2-е, перераб. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 816 с.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь. XX век. М.: Вече, 2010. 480 с.

Sources

NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

References

- Belousov S. S. *Pravoslavnoe dukhovenstvo Kalmykii. 1964–1991 gg. (Sotsiodemograficheskaya kharakteristika)* [Orthodox Christian clergy of Kalmykia: 1964–1991]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie, posvyashchennoe 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. Mat-ly II-y Mezhd. nauch. konf. (g. Elista. 14–15 sentyabrya 2016)* [Humanities of Southern Russia: International and Interregional Cooperation ... Proc. of the 2nd Internat. conf. Elista, 14-15 September 2010]. Elista, 2016a, pp. 18–19 (In Russ.).
- Belousov S. S. *Sluzhebnyaya deyatel'nost' upolnomochennykh po delam religioznykh kul'tov v Kalmytskoy ASSR v 1960–1991 gg.* [The

- official activities of the Commissioners of Religious Cult Affairs in the Kalmyk ASSR in 1960–1991]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016b, No. 1, pp. 73–79 (In Russ.).
- Bessonov M. N. *Pravoslavie v nashi dni* [Orthodox Christianity: our days]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 320 p. (In Russ.).
- Borisenko I. V. *Pravoslavie v Kalmykii* [Orthodox Christianity in Kalmykia]. Moscow, Moscow Patriarchate Press, 1999, 72 p. (In Russ.).
- Maslova I. I. *Veroispovednaya politika v SSSR: povорот kursa (1985–1991 gg.)* [Religious policies in the USSR: a turn in the course line (1985–1991)]. Moscow, MNEPU Press, 2005, 251 p. (In Russ.).
- Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [Russian Orthodox Church in the 20th century: history, relations with state and society]. Moscow, Central House of Spiritual Heritage Press, Association of Religious Researchers, 2002, 312 p. (In Russ.).
- Pokaninova E. B. *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Respublike Kalmykiya: istoriya i sovremennost'* [State-church relations in the Republic of Kalmykia: history and contemporaneity]. Elista, Dzhangar Publ., 2010, 325 p. (In Russ.).
- Pospelovskiy D. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 511 p. (In Russ.).
- Russkaya pravoslavnaya tserkov'. XX v. / pod red. Arkhim. Tikhona (Shevkunova)* [Russian Orthodox Church. 20th c. Edit. by Archimandrite Tikhon (Shevkunov)]. Moscow, Sretensky Monastery Press, 2008, 800 p. (In Russ.).
- Torshin A. P. *Istoriya gosudarstvennoy politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznykh organizatsiy v 1965–1999 gg.* [The USSR and Russia: history of state policies towards religious organizations in 1965–1999]. Moscow, Olma Media Group, Modern History Foundation, 2010, 288 p. (In Russ.).
- Fedotov A. A. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v 1943–2000 gg.: vnutritserkovnaya zhizn', vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [Russian Orthodox Church: 1943–2000. Inter-church life, relations with state and society]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2009, 402 p. (In Russ.).
- Tsy-pin V. *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshey periody (1700–2005). Izd. 2-e, pererab.* [History of the Russian Orthodox Church. The Synodal and latest periods (1700–2005). 2nd ed., rev.]. Moscow, Sretensky Monastery Press, 2006, 816 p. (In Russ.).
- Shkarovsky M. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov'. XX vek* [Russian Orthodox Church: 20th century]. Moscow, Veche Publ., 2010, 480 p. (In Russ.).

УДК 94(47)084

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ КАЛМЫКИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (вторая половина 1980-х гг. – 1991 г.).

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется проблема перестройки отношений государства и Русской православной церкви в Калмыкии в позднесоветский период. Автором проанализирована религиозная обстановка в Калмыкии, рассмотрены перемены, произошедшие в отношениях государства и православных организаций Калмыкии, и обусловившие их факторы, изучены поведенческие модели служителей культа и изменения в жизни приходов.

Первые шаги навстречу РПЦ государство сделало в 1987 г., однако государственно-церковные отношения начали стремительно развиваться в сторону улучшения после празднования в 1988 г. 1000-летия крещения Руси. Позитивные перемены стали возможны во многом благодаря процессам демократизации общественно-политического строя в СССР.

В Калмыкии начало эпохи перемен совпало с приходом в православные молитвенные дома молодых энергичных священников, которые во взаимодействии с властями избрали стратегию приспособления, заключающуюся в выстраивании позитивных отношений с властями и соблюдении норм законодательства о религиозных культах. Также ими были налажены хорошие контакты с органами церковного самоуправления и прихожанами.

Либерализация законодательства и изменившееся в лучшую сторону отношение властей к религиозным организациям открыли перед РПЦ широкие возможности для возрождения православия. В Калмыкии резко увеличилось посещение населением двух православных домов, выросли религиозная обрядность и доходы церкви, было положено начало расширению церковной инфраструктуры.

В конце 1980-х гг. РПЦ активизировала культурно-образовательную деятельность, в результате которой открылась первая в республике религиозная воскресная школа, с 1989 г. при содействии властей стали торжественно отмечаться два главных православных праздника.

Новым явлением в общественно-политической жизни республики стало вовлечение в неё православного духовенства, отдельные представители которого участвовали в выборах советов в 1989 г. и деятельности различных общественных и даже политических организаций.

Отмечая несомненный факт эволюции отношений властей республики с руководством РПЦ Калмыкии от противостояния к сотрудничеству, вместе с тем нельзя не упомянуть, что данный процесс в «перестроечные» годы так и не завершился.

Работа написана на основе материалов Национального архива Республики Калмыкия, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Калмыкия, советская религиозная политика, Русская православная церковь, государственно-конфессиональные отношения, 1980-е гг.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 44–54, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-44-54
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Directional Case in Kalmyk (Evidence from the Epic of ‘*Jangar*’)

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

² Laboratory Assistant, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Abstract

The article considers the use of the directional case with evidence from multi-temporal records of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. The language of the epic — oral-poetic by nature with its certain impact in the development of the national literary language — definitely reflects the living colloquial language at the time the epic songs were recorded and, thus, preserved. The language of the epic comprises both new forms and some archaic features that stand for a certain stage of language development. The analysis of multi-temporal *Jangar* texts reveals that within the early records (the first half of the 19th century) the directional case formant *-ur/-ür* was not used. This is supported by some data on Kalmyk grammar issued at approximately the same time. However, A. Bobrovnikov points out special particles *-γur*; *-gür* (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) and defines their functional-semantic meaning as ‘the one describing the path to follow or line of action’. Along with this, we have also examples of an affix etymologically similar to that of the directional case and initially found within adverbs semantically denoting the direction of motion or place. The directional case as such was first mentioned in the *Grammar of Colloquial Kalmyk* by V.L. Kotwicz. Records of the first half of the 20th century (the epic cycle of Eelyan Ovla, epic cycle of tale-teller Mukebyun Basangov, epic cycle of tale-teller Dava Shavaliyev, a song from the repertory of Badma Obushinov) already contain forms of the directional case (*-ur/-ür*) in nominative parts of speech. Besides, the directional affix is often followed by possessive markers (*-n/-n*). Of special interest is the fact that there is an adverbial suffix (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) etymologically similar to that of the directional case (*-ur/-ür*) and semantically denoting the direction of motion or place. We may conclude that during the formation of the directional case there were two mutually approaching processes: the adverbial suffix (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) semantically merged with the postposition-adverb *uruyu* → *uru* → *ruu* (*rüü/luu/lüü*) → *uurp* (*üür*) ‘downwards, towards’. Thus, it can be concluded that the directional case took its final form in colloquial Kalmyk at the turn of the 19th–20th centuries, absorbing some functions of the dative-locative and instrumental cases; it was also accompanied by decrease in the use of the postposition *tal* ‘towards’.

Keywords: *Jangar* epic, declension, directional case.

Падежные формы в монгольских языках выработались в процессе исторической эволюции, которая выражалась, с одной стороны, в усложнении языка в результате грамматикализации и размытия физических оболочек служебных слов, а с другой стороны — в упрощении отдельных уровней и подуровней языка. Процесс этот затрагивает все аспекты естественного языка, поэтому с момента зарождения научного монголоведения вопросы, связанные со склонением имен, интересуют умы ученых. В данной статье рассматривается употребление направительного падежа на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар». Язык эпоса представляется интересным в том плане, что это, прежде всего, язык устно-поэтический, развивавшийся параллельно письменному (книжному) калмыцкому языку, поэтому он представляет интерес не только потому, что он влиял на становление норм национального литературного языка, но и потому, что он отражает в определенной мере живой разговорный язык на момент записи и фиксации песен эпоса, являясь важным источником изучения истории калмыцкого языка. Но вместе с этим в языке эпоса наряду с новыми формами нередко имеют место и архаические черты, которые отражают определенный этап развития языка.

Падежные формы и их семантика в калмыцком языке специально рассматривались в работах Б. Х. Тодаевой [1946; 1960], С. М. Трофимовой [1984].

Как известно, в системе склонения имен монгольских языков направительный падеж считается одним из поздних. В старописьменном монгольском языке [далее — СПМЯ] Г. Д. Санжеев различает 9 падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный [Санжеев 1964: 62–66]. Исследователь памятника письменности классического письменного монгольского языка XVII в. «Алтан Тобчи» М. Н. Орловская также выделяет 9 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный и соединительный [Орловская 1984: 21]. По мнению ученых-монголистов, образование аффикса направительного падежа восходит к послелогу-наречию *ириуи* → *уру* → *руу* (*руу* / *луу* / *лүү*) → *уур* (*үүр*) 'вниз, по направлению к [по]' [Санжеев 1953: 175; Бер-

тагаев 1961: 8]. В СПМЯ послелог-наречие *ириуи* писался отдельно от слова, не зависел от гармонии гласных, от открытости и закрытости основы слова. М. Н. Орловская считает, что послелог *ириуи* «употребляется для обозначения передвижения вниз» и в качестве послелога управляет основой [Орловская 1984: 198]. Она также считает, что «в современном языке послелог *ириуи* грамматикализовался в падежный показатель *руу* / *луу* (направительный падеж), с подчинением закону гармонии гласных и чередованием начальных *p*~*л* в зависимости от конечного звука основы (*л* употребляется после основ на *-p*)» [Орловская 1984: 198]. Необходимо отметить, что у послелога *ириуи* имеется антоним *ögöde* / *ögede*, обозначающий направление движения вверх ('по', 'к') [Санжеев: 1964: 226; Орловская 1984: 198]. Известный исследователь старописьменного калмыцкого языка Д. А. Павлов также, ссылаясь на мнение Г. Д. Санжеева, считает, что «в калмыцком языке не было направительного падежа. Появление этого падежа <...> связано с переходом послелога *уру*: (*ру*) в аффикс падежа (*ур* / *үүр*): *хол* → *холур* 'к реке' [Павлов 1976: 33].

Рассматривая историю изучения собственно калмыцкого языка, необходимо отметить, что уже в первых грамматиках строй калмыцкого языка получил довольно полное освещение, особенно в отношении таких разделов, как фонетика и морфология. Собственно первая «Грамматика калмыцкого языка» обязана своим появлением профессору Казанского университета А. В. Попову [1847]. Автор подробно раскрывает систему склонения калмыцкого языка, отмечая, что в зависимости от окончания основ слов «существительные имена <...> разделяются на три склонения» [Попов 1847: 43]. Он выделяет восемь¹ падежных форм: именительный (основа слова), родительный, отделительный, дательный или местный, винительный, звательный, творительный инструментальный, творительный совокупительный [Попов 1847: 49–50]. Необходимо отметить, что автор грамматики приводит не только устоявшиеся книжные формы падежных окончаний, но и разговорные, как он их называет, «про-

¹ Автор в параграфе 70 ошибочно указывает, что в калмыцком языке имеется 9 падежей, хотя ниже он рассматривает и приводит примеры склонений только восемью падежных форм [Попов 1847: 49].

сторечные», формы. А. В. Попов не выделяет направительный падеж, но здесь интересно его замечание, касающееся наречий места. Помимо собственно наречий, семантически выражающих направление движения, — *inaqši, inaqšida, inaru, nāru* ‘сюда’; *činaqši, činaqšida, cāru* ‘туда, далее’; *dēre, dēqši, dēqšide, dēgür* ‘наверху’; *ödö* ‘вверх’ и т. д., он причисляет к наречиям места «особенный вид наречий, выражающих направление и способ движения предмета», которые образуются из имен существительных в творительном инструментальном и дательном падежах, отвечающих на вопросы *куда?* или *где?*, например: *dalai* ‘море’ — *dalayiyār* ‘море (по морю?)’, *aru* ‘зад’ — *aruyār* ‘задом’, *ger* ‘дом’ — *gerte* ‘домой’ [Попов 1847: 179–181].

Автор следующей «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. Бобровников подробно рассматривает систему склонения имен, выделяя 7 падежей: именительный (основа слова), родительный, винительный, исходный, местный, творительный, соединительный. А. Бобровников указал еще на два редко употребительных падежа: падеж, назначенный для показания меры в высоту по частям тела живых существ, и звательный падеж. Как и автор предыдущей грамматики, А. Бобровников не выделяет направительный падеж. Вместе с тем в главе III «Частицы», выделяя «частицы особенного производства», он пишет, что «кроме склонения для производства частиц употребляются еще следующие окончания: 1) *-γur*; *-gür* (в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*)» [Бобровников 1849: 192]. Описывая функционально-семантическое значение данного окончания, автор отмечает, что они образуют частицы, «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия. Корнями этих частиц служат имена и корни частиц, имеющих форму местного падежа. Например: *tügürigöür* ‘кругом’ от *tügürig* ‘кружок’; *dēgüür* ‘поверху’ от *dēre* ‘наверху’; *хоуіууур* ‘в последствии, позади’ от *хоуіно* ‘после’; *хāууур* ‘по каким местам’ от *хатіуā* ‘где’; *нāууур* ‘по здешней стороне’ от *нāду* ‘по сю сторону, ближе’; *сāууур* ‘по той стороне’ от *сāна* ‘по ту сторону, далее’» [Бобровников 1849: 192]. Помимо данных окончаний, автор указывает на аффиксы *-qši* и *-ši*, посредством которых производятся «частицы», также семантически показывающие направление движения. На-

пример: *inaqši* ‘сюда’; *doroqši* ‘вниз’; *cāši* ‘туда, прочь’ [Бобровников 1849: 192–193].

Известный исследователь монгольского языка М. Н. Орловская считает, что послелог *degegür* ‘поверх’ образован от основы *dege=* и наречного суффикса *=gür* (ср. также *qoyina* — *qoyi=* + *=γur*) [Орловская 1984: 197, 200].

Таким образом, авторы первых двух грамматик не выделяют направительного падежа при склонении имен. Вместе с тем А. В. Попов опосредованно (указывая на наличие наречия *dēgür* ‘наверху’), а А. Бобровников прямо (выделяя окончание *-γur*; *-gür*; в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*) выделяют формант *-uur*; *-öür*, который семантически указывает направление движения. Однако эти форманты используются только для образования наречий («частиц» по А. Бобровникову). Необходимо также отметить, что эти две грамматики в основе своей построены на книжном калмыцком и монгольском языках, где в первую очередь приводятся книжные формы той или иной парадигмы. Вместе с тем, авторы старались в некоторых случаях приводить и разговорные («просторечные») формы.

В отличие от вышеуказанных работ, В. Л. Котвич поставил задачу «составить краткий очерк грамматики калмыцкого разговорного языка» на основе живой речи калмыков [Котвич 1929: VII]. Рассматривая парадигму склонения имен калмыцкого языка, В. Л. Котвич различает 10 падежей: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, исходный, творительный, соединительный (две формы), *направления* и *предельный* [Котвич 1929: 147]. «Падеж направления, — пишет автор, — обозначает предмет, по направлению к которому совершается движение. Для образования его употребляется приставка *-уур*; *-үүр*: *ац* — *ацуур*; *цаг* — *цагуур*» [Котвич 1929: 160]. Кроме этого, интерес вызывает замечание В. Л. Котвича, касающееся «особых приставок» — *тал* ‘в сторону, по направлению к’; *дёрә* ‘на, над’; *донр* ‘внутри, в’. В частности, он предполагает, что «со временем здесь образуются новые падежи, но пока признать эти наречия падежными приставками мешают два обстоятельства: 1) они употребляются еще и в значении самостоятельных слов и 2) не подчиняются закону гармонии гласных» [Котвич 1929: 195–196].

Таким образом, в своей работе, которая была подготовлена в 1915 г. и издана в 1929 г., В. Л. Котвич выделяет направительный падеж в системе склонения калмыцкого языка. Это объясняется тем, что в живой разговорной речи калмыков уже, возможно, этот падеж широко использовался в именных и субстантивированных словах.

В «Грамматике калмыцкого языка» 1940 г. Г. Д. Санжеев также отмечает наличие направительного падежа в системе склонений калмыцкого языка. «Имена в направительном падеже, — пишет он, — имеют окончания: 1) *-ур* или *-үр* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой согласный, кроме *н*, или редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, и 2) *-һур* или *-һүр* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой долгий гласный и заднеязычный *н*» [Санжеев 1940: 48].

В 1966 г. Б. Б. Бадмаев в «Грамматике калмыцкого языка» выделяет 9 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, творительный, совместный, соединительный, исходный и направительный [Бадмаев 1966: 28].

В нормативной грамматике калмыцкого языка отмечается наличие 11 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный, соединительный, направительный, а также два редкоупотребительных (звательный и предела) падежа [Грамматика 1983: 102].

Исследователь литературного ойратского языка XVII в. Н. С. Яхонтова выделяет 8 падежных форм: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный и соединительный падежи [Яхонтова 1996: 44]. Анализ калмыцкого языка XVIII в. на материале деловых писем, выполненный Д. А. Сусеевой, также указывает на наличие 8 падежных форм: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (орудный), совместный, соединительный, исходный [Сусеева 2011: 89].

В современном калмыцком языке направительный падеж образуется с помощью аффиксов *-ур* / *-үр* / *-һур* / *-һүр* / *-гур* / *-гүр*, который присоединяется к основе слова в зависимости от конечной буквы. Этот падеж указывает на направление действия и отвечает на вопрос *кенүр?* ('в направлении кого?') *юунүр?* ('в направлении чего?'). Основные значения направительного падежа следующие: 1) обозначает лицо, предмет,

к которому направлено действие; 2) обозначает пункт назначения действия; 3) может выражать обстоятельство времени при наличии в предложении временных слов и глаголов движения. Несмотря на тот факт, что к направительному падежу перешли некоторые функции дательного-местного падежа, связанные с внешней стороной направления, значения, связанные с обозначением места нахождения или приближения, сохранились за дательным-местным падежом [Грамматика 1983: 131].

Таким образом, анализ грамматик калмыцкого языка показывает, что первое упоминание о направительном падеже мы находим в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича. Можно предположить, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв.

Рассматривая употребление направительного падежа на материале текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар», необходимо отметить разновременной характер записи циклов песен или отдельных песен (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), их диалектные особенности, разные школы исполнительского мастерства джангарчи и т. д. В настоящее время сформирован корпус текстов, состоящий из 28 песен. Для удобства мы решили разделить их по временному критерию:

- I. Ранневременные записи: Малодербетовский цикл (3 песни, записаны в 1862 г.), Багацохуровский цикл (3 песни, записаны в 1854–1862 гг.);
- II. Записи первой половины XX в.: эпический цикл сказителя Ээлян Овлы (10 песен, магтал, записаны в 1908 г.), эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова (6 песен, записаны в 1939 г.), эпический цикл сказителя Давы Шавалиева (4 песни, магтал, записаны в 1939 г.), песни из репертуара Бадмы Обушинова (1 песня, записана в 1901 г.);
- III. Поздневременные записи Насанка Балдырова (1 песня, записана в 1966 г.).

I. Ранневременные записи, к которым можно отнести Малодербетовский цикл (3 песни) и Багацохуровский цикл (3 песни) не обнаруживают употребление направительного падежа. Направление действия выражается посредством употребления дательного-местного или орудного падежей, а также послелогов *тал* 'по направлению, к', *өөд* 'по направлению вверх, к', наречия *уру* 'вниз по направлению'. Например:

Малодербетовский цикл	
Долда Зеерд ажрһта, Ажрһин ууһн үрн — Дольһрхн сээхн Зеердиг Дуут Жаһһрин өргә тал зөрүлэд һарв.	С жеребцом Долда-Зерде [во главе], Жеребца [того] был он первенцем. Испытанного [скакуна], красавца Зерде Славного Джангара ко дворцу повели.
Һунхн Улан Шовиур гижэ нер өгв. Нарн һархин зүн үзүг тал Аһһучлжэ йовтл, Күчтә күлгин тоосн һарв.	Трехлетним Алым Шовиуром его нарекли. От восхода солнца по левой стороне Охотился он, когда От могучих кюлюков [туча] пыли поднялась.
– Бидн энд бээдг Нарн Гүшиг Зандн хаани бодһгуд билэ бидн, Нарн һархин барун үзүг тал бээдг Шар һолын һурвн хаани Алв авад, хэржэ йовна бидн.	– Мы здешней страны, Наран Гюшиг Зандан хана богатырями были, От солнечного восхода по правой стороне живущих С трех ханов шарайгольских Собрав дань, возвращаемся.
Тавиң Зандн уулын өргәр Өөд дүүвр Зеерд һарад ирв.	Плосковерхой сандаловой горы Тавцанг Зандан Гордый Зерде на вершину его вынес.
Хээрхн Цаһан уулын өргәр Өөд һарад ирв.	Священной белой горы Цаган К вершине он поднялся.
Махн көөрэд, болад ирхин алднд Хойр көвүн уру хэләһэд , Өөдән хэләхин заагт Махн чиг уга, Эмгн чиг уга болад одв.	Мясо пениться-поспевать как стало, Двое молодцов только вниз Да вверх глядь-поглядь — И мяса как не бывало, И старуха [бесовка] пропала!

Багацохуровский цикл	
Дала замбин бичрнь Самбл сууһин салькнд дээвлхдән Далн тавн теңгрин аһар тал «Дар[а] эк», «Сидди» номин айсар яңлдов.	Густая листва, когда шумела на ущельном ветру, самбал [называемом], К обители семидесяти пяти тенгриев , возносящемуся молебному пению «Дара эке» и «Сидди» подобно шелестела.
Ут зандн модни Улан шар бичрнь Оһтһу тал савихдан	Высокого сандала Красно-жёлтые листья, Когда к небу тянулись...
Хурдн Алгарн аду өөд одв.	На резвом Алаге своём к табуну поскакал.
Нээмн миңһн сорнц сорлһ усни йорал өөд сорна.	Восемь тысяч водоворотов тянут ко дну .
Түрг уру татжэ унһаһад, Нурһн деернь сарвлзгч хойр һаринь күлв.	Стянув его вниз , ничком уложив, На спине раскинутые руки ему связал

В ранневременных циклах довольно часто используются послелого, образованные путем прибавления наречного суффикса -ур, -үр, -һур, -гүр. Посредством

этих послелогов также осуществляется управление именными формами для выражения пространственных отношений. Например:

Малодербетовский цикл	
Өндр күлгин дораһур , Боһни күлгин деегүр Еңсг сээхн толһаг ялмн сээхн хаадан авв.	Под высокими кюлюками , Поверх маленьких [невысоких] кюлюков перемахивая], Как стройная [песня] ладную, голову, Как у тушканчика, [точеным] красивым, к передним ногам пригнул.
Үүдтин дораһур , Өрктин деегүр сунад одв.	Под дверными низами [юрт], Над дымниками [юрт] вытянулся [конь в прыжке].
Нәрн цаһан хавсн заагүр Нээтг улан һолднь күргэд, Холькад одв...	В промежутке тонких белых ребер его Трепетную алую основу [жизни его] поразил... [Копье в ней] раскачал–провернул.

Багацохуровский цикл	
Уулын дүңгэ цаһан долъган дотраһур Орад өөмэд одөл...	В белые волны, с гору высотой, Друг на друга накатывающиеся, Войдя, он поплыл...
Сай жува цахрин дотраһурнь Зарлн зэрлг болад йовхлань...	Когда по многолюдному сахару [хотону], Выведывая, расспрашивая, он проезжал...
Сарул сээхн тала дотраһур Сээхн Зеердин аминь эргүлэд, Аашна гинэл.	Прекрасного Зерде повернув, По светлой прекрасной равнине Едет он [Хонгор], говорят.

II. В записях первой половины XX в. (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) большая часть пространственных отношений также выражается посредством употребления дательного-местного или орудного падежей, послелогов *тал* 'по направлению, к', а также спорадически — с помощью наречия *уру* 'вниз по направлению', *өөд* 'по направлению вверх, к'. Например:

Эпический цикл сказителя Ээлян Овла	
Эн Эрклүһин Мөңгн Цаһан уулын Ар тал бээһич Хойр мөртәһән», — гихэд...	«Ты со своими двумя конями Будь на северной стороне Серебристо-белой горы Эрклю», — [Хонгор] сказав...
Зуран экн тал бээдг Зун нэәмн хоңхинь зүүв, Күзүн тал бээдг Күрл нэәмн хоңхинь зүүв.	[По бокам] крупа подвесил Сто восемь бубенцов, На шею повесил Восемь бронзовых бубенцов.
Арвн хойр сүрән* Амн өөд деврэд...	Двенадцать отваг Стали [грудь] распирать [букв. через рот выходить]...
Әәрстин хар елдцгәр Толһа өөднь дарад одв...	[Хонгор] ударил [Монхля] по голове Скрученной черной плетью...

Эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова	
Бумбин орн гидг орта Богд Жаңһр гидг хан тал оч йовнав...	Еду к богдо Джангару, Владыке страны Бумба...
Газрин өр догдлад одлал. Үүдн тал авч һархм биш! — гижс келнә.	Не нужно передвигать его к двери!» — сказала она.
Шар хавхин үүднд авч ирэд:	Подвели [его] к желтым дверям [дворца]:
Күрл шүтәндән эн Күрэд мөргәд орквл.	Подойдя к бронзовому божеству, Поклонился ему.
Хоңһрин үүдәр ирвл: — Хоңһр та, — гивл—	Подъехал он к дверям [кибитки] Хонгора и крикнул: — Вы, Хонгор, ...

Эпический цикл сказителя Давы Шавалиева	
Арнзлын хурдн Зеердин Бээрлдг һазрт күрэд ирхлә...	Прибыл к месту обитания Резвого аранзала Зерде
Усн талнь шахн чавчад, Далан көвәд ээрн бээжс чавча...	К большому морю прижимая, рубили их, На берегу океана, собирая их в кучу, рубили...
Һурвн бум күмни ора деегүр Ик шар түлмта Баатр Бадмин Уланиг хаяд өгв.	Богатырь Хошун Улан Поверх макушек трехсоттысячного войска перескочил, Схватил тулум и снова бросил [Джилгану].
Нэәмн миңһн жидин деегүр Дөрвн мөчән күргл уга һәрәддг...	Перепрыгивает он через острия восьми тысяч копий, Не зацепив их конечностями...

В записях первой половины XX в., помимо вышеуказанных форм, уже встречаются имена в форме направительного падежа, выражающие направление действия. Например, в репертуаре Ээлян Овлы в форме

направительного падежа встречается местоименное наречие *бий*. Более того, послелог *тал*, который семантически уже несет значение направления действия, также наращивает формант направительного падежа:

Эпический цикл сказителя Ээлян Овлы	
«Би түрүлжэ замин талаһур одсув», — гижэ, Бөгн-тошн гүүһэд һарв.	«Первым делом в поварскую [букв. в сторону поварской] схожу», — сказав, пригнувшись побежал.
Бум куцгсн цахриннь Өмн бийдһур эргэд...	Стотысячный <i>цахар с юга</i> объехал...
Уру бийдһурнь эргэд, Шидрдс гийһэд күрэд ирв.	Обойдя [кон] сзади , [К мальчику] приблизился он.
Нэгр алтн ширэн өмн бийдһур Наар цаар хойр йовжэ бээһэд:	Прохаживаясь туда и сюда Перед золотым троном, [стал говорить]:
Нарн һарх суух хойрин хоорндаһур темцэд...	букв. Ехал между восходом и закатом солнца...

Отдельно следует отметить репертуар падеже находим не только местоименные Бадмы Обушинова, где в направительном формы, но и имена существительные.

Песня из репертуара Бадмы Обушинова	
Мууст шидрдэд, Күрч ааихлань Мус үзчкэд, Хойр, һурв сорчкад, Амнур юмн эс оржэ өгэд бээхлән, Һарад ирэд, зулна.	Когда он приблизился к <i>мусу</i> , Стал близко подходить [к нему], <i>Мус</i> , увидев [Джангара], Начал втягивать его в себя, Два-три раза втягивал его. Он не входил в рот . <i>Мус</i> пустился бежать.
Жаңһр тер берүү Довтлад күрч ирнэ	Джангар сам поскакал к той молодой женщине
– Пух! Нарн орх үзгүр һаргсн Алг иктэ адунас	Лучшего коня из нашего пегого табуна, Пасшегося в стороне захода солнца .
Нарни үдүр һарад йовна тедн.	Направился в сторону полуденного солнца.
Тедүр оржэ чадхши.	Но никто не осмелился подойти к ним .

III. В поздневременной записи второй половины XX в. (песня из репертуара Насанка Балдырова) пространственные отношения выражаются посредством употребления дательного-местного, орудного и на-

правительного падежей, а также послелогов *тал* ‘по направлению, к’. Причем имена, помимо аффикса направительного падежа, могут иметь и показатели посессивности. Например:

Песня из репертуара Насанка Балдырова	
Түүнэсн һарад, өндр зандн модна Ора деер суугсн Өлн хордур гүүлгэд күрэд ирнэ.	Оттуда поехал он к пеликану , [что] на высоком сандаловом дереве, На самой вершине сидит.
Дегдэн алтн чикнь Деед Бумбин орн тал Селн хээчлэд бээдг...	Золотистые уши его, Прядают попеременно В сторону страны верховной Бумбы...
Тана зольвн нанд бээһэ! — гийһэд, Һульһад һарһад өгчкэд, Уснурн орад йовад одна.	То, что вы потеряли, имеется у меня! — сказав, Отрыгнула, выбросила [наземь Хонгора], Нырнула в воду , уплыла.
Нарн һархин ар үзг тал харвад оркхлань...	Когда он посмотрел севернее восхода солнца...

Анализ разновременных текстов эпоса «Джангар» показывает, что в ранних записях (первая половина XIX в.) формант направительного падежа *-ур* / *-үр* не употреблялся. Это подтверждается данными грамматик калмыцкого языка, которые вышли параллельно первым записям эпоса «Джангар». Между тем А. Бобровников отмечает частицы особенного производства *-γur*; *-gür* (в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*), функционально-семантическое значение которых он определяет как «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия» [Бобровников 1849: 192]. Причем аффикс, этимологически схожий с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*), изначально встречается в наречиях, семантически указывающих направление движения или место.

Первое упоминание о собственно направительном падеже мы встречаем в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича [Котвич 1929: 147]. В записях первой половины XX в. (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) мы уже встречаем употребление аффикса направительного падежа (*-ур*, *-үр*) в именных словах. Кроме того, к аффиксу направительного падежа присоединяются показатели посессивности (*-н*; *-нь*).

Между тем, интересен факт наличия наречного суффикса (*-γur*; *-gür*; в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*), этимологически схожего с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*). Если образование аффикса направительного падежа восходит к послелог-наречию *urγuri* → *уру* → *руу* (*рүү* / *луу* / *лүү*) → *уур* (*үүр*) 'вниз, по направлению к [по]', то как трактовать факт наличия наречного суффикса (*-γur*; *-gür*), изначально встречающегося в наречиях и семантически указывающего направление движения или места? Мы считаем, что это отражение двух встречных процессов в образовании направительного падежа: с одной стороны переход наречного суффикса *-γur*; *-gür* (в калмыцком и разговорном монгольском: *-uur*; *-öür*), с другой стороны — грамматикализация послелога-наречия *urγuri* → *уру* → *руу* (*рүү/луу/лүү*) → *уур* (*үүр*) 'вниз, по направлению к [по]'.

Таким образом, можно сказать, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв., в связи с чем, как справедливо отмечает Д.А. Павлов, направительному падежу перешла часть функций дательного-местного и орудного падежей, а также заметно стало ссужаться употребление послелога *тал* [Павлов 1976: 33].

Источники

Малодербетовский цикл

- [МД: I] Ут Цаһан Маңһсиг богд Жаңһр дөрәцүлгән бөлг.
[МД: II] Күрл Эрднь Маңһс хааг богд Жаңһр дөрәцүлгән бөлг.
[МД: III] Догһн Шар Гүргү Маңһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрәцүлгән бөлг.

Багацохуровский цикл

- [БЦ: I] Дуут богд Жаңһр Догһн Хар Кинесиг дөрәцүлгән бөлг.
[БЦ: II] Аср Улан Хоңһр Догһн Шар Маңһс хааг әмдәр кел бәрж авч иргән бөлг.
[БЦ: III] Догһн Замбл хаана һалзу долан бодһгиг Аср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрәцүлгән бөлг.

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

- [ЭО: I] Хоңһрин гер авһһна бөлг.
[ЭО: II] Арслңгин Арг Улан Хоңһр Арг Манзин Буурлта, Әәх Догһн Маңһна хаанла бээр бәрлдгән бөлг.
[ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бээр бәрлдгән бөлг.
[ЭО: IV] Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шоңһр һурвна бөлг.
[ЭО: IX] Орчлңгин Сәәхн Миңъян Күчтә Күрмн хааг әмдәр бәрж иргән бөлг.
[ЭО: V] Буурл һалзн мөртә Бульһрин көвүн Догһн Хар Санлын бөлг.
[ЭО: VI] Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Моңхла Жаңһрин түмн нәәмин миңһин цусн Зеерд агт көөгсн бөлг.
[ЭО: VII] Күнд һарта Саврин бөлг.
[ЭО: VIII] Орчлңгин Сәәхн Миңъян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг.
[ЭО: X] Алтн Цееж Жаңһр хойрин бээр бәрлдгән бөлг.

Цикл песен из репертуара Басһһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)

- [БМ: I] Жаңһрин бийинһ түрүн төрән авгән бөлг.
[БМ: II] Шар Бирмс хаана дууни нөртә дуулх, довтлхла цәклдг үлд хойриг Хоңһрин авч ирсн бөлг.

- [БМ: III] Ар үзгт бээдг Шар Кермн хаана шур делтэ, сувсн сүүлтэ, сээхн күрн халзн адуг Хоңһрин көөгсн бөлг.
- [БМ: IV] Тавн ор харгсн Так Бирмс хаана замгта нуурин көвэд заядар өсгсн долан сай тунжрмудыг Санлын догдлулж көөж авч иргсн бөлг.
- [БМ: V] Аю Манзан Буурлта Ээх Маңна хаана Очн болгсн Улант Нарни Герл гидг баатрнь Жаңһрахна шижтэ тавн юм сурж иргсн бөлг.
- [БМ: VI] Хоңһрин йисн бер Ягцана орнд оч шимүлгсн бөлг.

**Цикл песен из репертуара Шавалин Дава
(Давы Шавалиева)**

- [ШД: I] Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг.
- [ШД: II] Азг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг.
- [ШД: III] Ке шар-цоохр мөртэ Кермин көвүн Монхуляла дээлдгсн бөлг.
- [ШД: IV] Оцл Дамбан көк халзн күлгтэ Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртэ Арл Манз хааг даргсн бөлг.
- [ШД: ЖМ] Жаңһрин магтал.

**Песня из репертуара Балдра Наснк
(Насанки Балдырова)**

- [БН: I] Алдр богд Жаңһрахн Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

**Песня из репертуара Овшин Бадм
(Бадмы Обушинова)**

- [ОБ: I] Баатр Улан Хоңһр Авлцһ хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

Литература

- Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология: Пособие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 115 с.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1849. 403 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984. 234 с.
- Павлов Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 18–42.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.

Рассадин В. И., Трофимова С. М. О некоторых редких падежах в калмыцком и ойратском языках // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2008. № 4. С. 64–66.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.

Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.

Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. редакторы: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.

Тодаева Б. Х. Семантика и синтаксис функции падежей в монголо-ойратских наречиях: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1946. 202 с.

Тодаева Б. Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 163–190.

Тодаева Б. Х. Послелогии в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 133–147.

Трофимова С. М. Падежные формы и послеложные конструкции в монгольских языках и их выражение русскими предложно-падежными средствами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 1984. 24 с.

Трофимова С. М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты / отв. ред. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 94 с.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

References

- Badmaev B. B. *Grammatika kalmytskogo yazyka. Morfologiya: Posobie* [Kalmyk grammar. Morphology. A text-book]. Elista, Kalm. Book Publ., 1966, 115 p. (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya / pod red. G. D. Sanzheeva* [Kalmyk grammar. Phonetics and morphology. Edit. by G. Sanzheev]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 335 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe* [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk «Altan tobchi»* [The language of Altan Tobchi]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 234 p. (In Russ.).

- Pavlov D. A. *O sisteme skloneniya imen sushchestvitel'nykh v kalmytskom yazyke* [The noun declension system in Kalmyk]. *Voprosy grammatiki i leksikologii sovremennogo kalmytskogo yazyka* [Modern Kalmyk: questions of grammar and lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 18–42 (In Russ.).
- Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I., Trofimova S. M. *O nekotorykh redkikh padezhakh v kalmytskom i oy ratskom yazykakh* [About some rare grammatical cases in the Kalmyk and Oirat languages]. *Gumanitarnyy vektor* (Humanitarian Vector journal), Chita, Transbaikal State University Press, 2008, No. 4, pp. 64–66 (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'mennyy mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omakaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omakaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Semantika i sintaksis funktsii padezhey v mongolo-oyratskikh narechiyakh: Dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and syntax: functions of grammatical cases in Mongolian-Oirat dialects. A Ph.D. thesis]. Moscow, 1946, 202 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Znachenie i funktsii padezhey v kalmytskom yazyke* [Grammatical cases in the Kalmyk language: meaning and functions]. *Zapiski KNIIYaLI* (Notes of the Kalmyk Institute of History, Language and Literature), iss. 1, Elista, 1960, pp. 163–190 (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Poslelogi v kalmytskom yazyke* [Postpositions in Kalmyk]. *Zapiski KNIIYaLI* (Notes of the Kalmyk Institute of History, Language and Literature), iss. 2, Elista, 1962, pp. 133–147 (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhnye formy i poslelozhnye konstruksii v mongol'skikh yazykakh i ikh vyrazhenie russkimi predlozhno-padezhnymi sredstvami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Grammatical case forms and postpositional constructions in the Mongolian languages and ways to express them by Russian prepositional and case means. A Ph.D. thesis abstract]. Elista, 1984, 24 p. (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhno-poslelozhnye konstruksii mongol'skikh yazykov i ikh russkie ekvivalenty / otv. red. V. I. Rassadin* [Case-postpositional constructions of the Mongolian languages and their Russian equivalents. Edit. by V. Rassadin]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 94 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oy ratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

УДК 811.512.37

НАПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (на материале эпоса «Джангар»)

Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

² лаборант, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Аннотация: В статье рассмотрено употребление направительного падежа на материале разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар». Язык эпоса, являясь языком устно-поэтическим и оказывая влияние на становление норм национального литературного языка, отражает в определенной мере и живой разговорный язык на момент записи и фиксации песен эпоса. В языке эпоса наряду с новыми формами нередко имеют место и архаические черты, которые отражают определенный этап развития языка. Анализ разновременных текстов эпоса «Джангар» показывает, что в ранних записях (первая половина XIX в.) формант направительного падежа *-ур/-үр* не употреблялся. Это подтверждается данными грамматик калмыцкого языка, которые вышли параллельно первым записям эпоса «Джангар». Между тем А. Бобровников отмечает частицы особенного производства *-үир*; *-güir* (в калмыцком и разговорном монгольском: *-uuir*; *-öüir*), функционально-семантическое значение которых он определяет как «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия». Причем аффикс, этимологически схожий с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*), изначально встречается в наречиях, семантически указывающих направление движения или место. Первое упоминание о собственно направительном падеже находим в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича. В записях первой половины XX века (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) уже встречается употребление аффикса направительного падежа (*-ур*, *-үр*) в именных словах. Кроме того, к аффиксу направительного падежа присоединяются показатели посессивности (*-н*; *-нь*). Особенный интерес вызывает факт наличия наречного суффикса (*-үир*; *-güir*; в калмыцком и разговорном монгольском: *-uuir*; *-öüir*), этимологически схожего с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*) и семантически указывающего направление движения или места. Таким образом, можно сказать, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв. К направительному падежу перешла часть функций дательного-местного и орудного падежей, а также заметно стало сужаться употребление послелога тал ‘по направлению к [по]’.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, эпос «Джангар», склонение, направительный падеж.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 55–62, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-55-62
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 294.3

The Poetic Foreword to Je Tsongkhapa's '*Middle Length Lam-Rim*': the Tibetan Original and its Oirat Translation

Gennady B. Korneev¹

¹ Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

Abstract

The article deals with Oirat Buddhist terms used by Zaya Pandita Namkhaijamtс in his translation of the poetic foreword to the *Middle Length Lam-Rim* composed by the founder of the *Gelug* Tibetan Buddhist tradition – Je Tsongkhapa. The analysis of the Tibetan and Oirat texts of the poetic foreword to the *Middle Length Lam-Rim* accompanied by a modern Mongolian translated text of the composition revealed some clarifying words introduced by Zaya Pandita to precise the meanings of the verses, inexact translations of Buddhist terms, peculiarities of Mongolian translation of personal names of Buddhas and Buddhist Teachers as well as some general concepts of Tibetan Buddhist philosophy.

Keywords: Buddhist literature, *Middle Length Lam-Rim*, epithets of Buddha, Tibetan Buddhist terms, Oirat Buddhist terms, poetic foreword, prayer of worship.

Вслед за великими буддийскими учителями Индии, такими как Арья Нагарджуна и ачарья Асанга, явившими Путь глубокого постижения и Путь обширного действия, а также другими великими учителями Индии, тибетские авторы предваряли свои сочинения молитвой-поклонением, посвященной тем, чьи труды вдохновили их на написание собственных трудов. Не являются исключением и тексты Ламрима Цонкапы (тиб. *Tsong kha pa*, 1357–1419). Как известно, за свою жизнь Лама Цонкапа создал три основных текста Ламрима — Большой Ламрим (тиб. *lam rim chen mo*), Средний Ламрим (тиб. *lam rim 'bring*

pa) и Предельно сжатый Ламрим (тиб. *lam rim mdor bsdus*). Эти работы отличаются друг от друга по объему и по содержанию, фиксируют развитие философской мысли Ламы Цонкапы в разные периоды его жизни. Последним Ламримом является Средний Ламрим (тиб. *lam rim 'bring pa*). Он был создан Цонкапой в 1415 г., спустя 13 лет после написания большого Ламрима и за 4 года до смерти самого автора. Являясь самым поздним по времени написания, Средний Ламрим отразил некоторые изменения духовного опыта Цонкапы, что делает его особенно ценным для буддийских практиков, а также для изучения.

Описывая особенности Среднего Ламрима, автор русского перевода А. Кугявичус отмечает: «Если не считать исключенных автором мест и заново написанной части о проникновении, он почти повторяет «Большое руководство...» [Чже Цонкапа 2015]. Вместе с тем, Средний Ламрим подвергся массе незначительных авторских поправок, изменений и дополнений, отличающих текст Среднего Ламрима от текста Большого Ламрима.

Отличается во всех текстах Ламрима и стихотворное предисловие, в котором автор, Лама Цонкапа, выражает почтение основоположникам традиции, поучения которых он комментирует в своем труде. Предисловие-поклонение Среднего Ламрима состоит из 9 стихотворных строк, описывающих основные понятия махаянского буддизма тибетской традиции. Тибетский оригинал этого стихотворного предисловия написан девятисложником. Каждая строфа его посвящена определенному будде или учителю — объекту поклонения — с упоминанием его основного эпитета. Тибетский текст цитируется по копии с ксилографического кумбумского (тиб. *sku 'bum*) издания «*Skyes bu gsum gyi nyams-su blang-ba'i byang-chub lam-gyi rim-pa bzhugs-so*» («Среднее [руководство] к этапам пути к Пробуждению, практикуемым тремя [типами] личности»).

Ойратский перевод стихотворения-предисловия Цонкапы является дословным. В нем сохранены все особенности тибетского оригинала, однако явных нарушений норм ойратской грамматики также не обнаруживается. Перевод на ойратский язык выполнен Зая-пандитой Намкай Джамцо (тиб. *dzā-ya pandita nam mkha'i rgya mtsho*), свидетельством чего является приведенный в конце сочинения колофон переводчика. Ойратский текст цитируется по фотокопии с рукописи «*Bodhi möriyin üye orošibo*» («Этапы пути к Пробуждению»), хранящейся в личной коллекции ученого ламы Г. Ядамжава (сомон Манхан Кобдоского аймака Монголии).

Сопоставление тибетского текста и ойратского перевода позволяет выявить ойратские эквиваленты той буддийской терминологии, которую использовал Цонкапа для написания оригинала стихотворения, изучить принципы ойратского перевода с тибетского языка неканонических произведений, исследовать влияние грамматики тибетского языка на язык ойратского перевода.

Ойратская рукопись Ламрима начинается словами «*Namo guru Mañjughoṣa ya*» «Поклоняюсь учителю Манчжугхоше (Сладкоголосому)». Об этой форме поклонения, предваряющей буддийский текст, А. В. Бадмаев пишет: «Это одна из традиционных формул почитания и поклонения, которыми начинаются сутры» [Лунный свет 2003: 364]. Употребление этого выражения в сочинении, не принадлежащем к классу сутр, объясняется, скорее всего, особым отношением ойратов к Ламриму как к священной книге, в которой обильно цитируются сутры, шастры и известные комментарии махаянского буддизма. Эта строка в доступных нам тибетских вариантах не встречается.

Вторая строка поклонения адресована всем святым существам махаянского буддизма, которые благодаря великому состраданию не покидают сансару:

Тиб. *rje btsun dam pa thugs rje chen po rnams-kyi zhabs-la gus pas phyag 'tshal lo*

Ойр. *Getülgeqči boqdo yeke nigüülesküiti nuyüüdiyin ölmийн gegēn-dü süzülün mürgümüi::*

Рус. Светлым стопам спасителей святых, великомилосердных, с почтением кланяюсь.

Перевод этой строки, выполненный Зая-пандитой, имеет два отличия от тибетского оригинала. Словом *boqdo* ойратский просветитель переводит тибетское слово *dam pa* «возвышенный, превосходный, святой, священный, чистый, непорочный» [Рерих, 4 1985: 142], хотя в большинстве монгольских и ойратских переводов устойчивым эквивалентом этого слова выступает монгольское слово *дээд* [ТМТ 2013: 239], что, например, подтверждается переводом этой строки в современной монгольской версии Среднего Ламрима: *Гэтэлгэгч дээд их төгс нигүүсгэгчдийн өлмийд бишрэнгүйгээр мөргөмүй* [Богд Зонхаба 2003: 113] «К стопам спасителей высших, совершенно великомилосердных, с верой склоняюсь». Очевидно, ойратскому переводчику было нужно персонифицировать объект поклонения, показать его в виде просветленных существ, называемых в монгольской буддийской традиции *богдо*, что и вызвало это отступление от традиционного принципа перевода.

Второе отличие от тибетского текста заключается в слове *gegēn*, которое отсутствует в тибетском оригинале и которое Зая-пан-

дита вводит в свой перевод как уточнение к выбранному им эквиваленту тибетского слова *dam pa* — *boqdo*, не являющемуся его общепринятым эквивалентом. Таким образом, отличием ойратского перевода этой строки от тибетского оригинала является персонифицированный словом *boqdo* образ всех Пробужденных существ, которых, согласно идее махаяны, великое сострадание и обет довести существ до Пробуждения, держит в этом мире.

Третья строка содержит обращение к Будде Шакьямуни, историческому основателю буддизма:

Тиб. *mi mjed zhing gi dbang phyug bcom ldan das*

Ойр. *ülü alzaxu oroni erketü Ilayun Tögüsün Üleqsen*

Рус. Владыке мира Терпения¹ — Бхагавану².

Под миром терпения подразумевается тот мир, в котором живут, претерпевая страдания, живые существа. Нужно заметить, что санскритский оригинал понятия «мир терпения» — *sahāloka* — имеет устойчивый тибетский эквивалент *mi mjed zhing*, где *mi* — частица отрицания, глагол *mjed* имеет значение ‘уставать, обессиловать, изнемогать’ [Рерих, 3 1985: 176], ‘страдать, терпеть’ [TPC 1963: 183], а *zhing* означает ‘поле, чистая земля, святая земля, рай’. Таким образом, тибетский эквивалент может быть переведен как ‘земля, где не изнемогают’. Известный тибетолог, специалист по тибетскому буддизму Б. Л. Митруев по просьбе автора настоящей статьи объяснил этот термин следующим образом: «С санскрита термин *sahāloka* переводится как ‘мир терпения, выносливости, силы’. Тибетский глагол *mjed* имеет еще значение ‘страшиться, бояться’, *mi mjed* соответственно будет переводиться как ‘бесстрашие’. Таким образом, *mi mjed zhing* ‘Мир бесстрашия’ является особого рода интерпретацией санскритского понятия *sahāloka*, предпринятой тибетскими переводчиками».

¹ Мир Терпения (санскр. *sahāloka*; тиб. *mi mjed zhing*; ойр. *ülü alzaxu oron*). Древнеиндийское название нашего мира, где обитающим в нем существам приходится терпеть множество страданий.

² Бхагаван (санскр. *bhagavān*; тиб. *bcom ldan das*; ойр. *Ilayun Tögüsün Üleqsen*) — Благословенный, эпитет будд.

Зая-пандита, стремясь следовать строке оригинала, переводит этот тибетский термин как *ülü alzaxu oron*, где *ülü* — отрицательная частица, соответствующая тибетской отрицательной частице *mi*, *alzaxu* имеет значение ‘выносить, терпеть, претерпевать’ [БАМРС, 1 2001: 76], а *oron* значит ‘земля, мир’. Таким образом, ойратский эквивалент этого термина будет переводиться как ‘Мир Нетерпения’, а это значение уже весьма отдалено от санскритского оригинала. Нужно заметить, что подобный перевод характерен и для монгольской версии Среднего Ламрима. Эта строчка в монгольском переводе выглядит так:

Ул алзагч орны эрх баялагт Ялж төгс нөгчсөн бурхан [Богд Зонхаба 2003: 113].

Однако нужно заметить, что этот термин получил такое значение еще в Тибете и в монгольскую буддийскую литературу попал в такой закреплённой форме. А монгольские переводчики, и в том числе ойраты, находившиеся в жестких рамках буддийской традиции, требовавшей от них неукоснительного следования строке тибетского оригинала, были лишены возможности что-то менять по своей воле.

Второй буддийский термин этой строки — *Ilayun Tögüsün Üleqsen*. Хотя он не указывает на Будду Шакьямуни, однако является его эпитетом, а указание на то, что *Ilayun Tögüsün Üleqsen* — владыка мира Терпения (ойр. *ülü alzaxu oroni erketü*), подтверждает, что речь идет именно о Будде Шакьямуни. Эпитет *Ilayun Tögüsün Üleqsen* является ойратской калькой с тибетского *Bcom ldan das*, в свою очередь восходящего к безэквивалентному в языках центральноазиатских буддистов санскритскому эпитету *Bhagavat* [Ойратский словарь... 2010: 102], приближенно переводимому на русский язык как ‘Благословенный’.

Следующая строка посвящена бодхисаттве Майтрее (санскр. *Maitreya*; тиб. *Byams pa*; ойр. *Mayidari*), которого, как считают буддисты, предсказал Будда Шакьямуни как следующего Будду. Кроме того, в буддийской традиции считается, что Майтрея явился индийскому буддийскому учителю ачарье Асанге (санскр. *Asanga*; тиб. *Thogs med*; ойр. *Türbel ügei*) во время медитации и надиктовал ему пять книг, известных как «пять книг Майт-

реи¹» [Торчинов 2005: 140]. Эти трактаты в поздней индо-тибетской традиции считаются основой философской традиции йогачары (санскр. *yogācāra*; тиб. *rnal 'byor spyod pa*; ойр. *yogazari yabudal*), получившей широкое распространение и ставшей одной из основных философских школ в Тибете. Отдавая дань почтения наставнику Майтрее, Цонкапа упоминает и его:

Тиб. *rgyal ba'i rgyal tshab byams mgon chos kyi rje*

Ойр. *ilaḡuqsani ilaḡuqsan oron nomiyin ezen itegel Mayidari:*

Рус. Преемнику Победоносного, владыке Дхармы, защитнику Майтрее.

Paḡuqsani ilaḡuqsan oron — эпитет Майтреи, имеющий значение ‘Заместитель, наместник победоносного [Будды]’. Н. С. Яхонтова в работе «Ойратский словарь поэтических выражений» пишет: «Ойратский вариант отличается от тибетского, во-первых, тем, что вместо послелога *oro* ‘вместо’ (тиб. *tshab*) употреблено существительное *oron* ‘земля’, ‘страна’. Во-вторых, в нем присутствует лишнее слово *ilaḡuqsan* ‘победивший’, которое само может быть эпитетом любого будды, но в данном случае оно лишнее [Ойратский словарь... 2010: 112]. Первое замечание, связанное со словом *oro*, мы находим верным, что касается второго, об употреблении слова *ilaḡuqsan*, то замечание применимо лишь к сокращенной форме тибетского эпитета Майтреи — *rgyal tshab*. В тибетском тексте Среднего Ламрима Цонкапа использует развернутую форму эпитета — *rgyal ba'i rgyal tshab*, которая синонимична ойратскому *ilaḡuqsani ilaḡuqsan oron*. Таким образом, ойратский вариант из текста Среднего Ламрима восходит к развернутой тибетской форме эпитета Майтреи. Как нам видится, использование развернутой или краткой формы эпитетов подобного рода полностью зависит от того,

¹ Пять книг Майтреи, Пять наставлений Майтреи, или Пять трактатов Майтреи (тиб. *Byams pa'i chos sde lnga*; ойр. *Madariyin tabun nomiyin ayimaq; Madariyin tabun nom*), — это «Украшение из ясных постижений» (тиб. *Mngon rtogs rgyan*), «Высшая тантра» (тиб. *Rgyud bla ma*), «Украшение из сутр» (тиб. *Mdo sde rgyan*), Трактат о ступенях [совершенствования] наставников йоги (тиб. *Chos nyid rnam 'byed*) и Трактат о различении центра и границ (тиб. *Dbus mtha' rnam 'byed*) [*chos kyi rnam grang bzhugs so* 2003: 62].

в какой форме они употребляются в исходном для монгольских переводчиков тибетском тексте. Школу йогачары, мистическим основоположником которой являлся Майтрея, в тибетском буддизме еще называют Путем обширного действия.

Следующая строка повествует о Манчжушри, бодхисаттве мудрости, который явился духовным основоположником другого крупного позднебуддийского философского направления — Пути глубинного видения:

Тиб. *bde gshegs kun gyi yab gcig 'byams pa'i dbyangs*

Ойр. *Xamıq Saiybēr Oduqsadiyin ḡaqca eēige Mañjuśri:*

Рус. Единственному отцу всех Сугат — Манчжушри.

Ойратский перевод этой строки полностью соответствует тибетскому оригиналу и лексически, и грамматически. Эпитет *Сугата*, использованный здесь Цонкапой, «... является буквальным переводом санскритского (санскр. *su* ‘хорошо’, *gata* ‘ушедший’)» [Ойратский словарь... 2010: 101]. Ойратское выражение этого эпитета калькировано с тибетского варианта.

Следующая строка посвящена двум величайшим деятелям махаянского буддизма Индии — Арье Нагарджуне (санскр. *Nāgārjuna*; тиб. *Klu sgrub*; ойр. *Nayandzuna*) и Ачарье Асанге (санскр. *Asanga*; тиб. *Thogs med*; ойр. *Türbel ügei*):

Тиб. *rgyal bas lung bstan klu sgrub thogs med la*

Ойр. *Paḡuqsan eši üzüülüqsan Nayandzuna kigēd Türbel Ügei-dü*

Рус. Победоносным предсказанными Нагарджуне и Асанге.

Примечательно, что на ойратский язык имя Асанги переведено (ойр. *Türbel ügei*), а имя Нагарджуны остается без перевода, хотя перевод возможен. Эта же ситуация наблюдается и в монгольском варианте Среднего Ламрима:

Ялгуусан бээр эш үзүүлсэн Нагарджуна, Төрвөлгуй... [Богд Зонхаба 2003: 113].

Если лексема *Paḡuqsan* ‘Победоносный’ рассматривалась нами ранее в составе эпитета Майтреи — *Paḡuqsani ilaḡuqsan oron*, то выражение *eši üzüülüqsan* как буддийский термин нуждается в объяснении. Ойратский термин является калькой с тибетского *lung bstan* или *lung du bstan pa*, в

свою очередь восходящего к санскритскому термину *vyākṛta* ‘отдельный, развитый, проявленный’ [СРС 1996: 625]. В буддийском гибридном санскрите этим термином обозначаются слова будды, сказанные о будущем, т. е. его предсказания. Вообще в ойратских буддийских текстах используются два варианта этого понятия: *eṣi üzüülükü*, являющаяся калькой с тибетского *lung bstan*, и *biyakirid* — санскритская форма этого слова. В рассматриваемом нами тексте Зая-пандита использует кальку с тибетского эквивалента.

Наконец, последние четыре строки стихотворного предисловия-поклонения Цонкапы содержат всего два буддийских термина:

Тиб. *gus pas btud nas zab mo lta ba dang*

Ойр. *süzülün sögdöd gün üzel kigēd*

Рус. *С почтением склоняясь, [Чтобы в] этапы [Пути] глубинного видения*

Тиб. *rgya chen spyod pa 'i lam gyi rim pa la*

Ойр. *aγui yeke yabudaliyin möriyin üye-dü:*

Рус. *И обширного действия*

Тиб. *bde blag nyid du 'jug phyir slar yang ni*

Ойр. *Amur kilbar oroxuyin tula xarin basa:*

Рус. *Легче войти — ради этого*

Тиб. *mdor bsdus tshul gyis 'dir ni bshad par bya*

Ойр. *Tobčilon xurāxuyin yosör ende nomlon üyiledümii:*

Рус. *Сократив и сжав, я здесь разъясню...*

В этих строках, дословно переведенных Зая-пандитой с тибетского языка, имеется еще два буддийских термина: Путь глубинного видения (тиб. *zab mo lta ba*; ойр. *gün üzel*) и Путь обширного действия (тиб.

rgya chen spyod pa; ойр. *aγui yeke yabudal*). Эти термины связаны с двумя основными подходами к буддийской практике. Высшими, нематериальными основоположниками этих путей являются Майтрея и Манчжушри, а посредниками, согласно буддийской традиции, — наставники Нагарджуна и Асанга, о которых говорилось в предыдущих строках произведения. Ойратские термины полностью повторяют тибетские оригиналы: *zab mo lta ba* — *gün üzel* и *rgya chen spyod pa* — *aγui yeke yabudal*.

Рассмотренные нами буддийские термины, которые использовал Цонкапа в своем стихотворном предисловии к Среднему Ламриму, принадлежат к эпитетам, теонимам и общим философским понятиям индо-тибетского буддизма. Все понятия даются в переводе на тибетский язык. Среди них выявлен тибетский термин *mi mjed zhing*, который является в некотором смысле вольной интерпретацией санскритского понятия *sahāloka*.

Ойратский текст содержит эквиваленты тибетских буддийских терминов и понятий, однако, испытавший на раннем этапе своего развития влияние уйгуро-согдийской терминологии, он содержит санскритизмы. Под влиянием тибетского оригинала в ойратском тексте содержится неточный перевод санскритского термина *sahāloka* — *ülü alzaxu oron*. Кроме того, Зая-пандита в своем переводе допускает незначительное уточнение смысла, вводя в ойратский перевод слово *gegēn*, отсутствующее в тибетском тексте.

Ойратская буддийская терминология имеет отличия от монгольской, что неоднократно отмечали ученые. Изучение ее отличительных особенностей, принципов передачи буддийских понятий с тибетского на ойратский язык, ее этимологии и функционирования имеет важное значение для современной монголистики.

Приложение

1r.

Ойр. Namo guru Mañjughoṣa ya**Рус.** Поклоняюсь учителю Сладкоголосому¹**Тиб.** rje btsun dam pa thugs rje chen po rnams-kyi zhabs-la gus pas phyag 'tshal-lo**Ойр.** Getülgeqči boqdo yeke nigüülesküi-tü nuḡuudiyin ölmüyin gegēn-dü süzülün mürgümüi:**Рус.** Светлым стопам спасителей святых, великомилосердных, с почтением склоняюсь.**Тиб.** mi mjed zhing gi dbang phyug bcom ldan 'das**Ойр.** Ülü Alzaxu oroni erketü İlayun Tögüsün Üleqsen**Рус.** Владыке мира Терпения — Бхагавату²,**Тиб.** rgyal ba'i rgyal tshab byams mgon chos kyi rje**Ойр.** İlayuqsani İlayuqsan oron nomiyin ezen itegel Mayidari:**Рус.** Преемнику Победоносного, владыке Дхармы — защитнику Майтрее,**Тиб.** bde gshegs kun gyi yab gcig 'byams pa'i dbyangs**Ойр.** Xamuq Saiybēr Oduqsadiyin yaqsa ečige Mañjušri:**Рус.** Единственному отцу всех Сугат — Манчжушри,**Тиб.** rgyal bas lung bstan klu sgrub thogs med la**Ойр.** İlayuqsan eši üzüülüqsen Nayandzuna kigēd Türbel Ügei-dü**Рус.** Предсказанным Победоносным Нагарджуне и Асанге**Тиб.** gus pas btud nas zab mo lta ba dang**Ойр.** süzülün sögdöd **gün üzel** kigēd**Рус.** С почтением склоняюсь, [Чтобы в] этапы [Пути] глубинного видения**Тиб.** rgya chen spyod pa'i lam gyi rim pa la**Ойр.** aḡui yeke yabudaliyin mōriyin üye-dü:**Рус.** И пути обширного действия**Тиб.** bde blag nyid du 'jug phyir slar yang ni**Ойр.** Amur kilbar oroxuyin tula xarin basa:**Рус.** Легче войти — ради этого**Тиб.** mdor bsduş tshul gyis 'dir ni bshad par bya**Ойр.** Tobčilon xurāxuyin yosōr ende nomlon üyiledümüi:**Рус.** Сократив и сжав, я здесь разъясню.

¹ Сладкоголосый (санскр. *Mañjughoṣa*; тиб. *'jam dbyangs*; ойр. *Mañju ghoṣa*) — один из эпитетов будхисаттвы мудрости Манчжушри.

² Бхагават (санскр. *Bhagavat*; тиб. *Bcom ldan 'das*; ойр. *İlayun Tögüsün Üleqsen*) — букв. 'Благо-словенный', эпитет будд.

Список сокращений

Санскр. — санскрит; тиб. — тибетский язык; ойрат. — ойратский язык; рус. — русский язык.

Источники

- Skyes bu gsum gyi nyams-su blang-ba'i byang-chub lam-gyi rim-pa bzhugs-so*. Копия тибетского ксилографа из личной коллекции Б. Л. Митруева. 406 л.
- Bodhi möriyin üye orošibo*. Фотокопия ойратской рукописи из личной коллекции Г. Ядамжава. 264 л.
- Chos kyi rnam grang bzhugs so*. Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2003. 178 p.

Литература

- Богд Зонхава. Бодь мөрийн зэрэг. Хоёр дахь хэвлэлт. Улаанбаатар, 2003. 724 х.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 1. М.: «ACADEMIA», 2001. 520 с.
- Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста. Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рук., транслит., введ., пер. с ойр., словарь с коммент., прилож. Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Перих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под общ. ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Вып. 3. М.: Наука, 1985. 432 с. Вып. 4. М.: Наука, 1985. 374 с. Вып. 7. М.: Наука, 1986. 320 с.
- Санскритско-русский словарь / сост. В. А. Кочергина. М.: Изд-во «Филология», 1996. 944 с.
- ТРС — Тибетско-русский словарь / сост. Б. В. Семичов, Ю. М. Парфионович, Б. Д. Дандарон. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1963. 581 с.
- Торчинов Е. А. Введение в буддизм: Курс лекций. СПб.: Амфора, 2005. 430 с.
- ТМТ — Төвд-монгол толь / найрулсан нь Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Нэмэн засварласан тав дахи хэвлэл. Улаанбаатар, 2013. 536 х.
- Чже Цонкапа. Средний Ламрим. Сокращенное руководство к этапам пути Пробуждения. пер. с тиб. А. Кугявичуса; науч. и общ. ред. А. Терентьева. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2015. 656 с.

Sources

- Skyes bu gsum gyi nyams-su blang-ba'i byang-chub lam-gyi rim-pa bzhugs-so*. A copy of the Tibetan woodblock print. Courtesy of B. L. Mittrueva, 406 p. (In Tibetan).
- Bodhi möriyin üye orošibo*. A photocopy of the Oirat manuscript. Courtesy of G. Yadamzhav, 264 p. (In Oirat-Mong.).
- Chos kyi rnam grang bzhugs so*. Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2003, 178 p. (In Tibetan).

References

- Bogd Zonkhava. *Bod' möriyn zereg. Khoer dakh' khevlelt*. Ulaanbaatar, 2003, 724 p. (In Mong.).
- BAMRS — *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'*. V 4-kh t. / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. T. 1 [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Edit. by G. Pyurbeev. Vol. 1]. Moscow, ACADEMIA Publ., 2001, 520 p. (In Russ. and Mong.).
- Lunnyy svet. *Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki / per. s kalm., red.-sost. A. V. Badmaev* [The Moonlight. Kalmyk historical and literary monuments. Transl., edit., comp. by A. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003, 477 p. (In Russ.).
- Oyratskiy slovar' *poeticheskikh vyrazheniy. Faksimile ruk., translit., vved., per. s oyr., slovar' s komment., prilozh. N. S. Yakhontovoy* [An Oirat dictionary of poetic phrases. Facsimile copy, translit., introd., transl. and comment. by N. Yakhontova]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2010, 615 p. (In Russ.).
- Roerich Yu. N. *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami / pod obshch. red. Yu. Parfionovicha i V. Dylykovoy* [Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels. Edit. by Yu. Roerich and V. Dylykova]. Iss. 3, Moscow, Nauka Publ., 1985, 432 p. Iss. 4, Moscow, Nauka Publ., 1985, 374 p. Iss. 7, Moscow, Nauka Publ., 1986, 320 p.
- Sanskritsko-russkiy slovar' / sost. V. A. Kochergina* [Sanskrit-Russian dictionary. Comp. by V. Kochergina]. Moscow, Filologiya Publ., 1996, 944 p. (In Sanskrit and Russ.).
- TRS — *Tibetsko-russkiy slovar' / sost. B. V. Semichov, Yu. M. Parfionovich, B. D. Dandaron* [Tibetan-Russian dictionary. Comp. by B. Semichov et al.]. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1963, 581 p. (In Tibetan and Russ.).
- Torchinov E. A. *Vvedenie v buddizm: Kurs lektsiy* [Introduction to Buddhism: a course of lectures]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2005, 430 p. (In Russ.).

TMT — Tövd-mongol tol' / nayrulsan n' Bürnee D., Enkhtör D. Nemen zasvarlasan tav dakhi khevlel [Tibetan-Mongolian dictionary ...]. Ulaanbaatar, 2013, 536 p. (In Tibetan and Mong.).

Tsongkhapa Je. *Sredniy Lamrim. Sokrashchennoe rukovodstvo k etapam puti Probuzhdeniya.*

per. s tib. A. Kugyavichusa; nauch. i obshch. red. A. Terent'eva [Middle Length Lam-Rim. An abridged treatise on the stages of the path to Enlightenment. Transl. by A. Kugyavichus, edit. by A. Terentiev]. Moscow, Save Tibet Foundation Press, 2015, 656 p. (In Russ.).

УДК 294.3

СТИХОТВОРНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К СРЕДНЕМУ ЛАМРИМУ ЦОНКАПЫ: ТИБЕТСКИЙ ОРИГИНАЛ И ОЙРАТСКИЙ ПЕРЕВОД

Геннадий Батыревич Корнеев¹

¹ Младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается ойратская буддийская терминология, использованная Зая-пандитой Намкай-Джамцо при переводе стихотворного предисловия к среднему Ламриму, написанного основателем тибетской буддийской традиции Гелуг — Чже Цонкапой. Анализ тибетского и ойратского текстов стихотворного предисловия к Среднему Ламриму с использованием для сравнения современного монгольского текста перевода этого сочинения позволил выявить уточняющие слова, введенные Зая-пандитой для уточнения смысла строф, неточный перевод буддийских понятий, особенности монгольского перевода имен собственных будд и буддийских учителей, а также общих понятий тибетской буддийской философии.

Ключевые слова: буддийская литература, средний Ламрим, эпитеты Будды, тибетские буддийские термины, ойратские буддийские термины, стихотворное предисловие, молитва-поклонение.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 63–69, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-63-69
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.512.36

About the History of the First Edition of '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*'

Mergen V. Boskhomdzhiev¹

¹ Postgraduate Student, College of Mongolian Studies, Inner Mongolia University (Hohhot, People's Republic of China). E-mail: oirat_mergen@mail.ru.

Abstract

In 1847, A.V. Popov published the *todo*-script text of '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*' in Kazan (Russia). It is an important original manuscript of Oirat-Mongolian literature. The present paper discusses the origin, history of edition and content of the significant *todo*-script manuscript comprising three parts. First of all, it introduces conditions of research of '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*' with evidence from the Russian, Mongolian, and Chinese texts and materials. As for its origin, the Russian researcher A.V. Popov mentioned in his *Kalmyk Language Grammar*: 'In 1838 I conducted field work in Kalmyk territories and published this book using the materials collected there'. Following his words, it is evident that A.B. Popov was the first person who had discovered the original manuscript of '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*' and published it. The paper also gives an account of some problems related to its edition. Finally, the article provides a comparative study on the texts of '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*' by A.B. Popov and G. Gomboiv dated back to different periods.

Keywords: A.V. Popov, '*Mongolin Ubashi Hong Taijiin Tuuj*', Oirat literature

«Монголын Увш хунтайжийн тууж» (цаашид өгүүлэхдээ тууж гэж дөхөмчилнө) бол Ойрадын аялга дээр суурилан тод монгол үсгээр бичигджээ. Тус тууж ОХ-ны Халимаг улст гар бичмэлээр болон амаар тархан уламжлагджээ. Харин Монгол улсын баруун хэсгийн Ойрад монголчуудын дунд зөвхөн гар бичмэлээр нэлээд арвин тархаж уламжлагджээ. Туужийн бар хэвлэлийн тухай гэвэл Оросын дотоод гадаадын эрдэмтдээс ОХ-ны Буриадын эрдэмтэн Галсан Гомбоев 1858 онд хэвлэсэн «Увш хун тайж жич түүний Ойрадтай дайралдсан түүх» (цаашид Галсан Гомбоевийн текст гэж дөхөмчилье) (История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами) [Гомбоев 1858: 213–224] хэмээх нэг гар бичмэл текстийг анхны эх мөртлөө анхны орчуулга хэмээн үзэж, түүний уран зохиол, хэл, түүх, гүн ухаан зэрэг талаас судлан шинжилсээр иржээ. Үүнд ОХ-ны Халимаг улсын эрдэмтэн А. В. Бадмаеваас «Галсан Гомбоевийн тууж»-ийг «орос хэлээр орчуулсан анхны орчуулагч» [Бадмаев 1967: 105] хэмээн үзжээ. Мөн Халимагийн эрдэмтэн В. П. Санчиров «туужийн Ойрад эхийг орос орчуулга тайлбарын хамтаар анх хэвлэгсэн буриад лам Галсан Гомбоев» [Санчиров 2007: 51] хэмээн үзсэн байдаг. Үүнээс гадна Монгол улсын эрдэмтэн Ц. Дамдинсүрэнгээс туужийг «Галсан Гомбиев (Гомбоев — М. Б.) 1858 онд тод үсгээр Санкт-Петербургт хэвлэж гаргасан байна» [Ринчиндорж 1987: 95] хэмээн дурьдсанаас эхлэн улсын дотоод олонх эрдэмтдээс Ц. Дамдинсүрэнгээс 1959 онд хэвлэсэн «Монголын уран зохиолын дээж зуун билиг оршвой» хэмээх номд орсон туужийг судалгааны гол эх хэрэглэгдэхүүн болгон ашигласны зэрэгцээгээр туужийн анхны бар хэвлэлийн тухай эрдэмтэн Ц. Дамдинсүрэнгийн үзэлтийг баримтлан дагаж иржээ. Энэ тухай улсын дотоод дахь эрдэмтэн Мө. Өнө-Улаанаас «1858 онд буриад Монголын Гомбын Галсанг Санкт-Петербургт тус өгүүллэгийг анх тод үсгээр хэвлэсэн» [Өнө-Улаан 1983: 77]. Хэмээн үзсэн мөртлөө эрдэмтэн Цогвазандан [Цогвазандан 1980: 40], Будаа [Будаа 1983: 32], Сангиренчин [Сангиренчин 1984: 125], Сайшаалт [Сайшаалт 2011: 384], Мөнхөө [Мөнхөө 1984: 84], Дэлгэрсан [Дэлгэрсан 1989: 499], Нарс [Нарс 1999: 153], Бүринчин [Бүринчин 2004: 66], Мөлөн [Мөлөн 2007: 50] нараас Галсан Гомбоевийн текстийг туужийн анхны эх хэмээн дуу нэгтэй

баримталж иржээ. Гэхдээ миний гарт бий туужийн нэг олдвор бол буриадын эрдэмтэн Галсан Гомбоевийн 1858 онд хэвлэсэн эхээс 11 жилийн өмнө хэвлэгдсэн эх бичиг болно. Даруй 1847 онд Оросын эрдэмтэн Поповоос Оросын Казань хотод туужийг тод монгол үсгийн эхийн хамт орос хэлэнд орчуулж хэвлэсэн «Увш хунтайжын Ойрадыг дайлсан тууж»-ийн хэсэг (А. В. Поповын текст гэж дөхөмчилье) болох юм. А. В. Поповын текстийн эх бичигт холбогдох асуудлын талаар улсын гадаадад Халимагийн эрдэмтэн А. В. Бадмаев «Сарны гэрэл» номдоо нь «Хамгийн түрүү нь энэ дурсгалын нэг бяцхан тасархайг номд А. В. Попов тод үсгээр барлажээ. Орос хэлэнд тэр тасархайг орчуулсан өөрийнхөө дэвтэрт олзолсон юм» [Бадмаев 1991: 147–158] хэмээн товч дурьдсан боловч уг эхийг тод монгол үсгээр нийтэлсэн гэдгийг яриагүй мөртлөө энд тусгайлан судлаж шинжилсэн үгүй. Улсын гадаадад, дотоодод энэ тухай танилцуулга хийх буюу судалж шинжилсэн өгүүлэл одоо болтол харагдахгүйгээр, улмаар улсын дотоодийн олонх судлаачид энэхүү А. В. Поповын текстийн тухай хараахан мэдээ ч үгүй байсаар. Дор А. В. Поповын текстийг эх бичгийн хэвлэл, бар хэвлэл, текстийн агуулга гэж гурван талаас судлан шинжлэхийн зэрэгцээгээр туужид холбогдох зарим асуудлын тухай өөрийнхөө үзэлтээ дурьдахыг хичээв.

1. Эх бичгийн ирэл

1833 оны 7 сарын 20-ны өдөр Казанийн их сургуулийн монгол хэлний тэнхим байгуулагдсан юм. 1835 онд А. В. Попов профессор зэрэг хүртэж монгол хэлний багшаар ажилллажээ. Тэрбээр 1836 онд «Монгол хэл анхлан сурах бичиг» («Монгольская хрестоматия для начинающих»), 1837 онд «Монгол хэлний тоо бодлого» («Арифметика на монгольском языке»), 1847 онд «Халимаг хэлний зүй» («Грамматика калмыцкого языка») зэрэг бүтээлүүдийг хэвлэжээ. А. В. Поповоос «Халимаг хэлний зүй» хэмээх номондоо монгол хэлний зүйгийн жишээгээр туужийн нэг хэсгийг хэвлэжээ. А. В. Поповоос «Халимаг хэлний зүй» бүтээлээ 2 сар гаруй Халимагуудын дотор хийсэн хээрийн шинжилгээний хэ материалын суурин дээр туурвисан юм. Энэ тухай зохиолчоос «Миний бие 1838 онд Саратов болон Астрахан губерниар болоод Кавказын муж орон нутгаар оршин суугаа халимагуудын дунд хээрийн байцаалт хийж, тэндээс

цуглуулсан материалын суурин дээр тус бүтээлээ гаргасан гэсэн үг юм» [Попов 1847: 5]. Үүнээс үзвэл Додовын текст нь Халимаг тал нутгаас олдсон болох нь баттай юм. Юу ч гэсэн А. В. Поповын текст туужийн нэг хэсэг дутуу боловч, тэр нь Халимагаас олдсон эх гэдэг нь тодорхой мөртлөө, 1858 онд хэвлэсэн Г. Гомбоевийн текстээс 11 жилийн өмнө Казаньд хэвлэсэн нь баттай байна.

2. Бар хэвлэл

А. В. Поповын «Халимаг хэлний зүй» хэмээх ном бол хамгийн анхны Халимаг хэлний зүйгийн эрдэм шинжилгээний бүтээл болох юм. Тэр нь Казаны их сургуулийн хэвлэх хорооноос 1847 онд хэвлэгджээ. Тус ном нь өмнөх үг («Предисловие»), нэгдүгээр хэсэг үгзүй («Часть первая. Этимология»), хоёрдугаар хэсэг өгүүлбэрзүй («Часть вторая. Синтаксис»), орчуулгын дадлага («Упражнения в переводах») хэмээх гурван хэсгээс бүрджээ. Орчуулгын дадлага хэмээх хэсэгт нийт 9-нь тод монгол бичгийн сурвалжыг оруулжээ. Үүнд: Нэг: «Рашакын тууж оршвой» («Сказание из сочинения Рашак ном»). Гурав: «Заябандидын намтрын тасархай» («Рассказ из жизнеописания Зая-Пандиты»). Тав: «Увш хунтайжын Ойрадыг дайлсан туужийн хэсэг» («Отрывок из сказания о походе Убаши-Хун-Тайчжия против Ойратов») гэх мэт.

А. В. Поповын текстийн үндсэн байдал гэвэл: уул тод тод монгол үсгийн текст «Халимаг хэлний зүй» хэмээх номын 366–369-р нүүрт бий. Текстийн гарчиг «Отрывок из сказания о походе Убаши-Хун-Тайчжия против Ойратов» («Увш хунтайжын Ойрадыг дайлсан туужийн хэсэг» — хэмээн нэрээр орчуулжээ) 366-р нүүрийн доод талд орос үсгээр тэмдэглэжээ. Текстийн эхэнд монгол судар бичгийн эртний уламжлалаар бярга тэмдэг «ᠶ» тавьжээ. Эцэст нь төгсгөлийн цэг «ᠰ» тавьсан байна. А. В. Поповын текст нь «*tegēd mongqoliyin turšūul ercūsiyin māni qatalqār qatalād*» гэх хэсгээс эхлээд «*...oyiridiyin kūbūin dörbön zögtü bi, mini zanggi ene gebe?*» гэх хэсгээр төгсдөг. Нүрний гарчгийг харвал нүүрт бүр арван дөрвөн мөртэй, тод монгол үсгийн текстийн дээд, доод орон зайг тэгш сайхан анхаарсан байна. 369–371-р нүүрт зарим Ойрад аялгууны үгийн утгыг орос хэлээр тайлбарлажээ. Жишээ нь: 1. *turšūul* — войны, посылаемые для рекогносцировки (туршуур — хэл барих, илгээдэг цэрэг) 2. *māni* — название урочища, где существует

переправа через р. Иртыш недалеко от Зайсан-Нора (Маани — газрын нэр, энэ нь Зайсан нуурын орчимд буй Эрчис голын гатлаганы нэр болно) гэх мэт. Эдгээр 29-н үгээс 9-н үгт тайлбар хийлгүйгээр «3) § 42; 4) § 39; 8) § 22; 11) § 76; 13) § 17; 14) § 72; 15) § 5; 18) § 62; 20) § 36» гэх мэт тэмдэглэжээ. Бас зарим үгийн тайлбарт «7) *bi* вместо *buy*; *amitayin* вместо *amitani*» гэх мэт үгийн утгыг нь шууд оросоор тодорхойлсан бус, дэлгэрэнгүй тайлбар хийсэнгүй байна. Мөн «17) *arudani külētei* вместо *aru du inu külē tei* ‘со связанными (руками) на спине его’. 19) *tegemēceqēn* вместо *teyimi ēce bēn* ‘после того’. 25) *buluu* вместо *bile uu* ‘есть ли или нет?’ гэх мэт уг эх бичиг дахь үгсийн адил биш бичилгийг тодорхойлжээ. Утгыг нь оросоор орчуулсан юм. 371-р нүүрийн доод талд «*V. Перевод*» («5. Орчуулга») гэж бичээд, 374-р нүүрийн дээд тал хүртэл уг текстийн орос хэлний орчуулгыг нь нийтэлжээ. Текстийн орос хэлний орчуулгыг нь ерөнхийдөө уг текстийн үг, үсгийн дагуу үсэгчлэн орчуулахын зэрэгцээгээр зарим ойлгомж муутай үгсийн ард нь хашилт тавьж тодорхойлолт, тайлбар хийсэн байна. Иймээс А. В. Поповын текст хэдийгээр эхэл ба төгсгөлийн текст дутуу боловч зохиолчоос «Халимаг хэлний зүй» хэмээх номоо нь туурвих явц дунд туужийн нэг хэсгийг оруулж хэлний зүйгийн талаас анхны ажиглалт хийжээ. Үгсийн тайлбар хадаад орос хэлээр орчуулж хэвлэсэн явдал нь туужийн эрдэм шинжилгээний бар хэвлэлийн түүхэнд дутагдаж болшгүй чухал эх хэрэглэгдэхүүн болох мөртлөө анхны судалгааны ирэл болсон байна.

3. Текстийн агуулга

Тус хэсэгт улсын гадаад, дотоодын эрдэмтдийн туужийн анхны текст хэмээн үзсээр ирсэн Г. Гомбоевийн текст, А. В. Поповын тексттэй харьцуулахаас дамжуулж, тэдгээрийн агуулгын ялгаа зөрөө мөн харьцаа холбооны тухай дөхөм өгүүлбэр. А. В. Поповын текст нь нийт 575-н үг болон 94-н цэг тэмдгээс бүрэлдсэн юм. Г. Гомбоевийн текстийг А. В. Поповын тексттэй харгалзуулсан хэсэг нь нийт 592 үг болон 84 цэг тэмдгээс бүрэлдэж байна. Ийнхүү Г. Гомбоевийн текст нь А. В. Поповын текстээс 21 үг илүү байхын зэрэгцээгээр 4 үг хасагдсан байна. Нэмэгдсэн үг гэвэл А. В. Поповын текстэд «*tegēd mongqoliyin turšūl*» гэж байхад, Г. Гомбоевийн текстэд «*...tegēd majigiin zakagsār mongqoliyin turšoul...*»

гэж «*majigiyin zakagsār*» гэх үг нэмэгдсэн байна. А. В. Поповын текстэд «... *dolōn nasutai küböügi hatū ögetei zandan širē dēre ildü suqulād talbiba ...*», Г. Гомбоевийн текстэд «... *dolōn nasutai küböügi abqi irebai, küböügi hatū ügetei küböün geköügi sonosōd nayiman kültei zandan širē dēre ildü suqulād talbiba ...*» гэх мэт «*abqi irebai*», «*küböügi*», «*küböün geköügi sonosōd*» болон «*nayiman kültei*» үгс нэмэгджээ. Үүнээс гадна Г. Гомбоевийн текстэд «*ese*», «*ülii*», «*hoš örgē*» гэх 4-н үг хасагдсан бөгөөд байхгүй байна. А. В. Поповын текстийг Г. Гомбоевийн тексттэй харьцуулж үзвэл нийт хоёр үг солигдсон байна. Жишээ нь: А. В. Поповын текстэд «*уахаба қиги*» гэж гарахад Г. Гомбоевийн текстэд «*хайба қиги*» гэх, А. В. Поповын текстэд «*arban bars dūtai*», гэхэд Г. Гомбоевийн текстэд «*arban bars döütē*» гэх мэтээр солигдсон байна. Даруй Г. Гомбоевийн текст «*ягавч*» гэх үгийг «*хайвч*» гэж, «*дуутай*» гэх үгийг «*дүүтэй*» хэмээн эндүү бичсэн байв. Эдгээрээс үзэхэд А. В. Поповын текст хийгээд Г. Гомбоевийн текст нь ижил нэг эхээс ирэлттэй гэдэг нь тодорхой байна. Агуулгаас үзвэл санааны хувьд онцгой том зөрөөгүй боловч нарийн үг үсэг, өгүүлбэр, найруулгын хувьд бага сага зөрөөтэй байж харилцан нэг нэгэн нөгөөгөө нь нөхөлбөрлөх тал ч оршиж бий. Тод монгол үсгийн бичилгийн хувьд А. В. Поповын текст «*уйта*», «*қунан*», «*хотақайту хара хула*» гэхэд Г. Гомбоевийн текстэд «*уата*», «*қунун*», «*хотақайту хара халу*» гэх мэт нийт 107 үгийн бичлэг зурлага нь харилцан зөрөөтэй байна.

Дээрх мэт үгийн солигдол, нэмэгдэл, хасагдлыг гаргавал Г. Гомбоевийн текст нь А. В. Поповын тексттэй нийцэх агуулгын хэсэг нь их төлөв адил байна. Г. Гомбоевоос түүний ашигласан туужийн эх бичгийн тухай тодорхойлолт хийхдээ: «тус эх бичгийг хэвлэх үед бидний гарт гурван эх бичиг байсан юм. Үүнд бидэн тэдгээр эх бичгүдийн бичлэгийн зөрөөг харьцуулж буулгав. Уншлага, бичлэгийн зөрөө гэх хэсэгт нийт 51 үгийг харьцуулан буулгав. Бидний энд нийтэлж байгаа эх бичгийг А хэмээн тэмдэглэжээ.. бусад хоёр эх бичгийг В ба С эх бичиг хэмээн тэмдэглэв» [Гомбоев 1858: 211] гэжээ. Үүнээс үзэхэд Г. Гомбоевийн текст нь олон эхийг тулган харгуулж нэгдтгэсэн хэх байхад А. В. Поповын текстэд харин уг ямар нэгэн эх нь буулгавар байж мэднэ. Нөгөө талаар Г. Гомбоевийн текстийн агуулга үг хэллэг,

хүүрнэлийн дэс дараа мөн өгүүлбэрийн дэс дараа нь А. В. Поповын тексттэй ихээхэн ойролцоо байхаас харахад Галсан Гомбоевийн текстэд ашиглагдсан А, В, С гурван текстийн нэг нь А. В. Поповын текстийн ашигласан эх текст байж ер нь магадгүй.

Хураангуйлалт:

1. А. В. Поповын текст нь хэдийгээр туужийн нэг хэсэг дутуу боловч туужийн анхны бар хэвлэл гэдэг нь зайлшгүй байна. Тэр нь 170 гаруй жилийн турш эрдэмтдийн хараанд өртөөгүй он удсан нь харамсалтай.
2. Г. Гомбоевийн текст нь агуулга, үг хэллэг, хүүрнэлийн дэс дараа мөн өгүүлбэрийн дэс дараа нь Поповын тексттэй ихээхэн ойролцоо байхыг харахад Г. Гомбоевийн ашигласан А, В, С гурван текстийн нэгийг А. В. Поповын текстэд ашигласан нь магадгүй юм. Юу ч гэсэн А. В. Поповын текст нь Г. Гомбоевийн текстийг бодвол олон текстийг нийлүүлж найруулсан зүйл биш, харин уг эхийн нийтлэл гэдгээрээ онцгой ач холбогдолтой.
3. А. В. Поповын текстэд тод монгол үсгийн бичлэг нь туужийн бусад хувилбар лугаа ба ялгаа зөрөөтэй байх явдал нв туужийн хэл судлал, мөн уран зохиол, түүх зэрэг чиглэлд дутагдаж болшгүй ач холбогдолтой гэдэг нь яриангүй юм.

Тайлбар

1. «Монголын Увш хунтайжын тууж» нь бичгийн уламжлалын нэрийдлэгийн хувьд Германь улсын Дрезден хот дахь нэг сүм хийдийн архивд хадгалагдаж байгаа эх текстийн нэр нь «Дөрвөн Ойрад Монголыг дарсан тууж» хэмээх А. В. Поповын текст нь «Увш хунтайжын Ойрадыг дайлсан тууж» мөн Г. Гомбоевийн текст нь «Увш хунтайж жич түүний Ойрадтай дайтсан түүх» гэх мэт ялгаа зөрөөтэй тэмдэглэгдэж байхад аман уламжлалын нэрийдлийн хувьд ОХ-ны Халимаг улсад «Дөрвөн Ойрадын хөвүүн», «Монголын Увш хунтайж» гэх мэт бичиг ба аман уламжлалын нэрийдлэг нь адил бусаар уламжлагдаж иржээ. Тус өгүүлэлд улсын дотоод, гадаадын эрдэмтдийн хэрэглэж заншсан «Монголын Увш хунтайжын тууж» хэмээх нэрийдлийг хэрэглэв.

Литература

- Бадмаев А. В.* Две версии одного памятника ойратско-калмыцкой литературы // Вестник института. Вып. 2. Ч. 2. Серия филологии, философии, экономики и культуры. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 105–112.
- Будаа Хү.* Монголын Увш хунтайжын туужын зохиогдсон цаг үеийн тухай дөхөм шинжилгээ (*Будаа Хү.* К исследованию времени создания истории монгольского Убаши хунтайджия) // Онгон сэрэл (Пробуждение онгонов), 1983. № 2. С. 30–51.
- Бүринчин Т.* Монголын Увш хунтайжын тууж дахь занги гэдэг үгийн тухай (*Бүринчин Т.* О слове «занги» в «Истории монгольского Убаши хунтайджи») // ӨМИС-ийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл (Научный журнал Университета Внутренней Монголии), 2004. № 5. С. 66–78.
- Гомбоев Г.* История Убаши хунтайджия и его войны с Ойратами». Перевод ламы Галсана Гомбоева // Труды Восточного отделения императорского археологического общества. СПб., 1858. Часть VI. С. 198–224.
- Дамдинсүрэн Ц.* Увш хунтайжын тууж («История Убаши хунтайджи») // Дамдинсүрэнгийн Ц. Уран зохиолын өгүүллүүд. Ренчиндорж нар шинэ үсгээс буулгав (Дамдинсүрэн Ц. Статьи по литературе. Переложение с кириллицы Ринчендоржа). Хөххот: Өвөр Монголын соёлын хэвлэлийн хороо (Хуххот: Издательство культуры Внутренней Монголии = Hohhot: Inner Mongolian Cultural Publishing House), 1987.
- Дэлгэрсан То.* Монголын Увш хунтайжын тууж (эрт, ойр үеийн монгол зохиогч хийгээд монгол зохиол) (*Дэлгэрсан То.* «История монгольского Убаши хунтайджи (монгольский автор раннего, позднего периода и монгольское сочинение)»). Хөххот: ӨМ-ын ардын хэвлэлийн хороо (Хуххот: Народный комитет по печати Внутренней Монголии), 1989. 501 с.
- Мөлөн.* Монголын Увш хунтайжын тууж дахь ахуйч ба хүсэхүйч аргын уялдал (*Мулун.* Согласование методов «хозяйствующего» и «желающего» в «Истории монгольского Убаши хунтайджи») // Дундад улсын Монгол судлал (Монголоведные исследования в Китае), 2007. № 6. С. 49–58.
- Мөнхөө Бу.* Монголын Увш хунтайжын тууж дахь гал гахайг шинжлэх нь (*Мунхуу Бу.* К изучению года «огня – свиньи», упоминаемого в «Истории монгольского Убаши хунтайджи») // Өвөр монголын нийгэм шинжлэх ухааны сэтгүүл (Общественно-научный журнал Внутренней Монголии), 1984. № 4. С. 81–97.
- Нарс Ба.* Дундад зууны Ойрадын өгүүллэгийн зохиол дахь түүх, уран зохиолын нэгдэл шинж (*Нарс Ба.* Общие наблюдения над историей и литературой в рассказах об ойратах средневековья) // Шинжааны Монгол утга зохиолын судлал (Исследования по монгольской литературе Синьцзяна). Хөххот: Үндэсний хэвлэлийн хороо (Хуххот: Национальный комитет по печати), 1999. С. 151–172.
- Өнө-Улаан Мө.* Ойрад монголын эртний гурван өгүүллэг (*Уну-Улан Му.* Три старинные истории об ойратах) // Алтан түлхүүр сэтгүүл (Журнал «Золотой ключ»), 1983. № 6. С. 75–91.
- Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1847. 392 с.
- Сайшаалт На.* Монголын уран зохиолын түүх (*Сайшаалт На.* История монгольской литературы). Хөххот: ӨМИС-ийн хэвлэлийн хороо (Хуххот: Комитет по печати Университета Внутренней Монголии), 2011.
- Сангиренчин Д.* Монголын Увш хунтайжын туужын тухай (*Сангиренчин Д.* Об истории монгольского Убаши хунтайджи) // ӨМИС-ын эрдэм шинжилгээний сэтгүүл (Научный журнал Университета Внутренней Монголии), 1984. № 3. С. 122–143.
- Санчиров В. П.* Монголын Увш хун тайжийн туужийн үйл явдлын он цагийг тогтоох асуудалд (К вопросу установления даты событий «Истории Убаши хунтайджи») // Bibliotheca Oiratica V. Халимаг: түүх, соёл (Калмыки: история, культура). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2007. С. 50–57.
- Цогвазандан.* Монголын Увш хунтайжын туужийн тухай дөхөм өгүүлэх нь (Еще раз об истории монгольского Убаши хунтайджи) // Шинжааны уран зохиол сэтгүүл (Литературный журнал Синьцзяна), 1980. № 6. С. 38–55.

References

- Badmaev A. V. *Dve versii odnogo pamyatnika ойратско-калмытской литературы* [Two versions of the same monument of Oirat-Kalmyk literature]. *Vestnik instituta* (Bulletin of the Institute), iss. 2, part 2, series 'Philology, Philosophy, Economics and Culture'. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Language and Literature Press, 1967, pp. 105–112 (In Russ.).
- Budaa Khü. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzhyn zokhiogdson tsag üeiyn tukhay dõkhõm*

- shinzhilgee* [The time of creation of 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji' revisited]. *Ongon serel* (Awakening of the Ongons), 1983, iss. 2, pp. 30-51 (In Mong.).
- Bürinčin T. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzh dakh' zangi gedeg ügiyn tukhay* [About the word 'zangi' in 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji']. *ÖMIS-iyn erdem shinzhilgeeny setgüül* (Scientific Journal of Inner Mongolia University), 2004, iss. 5, pp. 66-78 (In Mong.).
- Damdinsüren Ts. *Uvsh khuntayzhyn tuuzh* [History of Ubashi Hong Tayiji]. *Damdinsürengiyn Ts. Uran zokhiolyn ögüüllүүд. Renchindorzh nar shine üsgees buulgav* [Damdinsuren's articles on literature. Transliterated by Rinchendorj]. Hohhot, Inner Mongolia Cultural Publishing House, 1987 (In Mong.).
- Delgersan To. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzh (ert, oyr yeiyn mongol zokhiogch khiygeed mongol zokhiol)* ['History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji' ...]. Hohhot, Inner Mongolia People's Printing Committee, 1989, 501 p. (In Mong.).
- Gomboev G. *Istoriya Ubashi khuntaydzhia i ego voyny s Oyratami». Perevod lamy Galsana Gomboeva* [History of Ubashi Hong Tayiji and his war against the Oirats. Transl. by Lama Galsan Gomboev]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Transactions of the Oriental Department of the Imperial Archaeological Society). St. Petersburg, 1858, part VI, pp. 198-224 (In Russ.).
- Mölon. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzh dakh' akhuych ba khüsekhüych argyn uyaldal* [Artistic methods of 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji']. *Dundad ulsyn Mongol sudlal* (Mongol Studies in China), 2007, iss. 6, pp. 49-58 (In Mong.).
- Mönkhöö Bu. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzh dakh' gal gakhayg shinzhlekh n'* [Revisiting the 'fire – pig' year mentioned in 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji']. *Övör mongolyn niygem shinzhlekh ukhaany setgüül* (Inner Mongolia Journal of Social Sciences), 1984, iss. 4, pp. 81-97 (In Mong.).
- Nars Ba. *Dundad zuuny Oyradyn ögyllēgiyn zokhiol dakh' tūūkh, uran zokhiolyn negdel shinz* [General observations of the history and literature of the medieval Oirats]. *Shinzhany Mongol utga zokhiolyn sudlal* [Studies of Mongolian literature of Xinjiang]. Hohhot, National Printing Committee, 1999, pp. 151-172 (In Mong.).
- Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk language grammar]. Kazan, Kazan University Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Sanchirov V. P. *Mongolyn Uvsh khun tayzhiyn tuuzhiyn üyl yavdlyn on tsagiγg togtookh asuudald* [The actual date of the event described in 'History of Ubashi Hong Tayiji' revisited]. *Bibliotheca Oiratica V. Khalimag: tūūkh, soel* [Bibliotheca Oiratica V. The Kalmyks: history, culture]. Ulaanbaatar, Soembo Printing, 2007, pp. 50-57 (In Mong.).
- Sangirechin D. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzhiyn tukhay* [About 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji']. *ÖMBIS-yn (ili OMIS-yn) erdem shinzhilgeeny setgüül* (Scientific Journal of Inner Mongolia University), 1984, iss. 3, pp. 122-143 (In Mong.).
- Sayshaalt Na. *Mongolyn uran zokhiolyn tūūkh* [History of Mongolian literature]. Hohhot, Inner Mongolia University Press, 2011 (In Mong.).
- Tsogvazandan. *Mongolyn Uvsh khuntayzhyn tuuzhiyn tukhay dōkhōm ögüülekh n'* [One more time about 'History of Mongolian Ubashi Hong Tayiji']. *Shinzhany uran zokhiol setgüül* (Xinjiang Literary Journal), 1980, iss. 6, pp. 38-55 (In Mong.).
- Önō-Ulaan Mö. *Oyrad mongolyn ertniy gurban ögüülleg* [Three ancient stories about the Oirats]. *Altan tūlkhiür setgüül* (The Golden Key journal), 1983, iss. 6, pp. 75-91 (In Mong.).

УДК 821.512.36

«МОНГОЛЫН УВШ ХУНТАЙЖЫН ТУУЖ»-ИЙН АНХНЫ БАР ХЭВЛЭЛИЙН АСУУДАЛД (ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО УБАШИ ХУНТАЙДЖИЯ»)Мерген Владимирович Босхомджиев¹

¹ Аспирант, Институт монголоведения, Университет Внутренней Монголии (Хух-Хото, Китай).
E-mail: oirat_mergen@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется происхождение, публикация и содержание сказания «Истории монгольского Убаши хунтайджия», изданная в 1847 г. профессором А. В. Поповым на «ясном письме». Автор статьи на основе российских, монгольских и китайских материалов затрагивает некоторые вопросы, связанные с первой публикацией оригинального сказания. В вводной части рассматривается история публикации и исследования данного памятника ойратской литературы в России и за рубежом. В первой части статьи приводятся аргументы, подтверждающие ее калмыцкое происхождение. Так, например, профессор А. В. Попов, автор первой публикации сказания, указывал, что «... все рукописи на *тодо бичиг* и другие материалы, вошедшие в книгу «Грамматика калмыцкого языка», были собраны в 1838 г. во время научной экспедиции в калмыцкие степи». Во второй части описываются проблемы издания неполного сказания «История монгольского Убаши хунтайджия». В третьей части проводится сравнительно-сопоставительный анализ публикации А. В. Попова с полным текстом того же сказания, изданным ученым ламой Г. Гомбоевым.

Ключевые слова: А. В. Попов, «История монгольского Убаши хунтайджия», ойратская литература.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 70–76, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-70-76
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82

D. Ravjaa's Code in Modern Mongolian Poetry

Lyudmila S. Dampilova¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Chief Research Associate, Research Coordinator, Department of Literary and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dampilova_luda@rambler.ru.

Abstract

D. Ravjaa's poetry is connected with works of modern literary artists at the level of motifs, artistic images and textual coincidences. The paper aims to determine the features of mortal and vital codes in Mongolian poetry. In this respect, it is urgent to study the problem of literary texts coding, the ways they incorporate quotations and allusions to traditional symbols, and interpret culture-specific archetypical literary themes. Being a universal principle for the interpretation of texts, the semantic-hermeneutical method allows to create a unified system of meanings of texts within a paradigm of numerous interpretations. The Buddhist idea of an indissoluble chain of existence contributes to the quiet and contemplative perception of life. The concept gives rise to the special mortal code inherent to Mongolian poetry. For example, in one of his poems, the famous poet Damdinsuren refers to D. Ravjaa's code and does not repeat the keyword in the text but rather designates it only in its name. Here, the new ordered sense is detected in an unusual sense of the original. The poet celebrates the five feelings, depicts the beauty of perception of the world in each stanza, and every last line of the stanzas glorifies the most perfect aspect of all those already mentioned. Damdinsuren's text is transparent for reading. He applies D. Ravjaa's recognizable code of perfect quality as an unambiguous vital code, makes reconstruction of elements of the code according to his individual poetical principles. The article considers D. Ravjaa's vital and mortal codes, specifics of their functioning and transformation in works by modern poets. Identification of the code of D. Ravjaa allows to determine the role of his works in the development of modern poetry. The mortal code of both the optimistic and pessimistic in modern Mongolian literature is closely connected with the Buddhist philosophical concept of death as infinity. It has features as follows: life as expectation of death, death as a benefit, love to death, quiet perception of death. The work reveals the close interrelation between mortal and vital codes in D. Ravjaa's poetry that are used in modern poetry in the transformed type. As a result, it is concluded that the code of D. Ravjaa is included in modern Mongolian poetry in the form of a hint or a direct quotation of his Buddhist philosophical concept. Motifs and details of the code are used in direct and reduced forms.

Keywords: D. Ravjaa, cultural code, Mongolian poetry, intertext, Buddhism.

Введение

Знаменитый гобийский нойон-хутухта Дулдуитын Равжа (Лувсанданзан Равжаа, Ашваа-гэгэн) (1803–1856), получивший традиционное буддийское образование, сочинял стихи и песни на монгольском и тибетском языках. Интертекстуальные связи поэзии Д. Равжи с современными произведениями художников слова существуют на уровне переключки мотивов, художественных образов и текстуальных совпадений. Вопрос о влиянии произведений поэта на творчество современных авторов тесно связан с вопросом о культурном коде, ибо его поэтическое слово вобрало в себя культурный опыт монгольского мира. Выражения из лучших стихотворений Д. Равжи, таких, как «Знаки совершенства» (монг. *Үлэмжийн чанар*), «Потеплело» (монг. *Урьхан хонгор*), «Неделимая душа» (монг. *Салж ядах сэтгэл*), «Пусть будет стыдно!» (монг. *Ичиг ичиг*), «Наказ вселенной» (монг. *Ертөнц авхайн жам*), стали афоризмами и вошли в сокровищницу монгольской словесности.

В данной статье целью исследования является выявление особенности мортального и витального кодов в монгольской поэзии. Под кодом мы подразумеваем «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного: код есть конкретная форма этого „уже“, конституирующего всякое письмо» [Барт 1989: 455–456]. В работе основное внимание уделяется теории межтекстовых связей, проблемам интертекстуального анализа в целом. В этом аспекте

актуально изучение проблемы кодирования литературных текстов, наполнения их цитатами, аллюзиями на традиционные символы, интерпретации архетипических для данной культуры литературных мотивов и тем. Семантико-герменевтический метод как универсальный принцип интерпретации текстов позволяет нам создать единую систему значений текстов в парадигме многочисленных интерпретаций. Также используется сравнительно-типологический анализ с его методикой моделирования типовых образов, мотивов и сюжетов.

Мортальный код

В лирике Д. Равжи можно выделить песни философского, религиозного, политического, лирического, любовного содержания. Но, как отмечает Л. К. Герасимович, «невозможно бывает закрепить то или стихотворение за каким-либо определенным жанром. Одно и то же стихотворение, как бы мало ни было по объему, может заключать в себе философскую или морально-эстетическую сентенцию, дидактику, религиозный постулат или оду в честь ламства» [Герасимович 1986: 25].

В поэтическом наследии Д. Равжи есть произведения, к которым поэты обращаются регулярно. Философское кредо буддийского перерожденца Ашваа-гэгэна о сути всего сущего, жизни и смерти стало поводом для поэтических размышлений последующих поколений, одним из самых востребованных кодов в монгольской поэзии. Буддийская философия и традиции индо-тибетской канонической словесности находятся в основе лирического дискурса поэта. Общеизвестное четверостишие из стихотворения «*Хурмаст тэнгэр*» раскрывает центральную идею его буддийской концепции о сути бытия:

*Үүл нь гараад бороо орохын цагт,
Үүдэн гэмээ хоймор юуны ялгаа байх вэ?
Үйл байгаад үхэхийн цагт
Хөгшин гэмээ залуу юуны ялгаа байх вэ?*
[Равжаа 1991: 12]

Облака сгустились, дождь пойдет:
У двери сидишь или в почетном месте, какая разница?
Судьба такая, время смерти пришло,
Старый ты иль молодой, какая разница?
(пер. Е. В. Сундуевой)

Буддийская идея о единой цепи бытия: все в мире преходяще, надобно к этой жизни относиться как к временному явлению, порождает спокойное и созерцательное восприятие бытия. Эта же концепция рождает особый мортальный код, присущий монгольской поэзии. Его философские поучения прямо цити-

руются и аллюзивно используются на уровне подтекста и контекста. Согласно Б. Гаспарову, «текст рассматривается как вторичный продукт культурных кодов, палимпсестных наложений в толще культурной памяти. В тексте „манифестируются“ культурные „кодификации“» [Гаспаров 1993: 282].

Молодой поэт из Внутренней Монголии КНР Дорж-Юндэнгийн Болдхуяг, используя код вышеприведенного текста Д. Равжи,

в «Стихотворении о встрече смерти» (монг. *Үхлийг угтах шүлэг*) приветствует смерть как благо:

*Хэвлийдээ бүрэлдмэгц надтай шүтэн барилдаж,
Хэвтэж амрах чөлөөгүй намайг зорин тэмүүлсэн,
Үхэл чамайг би хадаг барин тосно,
Үнэн сэтгэлээсээ баярлан угтана.*

[Болдхуяг 2011: 21]

С материнского лона со мной связанную,
Ко мне без усталости стремившуюся,
Тебя, моя смерть, с хадаком встречаю я,
От всей души радуясь.

(пер. Е. В. Сундуевой)

Автор в нарочито восторженном стиле выстраивает весь текст. Смерть выступает как единственное мерило ценности и ориентир в жизненном пространстве. Кажется, канонизированный топос «жизнь как сон»

в буддийском варианте воспринимается в виде «жизнь как ожидание смерти». Следующие строки перекликаются с идеей Д. Равжи по основному вопросу, волнующему человека на протяжении всей жизни:

*Ээжийнхээ дараа л орвол өнөө маргааш хамаагүй,
Эмгэг өвчин хийгээд зуурдаар тонилох ялгаагүй,
Ирсэн шигээ байгалдаа гар хоосон буцаад,
Илүү дутуу гоёлгүй мөнхийн амгаланг олно.*

[Болдхуяг 2011: 21]

Возвращаться к матери сегодня или завтра,
нет разницы,
От болезни преждевременно умереть ли,
все равно.
Как пришел, так и ушел с пустыми руками
в свою обитель,
Без прикрас, в вечное блаженство уйду.
(пер. Е. В. Сундуевой)

Постижение собственной природы своего «я» предполагает постижение понятия смерти. Лирический герой Болдхуяга, движимый свободой индивидуалистического самоопределения, ищет свой неповторимый

путь. Он не верит в существование потустороннего мира, смерть как светлое начало также не предполагает буддийское перерождение. В данном случае смертельный код предполагает уход в вечную нирвану:

*Үнэндээ чи намайг тамд хүргэж өгөхгүй,
Үгүй хоосон диваажинг би тоож шинишгүй,
Үхэл чи миний төгсгөл ч болж чадахгүй,
Үүрд амгалан оршихуйн гэрэлт эхлэл болно оо.*

[Болдхуяг 2011: 21]

В действительности, ты меня не проводишь в ад,
Пустой, не существующий *диважан* меня не привлекает.
Смерть, ты моим концом стать не можешь,
Ты будешь светлым началом моего вечного блаженства.

(пер. Е. В. Сундуевой)

Лирический герой монгольского поэта Б. Батхуу приходит к выводу, что земная юдоль самая несчастная, и смерть более приятна и ближе человеку: *Хэнэйшье үхэбэл, харамсаха хэрэггүй. / Нэгэмнайшье хаань зоболонһоо хахасажал байг* 'Хоть кто умрет, не надо сожалеть. / Пусть хоть один освободится от скорби' [Батхуу 2009: 33]. Идея «Смерть моя, не покидай меня» проходит рефреном через все творчество поэта, и смертельный код срабатывает как необходимая, естественная, присущая вечности категория. Метафизическое неприятие человеческого удела в его поэзии проявляется на чувственном, эмоциональном уровне. Герой Б. Батхуу по настроению принимает

земную жизнь то резко негативно, то с буддийским спокойствием: «Я пришел в этот мир / ни творить, ни крушить — / Лишь увидеть хотел: / Как смеются цветы, / и желтеет листва, / Вод течение, покой, / Облака надо мной... / Эту землю погладить. / В вечность вернуться» [Батхуу 2009: 12, пер. Р. Шоймарданова].

Вероятно, не без основания сам поэт считает, что его идеи тесно связаны с традиционной монгольской философией. Его поэзии созвучны народная мудрость и философский взгляд на мир его учителя, поэта Данзана Нямсурэна, утверждающего, что 'Сегодня я по траве хожу. / Завтра на мне трава будет расти' *Өнөөдэр би өвсөн*

дээр гишгэнэм, / Өнө хойчдоо өвс над дээр ургана. Переживания единой цепи бытия мы видим в истоке творчества Б. Батхуу, воспринявшего подобное философское мировидение из народной мудрости, от своих предшественников.

В стихотворении из постмодернистского цикла Б. Галсансуха «Действительно грустное стихотворение» (монг. *Үнэхээр гүнигтай шүлэг*) мотивы «любви к смерти», «спокойного восприятия смерти в любое время», рассмотренные в вышеприведенных текстах, чередуются мотивами «ожидания смерти» в натуралистических беспощадных картинах. Текст дается в рамочном обрамлении, симметрично расположенном в начале и финале повествования: *Энд нэг л биш. Эмнэлэгт нэг л биш. Энд биш ээ* 'Здесь не то. В больнице что-то не то. Не здесь' [Галсансүх 2003: 15]. Заданный в названии печально повторяющийся рефрен является ведущим мотивом в словесном оформлении текста.

Если считать логичным утверждение, что все ждут смерти друг друга: муж — жены, читатель — поэта, любовница — любовника, внук ждет смерти деда, то в первый момент вызывает естественный протест и кажется нарочито придуманным эффектным средством включения внимания то, что дед ждет смерти внука. Мортальное настроение негативного характера дополняется размышлениями, что все в мире течет и изменяется, нет ничего постоянного, и в данном контексте возможно допустимо, что в мире действительно все живут в подспудном ожидании смерти друг друга, ибо все люди смертны.

И в этой мысли еще более утверждаешься, читая завершающие строки: *Сар гарахыг / Үүл хүлээнэ. Өглөө болохыг од хүлээнэ. / Үдэш болохыг нар хүлээнэ* 'Когда луна взойдет, / Ждут облака. А звезды ждут, когда наступит утро. / Наступления вечера ждет солнце' [Галсансүх 2003: 15]. Доминантная константа о всеобщем ожидании смерти друг друга, навязчиво повторяясь, разворачивается в контексте человеческой жизни, что кажется неправдоподобным, но дальнейшая констатация этой идеи в цикле природной жизни подспудно примиряет читателя со столь неординарной мыслью. Думается, что здесь срабатывает парадигма постмодернизма, где естественной является свободная от любых этических норм интеллектуальная рефлексия на мортальную тему. В данном случае следует отметить

«текстоформирующую роль» кода Д. Равжи. Итак, в современной монгольской поэзии в мортальном коде нет противоречия между жизнью и смертью. При сопоставлении стихотворений Д. Болдхуяга, Б. Батхуу, Д. Нямсурэна, Б. Галсансуха с мортальным кодом гобийского нойон-хутухты Д. Равжи явно видны параллели как на уровне темы, так мотивов и образов.

Витальный код

Мортальный и витальный коды в монгольской поэзии тесно связаны между собой. В этом отношении примечательны благопожелания, завершающие поэтический текст Д. Равжи, являющиеся в его поэзии кодовыми условными формулами: *Өлзий хутаг орших болтугай* 'Пусть будет много благодати'; *Түмэн түмэн насны өлзий* 'Тысячи и тысячи лет благоденствия'. Действительно, поэзия Д. Равжи, как и «поэтика средневековых тибетских стихотворных текстов, тесно связана с буддизмом и культурой своего времени» [Музраева 2001: 115]. Среди витальных кодов в виде благопожеланий долголетия встречаются философские формулы, показывающие неразрывный союз витального кода с мортальным: *Үхэх төрөхийн ялгал үгүй болтугай* 'Пусть не будет разницы между жизнью и смертью'. По мнению Д. Цагаан, поучения Д. Равжи в композиционном аспекте выстроены по образцу древнеиндийских и тибетских сочинений — вступление составляет обращение к божеству и эпилог завершается благопожеланиями [Цагаан 1981: 202].

В монгольской поэзии одним из самых используемых литературных кодов является знаменитое стихотворение Равжи «Знаки совершенства» / «Ты — совершенство» (монг. *Үлэмжийн чанар*). На родине поэта в пустыне Гоби этому стихотворению посвящен памятник, на котором высечен текст с нотами. По известной легенде, после пения этой песни душа очищается и приходит просветление.

Стихотворение расшифровать настолько трудно, что существует множество интерпретаций. На первом профанном уровне прочтения можно утверждать, что поэт восхваляет женщину при помощи пяти чувств — тех, что всем нам известны, т. е. зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, которые дают нам возможность познать земной мир. Здесь проявляется явный витальный код, связанный с любовной темой. По мнению Н. Энхбаяра, монголам характерно позна-

вать окружающее с разных точек зрения, выделяя каждое чувство отдельно, а европейцы чаще воспринимают мир одним чувством [Равжаа 2014: 120].

Действительно, в тексте есть утверждение красоты женщины: как пишет А. В. Мелехин, «в стихотворении „Ты — совершенство“ Равджа использовал прием восхваления „порождающих желание“ чар (в данном случае — женских), воздействующих на пять „внешних чувств“ человека. Этот прием восходит к трактату Дандина и может быть назван „украшением, выказывающим обольстительные чары“» [Мелехин 1991: 107]. Перевод названия стихотворения «Ты — совершенство» сужает смысл до любовной темы, а название «Знаки совершенства» придает философское значение всему тексту.

Особый интерес вызывает мнение тех монгольских исследователей, которые считают, что это стихотворение об абстрактном

качестве. Неоднозначное начало стихотворения (*Үлэмжийн чанар төгөлдөр / Өнгө тунамал толь чиг* ‘Знаки совершенства / Как зеркало, вбирающее все цвета’) предполагает поиск смысла текста за пределами рационального сознания. Возможно, значение фразы *үлэмжийн чанар* более близко к буддийскому понятию о пустоте как совершенном качестве, наполненном глубоким внутренним смыслом.

В целом, необходимо отметить, что лирический герой видит знаки совершенства как в окружающем мире, так и в абстрактной сути бытия. Если читать стихотворение как философскую сентенцию, становится понятной завершающая строфа этого оригинального произведения. Поэт, уверенный во взаимной связи реального и виртуального миров, констатирует, что, познав знаки совершенства всего, в итоге сможем соединиться с морем счастья в иной жизни:

*Хүний энэ насанд
Хүссэн хэргээ бүтээгээд
Хүсэлт тэнгэрийн эдлэл мэт
Хөлгүй жаргалангийн далайд
Хөвж хамт жаргая.*

[Равжаа 1991: 14]

В этой жизни мы,
Достигнув своей цели,
Как существа всемогущего неба,
Уйдя в море бесконечного счастья,
Вместе восторжествуем.

(пер. Е. В. Сундуевой)

В данном случае возможно допустить, что мортальный код определяется витальным кодом. Развивает основную тему произведения Д. Равжи известный поэт Ц. Дамдинсурэн в стихотворении «Совершенство вселенной» (монг. *Ертөнцийн чимэг*): *Яруу дууны сайхан / чихний чимэг гэвэл: / Ян ууланд донгодсон / хөхөөн дуу сайхан. / Ятга хуурын хангинасан / уран эгшиг сайхан. / Ямагт сэтгэлийг хөдөлгөсөн / уянгын ая сайхан / Янаг хонгорын дуу нь / тэр бүгдийн дээж* ‘Если говорить о нежной песне для слуха, / Прекрасно кукование кукушки в горах. / Прекрасна тонкая музыка / звучащих хура и ятаги, / Волнующая душу / прекрасна лирическая мелодия, / Но прекраснее всех голос любимой’ [Монголын... 2005: 100]. Он ни разу не повторил ключевое слово в тексте, только обозначил в названии стиха подтекстом, отсылая к коду Д. Равжи. В данном случае «подтекст можно формулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте» [Тарановский 2000: 31]. Здесь наблюдается некое дистанцирование по отношению к первичному тексту, обнаружение в необычном смысле оригинала нового упорядоченного

смысла. Поэт, воспевая пять чувств, перечисляя в каждой строфе красоту восприятия мира, в последней строке каждой строфы воспевает самое совершенное из всего им перечисленного. Текст Ц. Дамдинсурэна — прозрачный для чтения. Он, используя узнаваемый код Д. Равжи — совершенное качество — как однозначный витальный код, производит реконструкцию элементов данного кода согласно принципам своей собственной поэтики.

Заключение

Исконные традиции народной поэзии, буддийские философские мотивы, сохранившиеся в поэзии Д. Равжи, особо востребованы в современной монгольской поэзии. Традиция как система ценностных кодов в поэтическом дискурсе становится основным знаковым ключом. Традиция «прежде всего предполагает чувство истории <...>, а чувство истории в свою очередь предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня» [Элиот 1997: 158].

Нами рассмотрены витальный и мортальный коды Д. Равжи, специфика их функционирования и трансформации в про-

изведениях современных поэтов. Выявление кода Д. Равжи дает возможность понять роль его творчества в развитии современной поэзии. Мортальный код как оптимистического, так и пессимистического характера в современной монгольской литературе, тесно связанный с буддийской философской концепцией смерти как бесконечности, имеет свои особенности: жизнь как ожидание смерти, смерть как благо, любовь к смерти, спокойное восприятие смерти. Также нами установлена тесная взаимосвязь между мортальным и витальным кодами в поэзии Д. Равжи, воплощенными в трансформированном виде в современной поэзии. В итоге необходимо констатировать, что способы включения кода Д. Равжи в современную монгольскую поэзию осуществлены в виде намека или прямой цитаты его буддийской философской концепции, использованы мотивы и детали кода в прямом и редуцированном виде.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., Наука, 1993. 304 с.
- Герасимович Л. К. Светские мотивы в лирической поэзии Д. Равжи // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова 1884–1931. М.: Наука, 1986. С. 23–36.
- Мелехин А. В. Влияние «Кавьядарши» Дандина на поэтическое творчество Равджи // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии. М.: Наука, 1991. С. 103–118.
- Музраева Д. Н. К вопросу о структурно-композиционном построении тибетских стихотворений // Вестник КИГИ РАН (Юбилейное научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 115–122.
- Нойон-хутухта Равжай // История Монгольской Народной Республики. Коллектив авторов, глав. ред. акад. А. П. Окладников, акад. Ш. Бира и др. Изд. 3-е. М.: Наука, 1983. С. 247–252.
- Тарановский К. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Цагаан Д. Творчество Д. Равджи в свете взаимосвязей монгольской литературы с индийской и тибетской литературами // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 198–207.
- Элиот Т. С. Назначение поэзии. М.: ЗАО «Совершенство», 1997. 350 с.
- Монголын сонгомол яруу найраг. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2005. 276 х.
- Батхүү Б. Орчлон. Улаанбаатар: б/и, 2009. 156 х.
- Болдхуяг Д. Мянган оны хойно. Хөх хот: б/и, 2011. 76 х.
- Галсансүх Б. Яруу найргийн шинэчлэлийн төлөөх зуун жилийн дайн. Улаанбаатар: б/и, 2003. 118 х.
- Равжаа Д. Үлэмжийн чанар. Сайншанд: «Ялалт» сонины хэвлэл үйлдвэр, 1991. 252 х.
- Равжаа Д. Судлалын тойм-2. Улаанбаатар: «Бэмби сан» хэвлэл үйлдвэрт хэвлэл, 2014. 441 х.

References

- Barthes R. *Izbrannye raboty: semiotika: poetika / per. s fr., sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova* [Selected works: semiotics: poetics. Transl., comp., etc. by G. Kosikov]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.).
- Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary leitmotifs. Sketches on the 20th century Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 304 p. (In Russ.).
- Gerasimovich L. K. *Svetskie motivy v liricheskoy poezii D. Ravzhi* [Secular motifs in Danzanravjaa's lyric poetry]. *Mongolica. Pamyati akademika Borisa Yakovlevicha Vladimirtsova 1884–1931* [Mongolica. In remembrance of academician Boris. Ya. Vladimirtsov (1884–1931)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 23–36 (In Russ.).
- Melekhin A. V. *Vliyanie «Kav'yadarshi» Dandina na poeticheskoe tvorchestvo Ravdzhi* [Influence of Dandin's *Kavyadarsa* on Danzanravjaa's poetry]. *Vzaimosvyazi i zakonornosti razvitiya literatur Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [Interconnections and common factors in the development of Central and East Asian literatures]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 103–118 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *K voprosu o strukturno-kompozitsionnom postroenii tibetskikh stikhotvorenyy* [Revisiting the structure and composition of Tibetan poems]. *Vestnik KIGI RAN (Yubileynoe nauchnoe izdanie)* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, jubilee edition), Elista, Dzhangar Publ., 2001, pp. 115–122 (In Russ.).
- Noyon-khutukhta Ravzhay [Noyon Khutagt Ravjaa]. *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki. Kollektiv avtorov, glav. red. akad. A. P. Okladnikov, akad. Sh. Bira i dr. Izd. 3-e*

- [A history of the Mongolian People's Republic. Edit. by A. Okalnikov et al. 3rd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 247–252 (In Russ.).
- Taranovsky K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2000, 432 p. (In Russ.).
- Tsagaan D. *Tvorchestvo D. Ravdzhi v svete vzaimosvyazey mongol'skoy literatury s indiyской i tibetskoy literaturami* [Danzanravjaa's works in the light of relations between Mongolian, Indian and Tibetan literatures]. *Literaturnye svyazi Mongolii* [Mongolia's literary relations]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 198–207 (In Russ.).
- Eliot T. S. *Naznachenie poezii* [On poetry]. Moscow, Sovershenstvo Publ. Ltd., 1997, 350 p. (In Russ.).
- Mongolyn songomol yaruu nayrag* [Selected Mongolian poetry]. Ulaanbaatar, Mönkhiyn Üseg Publ., 2005, 276 p. (In Mong.).
- Batkhiüü B. *Orchlon* [The universe]. Ulaanbaatar, 2009, 156 p. (In Mong.).
- Boldkhuyag D. *Myangan ony khoyno* [After a hundred years]. Hohhot, 2011, 76 p. (In Mong.).
- Galsansükh B. *Yaruu nayrgiyn shinechleliyn tölөөkh zuun zhiliyn dayn* [A hundred-year war for the renewal of poetry]. Ulaanbaatar, 2003, 118 p. (In Mong.).
- Ravjaa D. *Ülemzhiyn chanar* [Signs of perfection]. Sainshand, Yalalt Publ., 1991, 252 p. (In Mong.).
- Ravjaa D. *Sudlalyn toym-2* [Volume of research – 2]. Ulaanbaatar, Bembi San Publ., 2014, 441 p. (In Mong.).

УДК 82

КОД Д. РАВЖИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ доктор филологических наук, главный научный сотрудник, координатор работы, отдел литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: dampilova_luda@rambler.ru.

Аннотация. Интертекстуальные связи поэзии Д. Равжи с современными произведениями художников слова существуют на уровне переключки мотивов, художественных образов и текстуальных совпадений. В данной статье исследуются особенности мортального и витального кодов в монгольской поэзии. Основное внимание уделяется теории межтекстовых связей, проблемам интертекстуального анализа в целом. В этом аспекте актуально изучение проблемы кодирования литературных текстов, наполнения их цитатами, аллюзиями на традиционные символы, интерпретация архетипических для данной культуры литературных тем. Семантико-герменевтический метод как универсальный принцип интерпретации текстов позволяет создать единую систему значений текстов в парадигме многочисленных интерпретаций. Нами рассмотрены витальный и мортальный коды Д. Равжи, специфика их функционирования и трансформации в произведениях современных поэтов. Выявление кода Д. Равжи дает возможность понять роль его творчества в развитии современной поэзии. Мортальный код как оптимистического, так и пессимистического характера в современной монгольской литературе, тесно связанный с буддийской философской концепцией смерти как бесконечности, имеет свои особенности: жизнь как ожидание смерти, смерть как благо, любовь к смерти, спокойное восприятие смерти. Также нами установлена тесная взаимосвязь между мортальным и витальным кодами в поэзии Д. Равжи, используемая в трансформированном виде в современной поэзии. В итоге необходимо констатировать, что способы включения кода Д. Равжи в современную монгольскую поэзию осуществлены в виде намека или прямой цитаты его буддийской философской концепции, использованы мотивы и детали кода в прямом и редуцированном виде.

Ключевые слова: Д. Равжа, культурный код, монгольская поэзия, интертекст, буддизм.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 77–83, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-77-83
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.221

The Motif of Curse in Bashkir Folklore: Evidence from ‘*Sak and Sok*’ Mythological Bait

Gulnaz S. Khanova ¹

¹ Postgraduate Student, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: tuzgul@mail.ru

Abstract

The article considers the motif of maternal curse through the example of the Bashkir mythological bait ‘*Sak and Sok*’ which is also widespread among the Tatar and Chuvash peoples. According to the plot, following a slight prank, the mother curses her twin children so that those immediately turn into birds and fly away. The conducted research has revealed two types of maternal curse: accidental and intentional ones.

Accidental curse is that issued by mother by negligence, in a blaze of anger, wishing no actual harm to her children.

Deliberate maternal curse could be found in various rituals. The curse issuing time is of special importance. In some cases, the curse is aggravated by mother’s milk which contradicts the Bashkir national mindset and the Holy Quran.

The paper also considers variants of the bait that have been found among the Chuvashes where, like in Bashkir baits, in some cases maternal curse proves to be intentional. In a number of cases, children are cursed with magical rituals conducted by a wicked stepmother. There are also variants of the Bashkir bait where children are cursed by father or both parents. It seems that launching a feather hat in the wind is one of the curse rituals.

The curse act results not only in the transformation of children into night birds but also has other consequences, for example, eyes get filled with blood. In some cases, maternal curse is empowered by supreme forces: a large oak falls on the children in the forest which might stand for the activity of punishing spirits.

In one version, mother curses children with her tears since those had played with bread dough. God who watched this, sympathized with the woman and punished her disobedient children. The pair of black horses often mentioned in the bait, in our opinion, is one of the attributes that carry a person into the afterlife.

Parents also suffer consequences of the curse imposed by them on children. In our case, the children turn into birds and can neither meet each other nor return home, and the parents – no matter how much they grieve – cannot return the words of the curse back.

It is known that the Bashkir and Tatar peoples had a curse related to the names of these twins.

Thus, upon examination of ‘*Sak and Sok*’ mythological bait, we see the intertwining of several rituals and types of curse.

To date, the mythological plot of ‘*Sak and Sok*’ bait is the most vivid example of the use of curse in Bashkir national folklore.

Keywords: bait, mythology, ‘*Sak and Sok*’, curse, motif, ritual.

Введение

Проклятием обычно называют словесную формулу, в основе которой лежит пожелание бед и несчастий, адресованное конкретному объекту. С помощью вербального обряда можно нанести урон обидчику, настав на него злой рок [Славянские древности, IV 2009: 286]. Люди с давних времен боялись проклятий и верили, что они непременно сбудутся.

В башкирском народе часто встречаются такие слова проклятий, как: *Кәһәр һуккыр, кулың һулыгыр, ир рәхәте күрмә!* ('Будь проклят, чтобы руки отсохли, будь несчастна с мужем!') [БНТ, I 1995: 170–171]. Подобные проклятия могли употребляться в повседневной жизни и воспринимались как менее опасные, чем ругательства, но и могли причинить вред. Существовали так называемые «проклятия против проклятия»: *Каргышың — кара башыңа, ауызыңдан ел алһын, телең короғор!* ('Твое проклятие — тебе обратно, из уст пусть ветер унесет, пусть язык отсохнет!') [БНТ, I 1995: 171–172]. Такие проклятия служили отворотом, а также защитой от слов проклинающего.

Встречаются и слова-проклятия, направленные на животных. Например, существует поверье, что если воет собака, то это к смерти, поэтому в народе говорят: *Үз башыңа оло* ('Вой на свою смерть') [Фольклор учалинских башкир 2014: 252]. Интерес представляет встречающаяся в башкирской культуре вера в проклятие животных. Например, нельзя убивать лебедя, змею, журавля [БНТ, I 1995: 58; Фольклор оренбургских башкир 2013: 15; Фольклор учалинских башкир 2014: 11]. В народе верили, что у убитого лебедя прервется род. Также нельзя убивать голубя, скворца и кукушку, поскольку тем самым можно нанести себе вред [БНТ, I 1995: 58]. Мотив проклятия животных бытует также у калмыков. Они считают, что проклятие в адрес человека может произнести птица или животное, если погублено их потомство [Басангова 2008: 120].

Проклятие как мотив встречается в фольклоре разных народов: например, в башкирской легенде «Подснежник», где хан проклинает своего сына и его возлюбленную [Надршина 2001: 208–209]; татарской сказке «Три дочери», где белка проклинает двух сестер за то, что те не захотели навещать больную мать [Татарские народные сказки 2015: 21–23]. В Греции мотив проклятия встречается уже в древних сказани-

ях. Кронос проклинает своего сына Зевса за свержение с трона [Кагаров 1918: 81] и т. д.

Особое место в мировом фольклоре занимает проклятие матери. Например, в абхазской сказке мать проклинает свою дочь, и та превращается в лягушку [Абхазские народные сказки 1971: 169–174]. У народов Филиппин существует легенда, в которой после проклятия матери и отца семь дочерей превращаются в острова [Сказки и мифы народов Филиппин 1971: 257].

Во всех фольклорных материалах родительское проклятие негативно воздействует на детей, делая их несчастными. При этом нужно отметить, что материнское проклятие часто немедленно исполняется. Сила материнского проклятия ведет к необратимым последствиям. В легендах и сказках часто проклятие связано с гибелью детей, а иногда и превращениями в животных или деревья. Например, у русских, проживающих в Псковской области, говорят: «Матка проклянет (ребенка), и его ты больше не увидишь: уйдет куда или что. <...> В лягушку превратится, в собаку, в волка на несколько лет. Это по материнскому проклятию» [Сила родительского проклятия... 1889: 41–53].

Одним из интересных фольклорных произведений, где встречается мотив проклятия матери, является башкирский мифологический *баит*² «Сак-Сук», распространенный также среди татарского и чувашского народов. По сюжету мать проклинает своих детей-близнецов (в некоторых вариантах — это два брата; встречаются *баиты*, где близнецами являются брат и сестра) из-за непослушания, шалости. В это время отца детей нет дома. Мать говорит им: «Будьте Сак-Сук» (*Әсәй карғаны Сак-Сук бул тиен...*) [ФФКБЛ, № 91 1971: 187–189]. В тот же миг дети превращаются в птиц и улетают: один ребенок вылетает через дверь, другой через окно (иногда оба — из разных окон). В некоторых сюжетах мать сама выбрасывает детей. Часто в вариантах *баита* дети становятся птицами ночью или к утру. Нами были выявлены два вида проклятия. В одних случаях мать проклинает детей умышленно, а в некоторых вариантах она делает это случайно.

Основная часть

Случайное проклятие мать произносит по неосторожности, в запальчивости, не желая детям зла.

² В чувашской терминологии — *пеит* [Трофимов 1989: 112].

¹ Здесь и далее перевод автора

Умышленное проклятие матери в *баите* осуществляется с помощью различных магических ритуалов. Очень часто в таких вариантах мать проклинает детей своим молоком.

Проклятие молоком матери противоречит представлениям башкир. По поверьям башкирского народа, «проклятие матери

*Атаң һиңә кот биргән,
Әсәң һиңә һөт биргән;
Дошманға таи йөрәкле,
Дуһыңа аи йөрәкле,
Батыр итеп үстөргән,
Тәү арыслан мендергән.*

[Урал батыр. БНЭ 2005]

В этих строках материнское молоко придает силы батыру, оказывает на него положительное воздействие. Герой своими поступ-

*...Атам йөзөн ят иттең,
Әсәм һөтөн ыу иттең*

[Урал батыр. БНЭ 2005]

Если ребенок невоспитанный, башкиры говорят, что ребенок не испил молоко матери [Экспедиционные материалы 2010: 17].

В сказке о *курае* мать, перед тем как сын отправился к хану, замесила на своем молоке тесто из лебеды и напекла лепешки. Хан, увидев, как *егет* жадно ест, попросил отломить кусок лепешки. Попробовав, он спросил, из чего испечена лепешка. *Егет* ответил, что из материнского молока. Хан был поражен и не знал, что и думать. «Я съел лепешки, испеченные на молоке его матери! Теперь, выходит, я стал его молочным братом, и его кровь мне проливать нельзя» [Башкирские сказки и предания 1996: 139–141].

О силе материнского молока говорится в суре Корана «Аль-Касас»: Господь велел матери кормить Моисея своим молоком, и, чтобы спасти его от Фараона, убивавшего младенцев мужского пола, бросить корзину с ребенком в реку. Мать сделала так, как велел ей Всевышний. Корзину с ребенком подобрали люди Фараона. Жена Фараона запретила убивать младенца, не чувствуя приближения беды. Мать Моисея попросила свою дочь найти брата. Сестра увидела, что пророк находится у Фараона. Господь сделал так, что младенец не принимал чью-либо грудь. Сестра Моисея предложила свою семью, где могли бы позаботиться о

смягчает ее грудное молоко, которым она вскормила. А вот проклятие отца имеет очень сильное воздействие» [Хисамитдинова 2010: 180].

Сила материнского молока упоминается и в других фольклорных произведениях. В эпосе «Урал батыр» старик произносит слова:

Отец подарил жизнь,
Мать кормила своим молоком;
К врагу — с каменным сердцем,
К другу — с добрым сердцем —
Таким батыром вырастили,
Посадили на льва.

ками оправдывает возложенный родителями завет. А вот Шульган, наоборот, вступив в связь с силами зла, предает свою семью:

Отца ты предал,
Молоко матери превратил в яд.

нем для Фараона. Так Господь утешил мать, вернув ей сына, и не отрек пророка от материнского молока [Смысловой перевод... 2009: 490–491].

Как мы видим, в Коране и башкирском фольклоре к молоку матери особое, «священное» отношение. Но в некоторых вариантах *баита* именно материнское молоко становится основным магическим средством, усиливающим слова проклятия, направленного на детей.

Проклятие матери усиливает и время его произношения. Имеются варианты, где мать проклинает своих детей в месяц *рамадан*, используя свое молоко.

Нельзя не упомянуть варианты *баита*, встречающиеся у чувашей. По словам Г. Ф. Трофимова, в чувашских вариантах при произношении магических слов мать считает какие-то зернышки [Трофимов 1989: 113–122]. Это тоже является умышленным проклятием. После проклятия дети просят, чтобы мать, выстирав, повесила черный платок¹.

В некоторых вариантах *неута* «Сак-Сук» детей проклинает злая мачеха и бьет их метлой. В одном из башкирских вариантов встречаются строки: *Бер-берегеззе*

¹ У тюркских народов вывешивание платка считалось знаком траура [Ханова 2015: 472–475].

*бөтөнләй күрмәй, төрлөгөз-төрлө якта
осоп йөрөгөз инде, — тип каргаган һәм
өстәп сипсы менән һужкан* ('Разлетайтесь
в разные стороны и друг с другом никогда
не встречайтесь, — прокляла мать и удари-
ла щипцами') [ФФКБЛ БГУ, № 105 1975–
1977: 13]. Здесь мать бьет детей щипцами
для печи. У башкирского народа запрещает-
ся бить метлой кого-либо. Существуют раз-
ные поверья, связанные с метлой: например,

*Мамык эшләпәм елгә осорзом
Ике баламды каргап осорзом.*

[ФФКБЛ БГУ № 102 1977: 79].

Как мы знаем, у башкир запрещено
играть с головным убором, выбрасывать,
крутить, класть на стол. Возможно, пуска-
ние по ветру пуховой шляпы символизиро-
вало пускание детей по миру (на все четыре
стороны).

*Кояш сыкканда кан тула күзгә,
Киәмәт көнһөз қауышыу юк безгә...*

[ФФКБЛ БГУ № 104 1975–1977: 29].

С одной стороны, эти строки подчерки-
вают превращение детей в ночных птиц, а,
с другой, заполнение глаз кровью также яв-
ляется одним из последствий материнского
проклятия.

В некоторых вариантах башкирских и
татарских *баитов* материнское проклятие
настигает детей в лесу, где на них пада-
ет большой дуб. В древности дуб считали
мифологическим деревом, способным на-
делить человека силой и здоровьем. Около
дуба раньше устраивались моления с жерт-
воприношениями [Ефимова 2010: 43–44].
По поверьям, деревья могли оказывать че-
ловеку благодеяние или причинять вред.
Если учесть, что для башкирского народа
многие деревья были тотемными и наделя-
лись высшими силами, возможно, большой
дуб символизирует духа, который наказал
детей.

В некоторых случаях проклятие мате-
ри закрепляется божественными силами.
В прозаической форме *баита* «Сак-Сук»
мать проклинает своими слезами детей из-
за игры тестом для хлеба. Наблюдавший за
происходившим Всевышний пожалел мать
и с намерением помочь ей превратил детей
в птиц [Ханова 2016: 220–223].

нельзя бить человека метлой, запрещается
после заката подметать пол, так как богат-
ство посыплется в разные стороны [Фоль-
клор курганских башкир 2013: 87]; нельзя
подметать, когда человек вышел в путь.

Отметим, что существуют варианты *ба-
ита*, где детей проклинает отец, а в неко-
торых вариантах это делают оба родителя.
Вероятно, одним из ритуалов проклятия яв-
ляется пускание пуховой шляпы по ветру:

*Пустила пуховую шляпу по ветру,
Двух детей своих прокляла.*

Завершением акта проклятия являются
не только превращение детей в птиц, но и
другие последствия. Например, в *баитах*
встречается куплет, где дети жалуются:

*Солнце восходит, глаза застилает кровь,
Встретимся лишь в судный день...*

В *баите* упоминаются и два запряжен-
ных коня, стоящих во дворе. Обычно в баш-
кирских народных сказках конь выполняет
функцию помощника героя. Если учесть,
что в некоторых *баитах* детей проклинает
мачеха, то, по выделенным Г. Р. Хусаиновой
функциям, конь, возможно, в данном случае
исполняет роль «спасения героев увозом
при опасности, обычно со стороны мачехи»
[Хусаинова 2014: 158]. Но, с другой сторо-
ны, такой окрас коней, как черный, выделен-
ный в некоторых вариантах, является симво-
лом тьмы и черных сил. По-видимому, конь
является одним из атрибутов, переносащих
человека в загробный мир.

Заключение

Для родителей проклинание своих детей
не остается бесследным. В народе говорят
Каргыш ике яклы, уртак була ('Проклятие
настигает проклятого и проклинающего')
[ФФКБЛ БГУ № 102 1977: 20]. В *баите*
«Сак-Сук» дети, превратившись в птиц,
не могут встретиться друг с другом и вер-
нуться домой, а родители, сколько бы они
ни горевали, не могут вернуть слова про-
клятия обратно. По сюжету отец видит дома
птиц и спрашивает свою жену: «За что?», и
сам же отвечает на свой вопрос: «Бог велел

(предопределил судьбу детей)». А вот в чувашских *пеитах* дети своими печальными песнями до сих пор призывают отца, чтобы он с разрешения жены привел их домой. В башкирском и татарском фольклоре дети не могут этого сделать вообще. Как только они хотят встретиться, наступает рассвет. *Баит* заканчивается тем, что родители умирают, а дети так и не превращаются обратно в людей, и встретятся они только в судный день.

Известно, что в башкирском и татарском фольклоре возникло проклятие, связанное с именами данных близнецов. Проклятие направлено молодым парам или же детям: *Сак менән Суктай булыгыз!* ('Будьте как Сак и Сук!') [БНТ, I 1995: 171].

Таким образом, в мифологическом *баите* «Сак-Сук» мы выявили два вида проклятия — случайное и умышленное, закрепленные магическими ритуалами и временем его произношения. На данный момент мифологический сюжет является самым ярким образцом использования проклятия среди фольклорных произведений башкирского народа.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-34-01020 «Мифологический баит „Сак-Сук“ (варианты и исследования)».

Источники

ФФКБЛ БГУ — Фольклорный фонд кабинета башкирской литературы Башкирского государственного университета:

- № 91. 1971 г. Миякинский, Альшеевский районы Республики Башкортостан. С. 183–189 (на башк. яз.).
- № 102. 1977 г. Экспедиция в Белокатайский район Республики Башкортостан (Кигинский, Мечетлинский районы). С. 78–79 (на башк. яз.).
- № 104. 1975–1977 гг. Разные районы Республики Башкортостан. С. 29 (на башк. яз.).
- № 105. 1975–1977 гг. Разные районы Республики Башкортостан. С. 13 (на башк. яз.).

Литература

- Абхазские народные сказки / пер. с абх., сост. и авт. примеч. К. С. Шакрыл. М.: Наука, 1971. 464 с.
- Басангова Т. Г. Специфика проклятий в фольклоре калмыков // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. Новосибирск, 2008. С. 120–123.

БНТ — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Т. I. Уфа: Башкирское кн. изд-во «Китап», 1995. 560 с.

Башкирские сказки и предания. Уфа: Башкирское кн. изд-во «Китап», 1996. 208 с.

Ефимова Е. С. Башкирский мифологический словарь. Уфа: Вагант, 2010. 156 с.

Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями. Харьков: Типо-литография Г. П. Радовильского, 1918. 81 с.

Надришина Ф. А. Башкирские народные предания и легенды. Уфа: Башкирское кн. изд-во «Китап», 2001. 468 с.

Сила родительского проклятия по народным рассказам Купянского уез. Харьковского губ., П. И., с заметкою Н. Я. // Этнографическое обозрение. ИОЛЕАЭ при Московском ун-те. Кн. III. М.: «Русская» типо-литография, Тверская, Д. Гинцбург, 1889. С. 41–53.

Сказки и мифы народов Филиппин / сост. и пер. с англ. и тагальского Р. Л. Рыбкина. М.: Наука, 1971. 429 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

Смысловой перевод священного Корана на русский язык. 1-е изд. / пер. с араб. Э. Кулиева. Комплекс имени короля Фахда по изданию священного Корана Медина, Саудовская Аравия, Медина: 2009. 1071 с.

Татарские народные сказки / сост. Т. Шакирова. Казань: Тат. кн. изд-во, 2015. 59 с.

Трофимов Г. Ф. Фольклор: бытование пеита «Сак-Сук» // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 113–122.

Урал батыр. Башкирский народный эпос. Уфа: Информреклама, 2005. 120 с. (на башк. яз.).

Фольклор курганских башкир (материалы и исследования). Уфа, 2013. 160 с. (на башк. яз.).

Фольклор оренбургских башкир (материалы и исследования). Уфа, 2013. 192 с. (на башк. яз.).

Фольклор учалинских башкир (куваканцы, тилуцы, барын-табынцы, кара-табынцы) (науч. и учебно-методич. пособие). Уфа: Гилем, 2014. 252 с. (на башк. яз.).

Ханова Г. С. Мифологический сюжет баита «Сак и Сок» и его дальние изоглоссы // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 472–475.

- Хусамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Хусаинова Г. Р. Мифологические помощники героя в башкирской волшебной сказке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 155–159.
- Экспедиционные материалы–2008: Балтачевский район. Уфа: ИИЯЛ РАН УНЦ, 2010. 204 с. (на башк. яз.).

Sources

- FFKBL BGU — *Fol'klornyy fond kabineta bashkirskoy literatury Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Folklore Fund of Bashkir Literature Classroom at Bashkir State University]:
- No. 91, 1971, Miyakinsky and Alsheevsky districts of Bashkortostan Republic, pp. 183–189 (In Bash.).
- No. 102, 1977, an expedition to Belokataysky district of Bashkortostan Republic (Kiginsky, Mechetlinsky districts), pp. 78–79 (In Bash.).
- No. 104, 1975–1977, various districts of Bashkortostan Republic, p. 29 (In Bash.).
- No. 105, 1975–1977, various districts of Bashkortostan Republic, p. 13 (In Bash.).

References

- Abkhazskie narodnye skazki / per. s abkh., sost. i avt. primech. K. S. Shakryl* [Abkhaz folk tales. Transl., comp. and comment. by K. Shakryl]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 464 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Spetsifika proklyatiy v fol'klore kalmykov* [Peculiarities of damnation genre in Kalmyk folklore]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* (Humanitarian Sciences in Siberia journal), 2008, No. 4, Novosibirsk, pp. 120–123 (In Russ.).
- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Obryadovyy fol'klor. T. I* [Bashkir folklore. Ceremonial folklore. Vol. I]. Ufa, Kitap Bashkir Book Publ., 1995, 560 p. (In Russ. and Bash.).
- Bashkirskie skazki i predaniya* [Bashkir fairy tales and legends]. Ufa, Kitap Bashkir Book Publ., 1996, 208 p. (In Russ.).
- Efimova E. S. *Bashkirskiy mifologicheskiy slovar'* [Bashkir mythological dictionary]. Ufa, Vagant Publ., 2010, 156 p. (In Russ.).
- Kagarov E. G. *Grecheskie tablitchki s proklyatiyami* [Greek damnation tablets]. Kharkov, G. P. Radovitsky Publ., 1918, 81 p. (In Russ.).
- Nadrshina F. A. *Bashkirskie narodnye predaniya i legendy* [Bashkir folk tales and legends]. Ufa, Kitap Bashkir Book Publ., 2001, 468 p. (In Russ.).
- Sila roditel'skogo proklyatiya po narodnym rasskazam Kupyanskogo uyez. Khar'kovskogo gub., P. I., s zametkoyu N. Ya.* [Power of parental damnation following testimony by residents of Kupyansky district of Kharkov Governorate]. *Etnograficheskoe obozrenie. IOLEAE pri Moskovskom univ-te. Kn. III* [Ethnographic Review. Book III]. Moscow, Russkaya Press, D. Gintsburg Publ., 1889, pp. 41–53 (In Russ.).
- Skazki i mify narodov Filippin / sost. i per. s angl. i tagal'skogo R. L. Rybkina* [Peoples of the Philippines: fairy tales and myths. Comp. and transl. by R. Rybkin]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 429 p. (In Russ.).
- Slavyanskije drevnosti: Etnolingvistiicheskiy slovar' v 5 t. / pod obshch. red. N. I. Tolstogo. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 vol. Edit. by N. Tolstoy. Vol. 4: P – S]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2009, 656 p. (In Russ.).
- Smyslovoy perevod svyashchennogo Korana na russkiy yazyk. 1-e izd. / per. s arab. E. Kulieva* [Semantic translation of the Holy Quran: Russian language. 1st ed., transl. by E. Kuliev]. Medina, King Fahd Glorious Quran Printing Complex, 2009, 1071 p. (In Russ.).
- Tatarskie narodnye skazki / sost. T. Shakirova* [Tatar folk tales. Comp. by T. Shakirova]. Kazan, Tatar Book Publ., 2015, 59 p. (In Russ.).
- Trofimov G. F. *Fol'klor: bytovanie peita «Sak-Suk»* [Folklore: Sak-Suk beït]. *Sbornik «Chuvashi Priural'ya: kul'turno-bytovye protsessy»* [Chuvashes in the Urals: cultural and common processes. Collected papers]. Cheboksary, 1989, pp. 113–122 (In Russ.).
- Ural batyr. Bashkirskiy narodnyy epos [Ural-Batyr. The national epic of the Bashkir people]*. Ufa, Informreklama Publ., 2005, 120 p. (In Bash.).
- Fol'klor kurganskikh bashkir (materialy i issledovaniya)* [Folklore of Kurgan Bashkirs (materials and studies)]. Ufa, 2013, 160 p. (In Bash.).
- Fol'klor orenburgskikh bashkir (materialy i issledovaniya)* [Folklore of Orenburg Bashkirs (materials and studies)]. Ufa, 2013, 192 p. (In Bash.).
- Fol'klor uchalinskikh bashkir (kuvakantsy, tilyautsy, baryn-tabyntsy, kara-tabyntsy) (nauch. i uchebno-metodich. posobie)* [Folklore of Uchaly Bashkirs ... (research and study guide)]. Ufa, Gilem Publ., 2014, 252 p. (In Bash.).
- Khanova G. S. *Bait «Sak-Suk v bashkirskom narodnom tvorchestve» (po arkhivnym*

- materialam kabineta fol'kloristiki BGU) [Sak-Suk beit in Bashkir folklore]. Materialy XVI Vserossiyskoy konferentsii [Proc. of the 16th all-Russia conf.]. Ufa, 2016, pp. 220–223 (In Bash.).*
- Khanova G. S. *Mifologicheskiy syuzhet baita «Sak i Sok» i ego dal'nie izoglossy* [The mythological plot of Sak-Suk beit and its remote isoglosses]. *Rossiya i Vostok: vzaimodeystvie stran i narodov: Trudy X Vseros. s"ezda vostokovedov Akhmet-Zaki Validi Togana. Kn. 2* [Russian and the Orient: Communication between Peoples and Countries ... Book 2]. Ufa, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center (RAS) Press, 2015, pp. 472–475 (In Russ.).
- Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 452 p. (In Russ.).
- Khusainova G. R. *Mifologicheskie pomoshchniki geroya v bashkirskoy volshebnoy skazke* [Mythological hero assistants in the Bashkir fairy tale]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2014, No. 4, pp. 155–159 (In Russ.).
- Ekspeditsionnye materialy–2008: Baltachevskiy rayon* [2008 expedition materials: Baltachevsky district]. Ufa, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center (RAS) Press, 2010, 204 p. (In Bash.).

УДК 398.221

МОТИВ ПРОКЛЯТИЯ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ НА ПРИМЕРЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО БАИТА «САК И СУК»

Гульназ Салимьяновна Ханова¹

¹аспирант, Институт истории языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: tuzgul@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мотива материнского проклятия на примере башкирского мифологического *баита* «Сак и Сук», распространенного также в татарском и чувашском фольклоре. По сюжету мать проклинает из-за незначительной шалости детей, которые в тот же миг, превратившись в птиц, улетают из дома. В *баите* «Сак и Сук» выявлено два вида проклятия: случайное и умышленное. Если случайное проклятие мать произносит по неосторожности, то умышленное проклятие закрепляется магическими ритуалами и временем его произношения. В некоторых вариантах мать проклинает детей своим молоком, что противоречит традиционным представлениям башкирского народа. В чувашских вариантах также имеются варианты умышленного проклятия с использованием магических ритуалов, и варианты, где детей проклинает мачеха. В некоторых вариантах башкирского народа проклятие матери закрепляется высшими силами. Имеются варианты, где детей проклинает отец или оба родителя. *Баит* является одним из ярких примеров использования проклятия в фольклорной традиции башкирского народа.

Ключевые слова: *баит*, мифология, «Сак и Сук», проклятие, мотив, ритуал.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp.84–88, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-84-88
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.22

A Brief Introduction to Tibetan Heroic Epic ‘*Gesar*’ Studies in China (1931–2016)

Daiji Bamao¹

¹ Postgraduate Student, Center for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation; Beijing, China). E-mail: di_kyi@hotmail.com.

Abstract

The article provides a brief introduction to Tibetan heroic epic ‘*Gesar*’ studies in China (1931–2016). The history of Tibetan heroic epic ‘*Gesar*’ studies can be traced back to earlier periods. In China, the Tibetan heroic epic ‘*Gesar*’ was first mentioned by Ren Naiqiang (任乃强, 1894–1989) in May of 1930. The period from 1930 to the late 1970s was devoted to studying the achievements of foreign scientists and the formation of scientific and methodological positions in research the epic ‘*Gesar*’ by Chinese scientists. During this period, a lot of work was done to collect versions of the epic in different regions of Tibet. From the late 1970s to the mid-1990s, Chinese scholars approved the ‘*Gesar*’ as an academic discipline in the study of the oral literature of the peoples of China. Since the 1990s until now work has been conducted on in-depth study of the epic and the formation of ‘*Gesar*’ studies as an independent scientific direction.

Keywords: Tibetan epic, ‘*Gesar*’, China.

До возникновения письменности человечество из поколения в поколение передавало в устной форме посредством фольклорных жанров религиозные воззрения, жизненный опыт, знания об истории и культуре, о формах традиционного уклада. Устное народное творчество содержит в живой передаче историческую память нескольких поколений. Среди подобных жанров особое место занимает эпос, который отражает героическую историю народа, черты народного мировоззрения, эстетические идеалы народа, его обычаи и верования.

Героический эпос «Гесар» — это цикл сказаний, бытующих у многих народов Центральной Азии и Южной Сибири, от Гималаев до Алтая, от Хуанхэ до Волги [Рерих 1999: 56], причем в разных регионах он называется по-разному. Так, у народов Мон-

голии, Бурятии и Калмыкии его называют «Гэсэр / Гесер», бур. Абай Гэсэр, тогда как тибетскую версию принято называть «Кесар / Гэсар / Гесер», а сами тибетцы именуют его «Гесар» или «Лин-Гесар»¹ [Дамдинсурэн 1957: 28]. Известно, что в мире существуют значительное количество научных центров по изучению различных национальных версий эпоса «Гесар / Гэсэр»; исследованием тибетского эпоса «Гесар» активно занимаются в Китае [Нармаев 2013: 161].

История изучения тибетского эпоса «Гесар» насчитывает несколько веков. В некоторых источниках отмечается, что уже 400 лет назад этот эпос привлекал внимание ти-

¹ В своей работе Ц. Дамдинсурэн писал: «Нужно сказать, что в различных тибетских версиях Гэсэриады главный герой всегда носит имя Гэсар, а не Кесар» [Дамдинсурэн 1957: 28].

бетских ученых лам, таких как пятый Далай-лама Лобсанг Гьяцо. В его книге «Сказание о царях», а также в «Пяти сказаниях» (анонимного автора) и ряде других сочинений затрагивались вопросы о времени и месте происхождения эпоса «Гесар», об исторических фактах, лежащих в основе эпического сюжета, о жанровых особенностях самого эпического памятника [Джампин 2012: 43].

В Китае о тибетском героическом эпосе «Гесар» впервые сообщил Жэнь Найцян (任乃强, 1894–1989). В 1930 г. в местной газете провинции Сычуань было опубликовано сообщение объемом в 400 слов под названием «Тибетское „Троецарствие“», рассказывавшее об экспедиции в провинцию Сычуань. Впоследствии, в мае 1930 г., Жэнь Найцян опубликовал две статьи, где отмечал, что «Гесар» является произведением устного народного творчества, широко популярным в народе, и что его содержание отличается от сюжета «Троецарствия» [Жэнь 2005: 2].

В 1942 г. Жэнь Найцян возобновил свой проект, что позволило профессору и его студентам организовать экспедицию в местность Деге в провинции Сычуань. Там были обнаружены рукописи и ксилографические издания «Гесара», содержащие исторические сведения о генеалогии местной аристократии, родословная которой имела определенные соответствия с биографией эпического Гесара. Исследователям удалось услышать от представителей местного населения много преданий о Гесаре: к примеру, местные ламы-старожилы говорили о Гесаре как о реальном историческом лице и считали себя его потомками. В 1944–1945 гг. Жэнь Найцян опубликовал три статьи: «Введение в тибетское „Троецарствие“» (藏三国的初步介绍), «О „тибетском Троецарствии“» (关于藏三国) и «Предание о путешествии Гесара в Китай» (关于格萨尔到中国的故事), которые считаются базовыми для изучения тибетского героического эпоса «Гесар». В результате своих наблюдений и исследований ученый пришел к выводам, что «Гесар» — это тибетский эпос, историческим прототипом главного героя которого был не Гуань Ди, как считают некоторые ученые, а предок тибетцев, ныне проживающих в Деге.

После образования Китайской Народной Республики при поддержке правительства в различных регионах Тибета началась работа по собиранию текстов эпоса «Гесар». С 1950-х гг. было найдено много ценных рукописей этого памятника, отдельные главы

«Гесара» стали переводиться на разные языки [Цзя 2012: 19]. В 1979 г. при Тибетском университете (г. Лхаса) был создан Центр по изучению «Гесара», основной целью которого является собирание и сохранение эпического наследия. Реализация этой программы была поручена так называемой «Команде по спасению «Гесара» (格萨尔抢救小组). В первую очередь Центр занялся редактированием, изданием и исследованием текста, записанного от известного сказителя по имени Джапа. С момента создания Центра работа по расшифровке и подготовке к изданию записанных у сказителя текстов чрезвычайно активизировалась. Результаты этой напряженной работы оказались весьма продуктивными: с 1979 г. вплоть до ухода из жизни сказителя в 1986 г. было опубликовано 17 отдельных глав эпоса «Гесар» [Ян 2013: 7]. С 2005 г. стали реализовываться и другие государственные проекты, связанные с фольклорным репертуаром Джапа: «Избранные пословицы и поговорки из репертуара сказителя Джапа» (扎巴说唱《格萨尔》谚语选编), «Исследования религиозных традиций в эпосе „Гесар“» (格萨尔中的宗教文化研究) и др.

В Северо-Западном университете национальностей (г. Ланьчжоу) с 1954 г. также ведется большая работа по собиранию и изучению эпоса, для организации которой в 1981 г. была создана кафедра, затем, в 1994 г. — специальный центр, который в 2002 г. был преобразован в Институт Гесароведения [Цзя 2012: 86]. В исследовательском центре изучается не только тибетский «Гесар», но и другие версии данного эпического памятника, имеющие распространение среди монгольских народов в северо-западных, юго-западных регионах Внутренней Монголии и у других народностей — монгольских (*ту / тужэнь*), тюркских (*салар*), тибето-бирманских (*пуми, бай, наси, лису*), проживающих по соседству с тибетцами в районе озера Кукунор и провинции Ганьсу.

Специальные центры по изучению эпоса «Гесар» имеются при Академии общественных наук КНР в провинциях Цинхай, Сычуань, Ганьсу, Юньнань и в Тибетском Автономном районе. Наконец, в последнее время во многих местах стали появляться ассоциации по изучению «Гесара».

К числу ученых, внесших свой вклад в дело изучения эпоса «Гесар», следует отнести известного тибетолога и переводчика Ван Инуаня (王沂暖, 1907–1998), одного из «пионеров» перевода и изучения тибетского эпоса «Гесар» [Исследователь]. В 1931 г. он окончил Пекинский университет по спе-

циальности «Китайская литература», затем в 1950 г. был приглашен на должность доцента Ланьчжоуского университета, после чего в 1952 г. перевелся в Северо-Западный университет национальностей. В начале 1957 г. Ван Инуань одним из первых принял участие в проекте, посвященном переводу эпоса «Гесар». Он является автором и соавтором более 20 переводов разных глав эпоса. Часть этого материала (17 переводов) теперь издана, но многие тексты пропали в ходе культурной революции.

Кроме того, изучению эпоса «Гесар» посвящены монографии Ван Синсяня (王兴先, 1936–2010): «Об эпосе „Гесар“» («格萨尔» 论要, 1991, 2002), «Пословицы в эпосе „Гесар“» («格萨尔» 谚语集), «Библиотека „Гесара“ [в 3-х т.]» (格萨尔文库, 2000, 2002, 2007). В ряде его статей содержатся сравнительные исследования тибетского «Гесара» в контексте фольклора других народов Китая (ту, югур).

К изучению эпоса «Гесар» обращался и Джампин Гамцо (тиб. *'Jam dpal rgya mtsho*, 1938 г. р.). В 1956 г. он стал переводчиком в Бюро переводов Центральной комиссии по этническим вопросам. Джампин Гамцо был переводчиком Далай-ламы во время его визита в Пекин в 1954–1955 гг., в 1959 г. работал переводчиком Панчен-ламы Х. В 1980 г. он стал ассистентом-сотрудником Института национальных литератур Академии общественных наук КНР, где начал заниматься «Гесаром». В 1986 г. вышла его монография «Введение в изучение эпоса „Гесар“» («格萨尔» 初探; переиздана в 1997 г.), которая до сих пор считается хрестоматийной и является весьма востребованной: к ней обращаются все, кто начинает исследование «Гесара». В 1994 г. Джампин Гамцо выпустил книгу «„Гесар“ и тибетская культура» («格萨尔» 与藏族文化). Кроме того, он занимался редактированием рукописей разных версий «Гесара», а с 1984 по 2014 гг. был главным редактором государственного проекта «Тибетский „Гесар“: избранные главы в 40 томах» (藏文《格萨尔》精选本, 共40卷) [Джампин 2012: 72].

Исследованием тибетского эпоса «Гесар» занимался Чопа Донджуп (тиб. *gCod pa don grub*, 1950 г. р.), директор Центра по изучению «Гесара» при Академии общественных наук провинции Цинхай, автор двенадцати монографий, редактор девяти книг, активный собиратель эпических текстов (зафиксировал двенадцать глав «Гесара»). Среди его работ можно указать следующие: «Новизна „Гесара“» (тиб. *gLing ge*

sar gyi dka' gnad gsal ba'i sgron me, 2000), первая в истории изучения эпоса «Гесар» научная монография на тибетском языке, «Магические исполнители эпоса „Гесар“» (тиб. *Ya mtshan che ba'i gling ge sar sgrung pa'i gsang ba*, 2002), а также первая детская книга о «Гесаре» на тибетском языке (2001) и т. д.

Изучением тибетского эпоса и тибетской народной литературы занимается Ян Эньхун (杨恩洪, 1946 г. р.). В августе 1968 г. она закончила Центральный университет национальностей по направлению «Филология малых народов Китая», а с октября 1968 по май 1981 гг. работала учителем в округе Нагчу (тиб. *nag chu*) Тибетского автономного района. С мая 1981 г. она стала заведовать Отделом тибетской литературы в Институте национальных литератур при Академии общественных наук КНР. Результаты её многолетних исследований представлены в монографиях: «Устная история тибетских женщин» (藏族妇女口述史, 2006), «Героический эпос „Гесар“ у малых народов Китая» (中国少数民族英雄史诗 — «格萨尔», 1990), «Исследования народного мастерства: Сказители „Гесара“» (民间诗神 — 格萨尔艺人研究, 1995), а также в научных статьях (более ста) и многочисленных путевых заметках. Исследования Ян Эньхун основаны на полевых материалах, собранных ею во время многочисленных экспедиций. Ей удалось побывать в самых отдаленных районах Тибета, исследовать основные регионы бытования эпоса «Гесар» и встретиться с разными исполнителями, что позволило выявить основные манеры и формы исполнения эпоса «Гесар», исследовать различные пути и способы сохранения исполнительской традиции. В настоящее время она проводит большую работу по созданию фотоархива и увековечиванию сказительского наследия исполнителей «Гесара» [Исследователь].

Эпическое наследие тибетцев не оставлено без внимания новым поколением исследователей. К их числу следует отнести директора Института гесароведения (провинция Цинхай) Сонам Джолма (тиб. *bSod nams sgröl ma*, 1964–2011), автора книг «О „Государе Гесаре“» (关于《格萨尔王传》), «Традиции эпоса о „Гесаре“» («格萨尔» 文化散论) и «Эпическое сказительство» (话说《格萨尔》). Она была руководителем государственных проектов «Эпос „Гесар“: музыковедческое исследование» («格萨尔» 音乐研究) и «Культурологическое исследование „Гесара“ из местности Саныцзянюань» (三江源《格萨尔》文化研究). Проект Сонам Джолма, посвященный переводу восьми глав «Гесара»

на китайский язык, профинансирован Министерством национального образования КНР.

Монографии «Сакральное и поэтическое: тибетская народная художественная культура в монастыре Лабранг [Лавран]» (神性与诗意——拉卜楞藏族民俗审美文化研究), «Введение в изучение народной словесности Северо-Западного края» (西北民间文学概论) и более 40 научных статей принадлежат перу Нинь Мэй (宁梅, 1965 г. р.), директору института «Гесар» Северо-западного университета национальностей. Она является руководителем проектов «Образец этнической литературы в провинции Ганьсу» (甘肃特有民族文学原型研究), «Тибетский буддистский монастырский танец в Ганьсу» (甘肃藏传佛教寺院法舞研究) и в настоящее время занимается проектом «Женские образы в тибетском героическом эпосе», а также исследованием женского исполнительства.

Чагаг Таджен (тиб. *Chab 'gag rta 'grin*), директор научного центра тибетологии в Цинхайском университете национальностей, проводит совместные исследования на тему «Современные исследования „Гесара“» («格萨尔» 新探), «Сборник исследований о „Гесаре“» («格萨尔» 研究集锦), «Заметки старых тибетских ученых о „Гесаре“» (历代藏族学者对《格萨尔》的论述), результаты которых обобщены в научных работах: «Анализ поэтического языка эпоса „Гесар“» (浅谈《格萨尔》唱词的语言艺术), «Обсуждение возникновения и развития эпоса „Гесар“» (从《格萨尔》的形式谈其产生与发展), «Отражение буддийских мотивов и традиции Бон в эпосе Гесар» (浅析《格萨尔》中反映的佛苯思想), «„Гесар“: охрана окружающей среды» («格萨尔» 中的环境保护), «Описание диких животных в эпосе „Гесар“» («格萨尔» 中有关野生动物的描述).

Основные научные достижения Норбу Вандена (тиб. *Nor bu dbang ldan*), заместителя руководителя национальной инициативной группы «Гесар (Гэсэр)» в Институте национальных литератур Академии общественных наук КНР, нашли отражение в его монографии «Мифология и эпос у тибетских народов» (藏族的神话与史诗) и в других трудах.

Наконец, докторскую диссертацию «Образование и развитие гесароведения в Китае (1959–1996)» (中国《格萨尔》史诗学的形成与发展 1959–1996) в 2000 г. защитил Ли Ляньжун (李连荣, 1970 г. р.), ассистент-исследователь Института этнической литературы Академии общественных наук КНР. В ней история изучения тибетского эпоса «Гесар» разделяется на 3 этапа [Ли 2000: 26]:

1. 1930 г. — конец 1970-х гг. Как считает автор, этот период был посвящен изучению достижений иностранных ученых и формированию китайскими учеными своих научно-методологических позиций в изучении эпоса «Гесар». За этот период была проведена большая работа по собиранию версий эпоса в разных регионах Тибета;

2. Этот этап включает два периода:

2.1. Конец 1970-х — середина 1980-х гг.;

2.2. Середина 1980-х — середина 1990-х гг. За это время китайские ученые утвердили «Гесар» как предмет учебной дисциплины в рамках изучения устной словесности народов Китая.

3. Этот период включает работу по углубленному изучению эпоса «Гесар» и становлению гесароведения как самостоятельного научного направления.

Таким образом, научное осмысление эпического наследия тибетцев, начавшееся в Китае с 1931 г., продолжается более 85 лет. В настоящее время эпос о Гесаре не только является предметом изучения для отдельных ученых — фольклористов, литературоведов, лингвистов, культурологов, религиоведов, этнографов, но и представляет собой самостоятельное научное направление. Эпический памятник широко изучается в образовательной системе, особенно в университетах. Вместе с тем результаты исследований «Гесара», проводимых тибетскими учеными, пока остаются малоизвестными для широкой научной общественности.

Литература

Джамтин Гамцо. Процесс изучения китайского «Гесар». Пекин: Изд-во АОН (Китай), 2012. 380 с. (Уанжи чжунго «Гэсаэр» дэ гочэн. Бэйцзин: шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2012 январь. 380 е.). (на кит.яз.).

Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 238 с.

Жэнь Цзяньсинь. Жэнь Найцян и Гесар // Вестник Кандинского педагогического колледжа национальностей. Кандин, 2005. С. 1–4. (Жэнь Найцян хэ Гэсаэр // Кандин миньцзу шифань гаодэнчжуань кэсюэсяо. Кандин, 2005 январь. 1–4 е.). (на кит. яз.).

Ли Ляньжун. Образование и развитие Гесароведения в Китае (1959–1996). Пекин: ВШ АОН (Китай), 2000. 124 с. (Чжунго цзяоюй хэ Гэсаэр фачжань (1959–1996 январь). Бэйцзин: чжунго шэхуэй кэсюэюань яньцзю шэннюань, 2000 январь. 124 е.). (на кит. яз.).

Нармаев Б. М., Бурцева А. М. Тибетская рукопись о царе Гесере хранящаяся в Российской Национальной Библиотеке // Фольклор монгольских народов: Историческая действительность. Элиста, 2013. С. 160–168.

- Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Издат. дом «Агни», 1999. 368 с.
- Цзя Чжи. Обзор китайского эпического исследования «Гесар» // Вестник Северо-Западного университета национальностей. Ланьчжоу, 2012. С. 19–27. («Гэсаэр» чжунго шиши яньцзю цзуншу // Сибэй миньцзу дасюэ сюэбао. Ланьчжоу, 2012 январь. 19–27 е.). (на кит. яз.).
- Цзя Донфэн. Теория литературного перевода «Гесар». Пекин: Народное издательство, 2012. 487 с. («Гэсаэр» вэньсюэ фань дэ лилунь. Бэйцзин: миньцзу чубаньшэ, 2012 январь. 487 е.). (на кит. яз.).
- Ян Энхун. Воспоминание об истории // Дарлаг Формупо «Гэсаэр». Синин, 2013. С. 7–23. (Лиши хуэйгу // Дарлаг Формупо «Гэсаэр». Синин, 2013 январь. 7–23 е.). (на кит. яз.).
- Исследователь «Гесар» — Ян Энхун [электронный ресурс] // URL: www.epicgesar.com/renwu/zhjxzh/2015-03-12/429.html (дата обращения: 03.04.2017).
- Исследователь «Гесар» — Ван Инуаня [электронный ресурс] // URL: www.epicgesar.com/renwu/zhjxzh/2017-04-06/551.html (дата обращения: 10.04.2017).
- References**
- Jiangbian Jiacao. *Uanzhi chzhungo «Gehsaehr» deh gochehn*. [Process of the Study of Chinese 'Gesar']. Beijing, SSAP Publ., 2012, 380 p. (In Chinese).
- Damdinsürēn, Ts. *Istoricheskie korni Gēsēriady* [The historical roots of the Geseriad]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1957, 238 p. (In Russ.).
- Ren Jianxin. Ren Naiqiang and Gesar. *Zhjen' Najejan hje Gjesajer*. Journal of Kangding National Teachers College. Kangding, 2005, pp. 1–4. (In Chinese).
- Li Lianrong. *Chzhungo czjaouj hje Gjesajer fachzhan' (1959–1996 njan')*. [The Formation and Development of «Gesar» studies in China]. Beijing: GS CASS, 2000, 124 p. (In Chinese).
- Narmaev B. M., Burtseva A. M. *Tibetskaya rukopis' o tsare Gesere khranyashchayasya v Rossiyskoy Natsional'noy Biblioteke* [A Tibetan manuscript about King Gesar stored in the Russian National Library]. *Fol'klor mongol'skikh narodov: Istoricheskaya deystvitel'nost'* [Folklore of Mongolian peoples: historical reality]. Elista, 2013, pp. 160–168 (In Russ.).
- Roerich Yu. N. *Tibet i Tsentral'naya Aziya: Stat'i, lektzii, perevody* [Tibet and Central Asia: articles, lectures, translations]. Samara, Agni Publ. House, 1999, 368 p. (In Russ.).
- Jia Zhi. «Gjesajer» chzhungo shishi jan'czju czunshu // *Sibjej min'czu dasjuje sjujebao. Lan'chzhou, 2012 njan'*. 19–27 e. [A Review of the Chinese Epic «Gesar» studies. Journal of the N.W. University of Nationalities]. Lanzhou, 2012, pp. 19–27. (In Chinese).
- Jia Dongfeng. «Gjesajer» vjen'sjuje fan'i dje lilun'. *Bjejczin: min'czu chuban'shje, 2012 njan'*. 487 e. [«Gesar» Literary translation theory. Beijing: Renmin Press, 2012, 487p.]. (In Chinese).
- Yang Enhong. *Lishi hujejgu // Darlag Formupo "Gjesajer". Sinin, 2013 njan'*. 7–23 e. [Review the history. Dari «Gesar» Forum. Xining, 2013, pp. 7–23]. (In Chinese).
- 'Gesar' Researcher – Yang Enhong. Personal page. Available at: www.epicgesar.com/renwu/zhjxzh/2015-03-12/429.html (accessed: 03 April 2017) (In Chinese).
- 'Gesar' Researcher – Wang Yinuan. Personal page. Available at: www.epicgesar.com/renwu/zhjxzh/2017-04-06/551.html (accessed: 03 April 2017) (In Chinese).

УДК 398.22

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТИБЕТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ГЕСАР» В КИТАЕ (1931–2016)

Дайцзи Бамао¹

¹ Аспирант, Центр типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация; Пекин, КНР). E-mail: di_kyi@hotmail.com.

Аннотация. Статья посвящена краткому описанию истории изучения тибетского героического эпоса «Гесар» в Китае (1931–2016). История изучения тибетского эпоса «Гесар» уходит своими корнями в более ранний период. В Китае о тибетском героическом эпосе «Гесар» впервые сообщил Жэнь Найцян (任乃强, 1894–1989) в мае 1930 г. Период с 1930 г. до конца 1970-х гг. был посвящен изучению достижений иностранных ученых и формированию китайскими учеными своих научно-методологических позиций в изучении эпоса «Гесар». За этот период была проведена большая работа по собиранию версий эпоса в разных регионах Тибета. С конца 1970-х до середины 1990-х гг. китайские ученые утвердили «Гесар» как предмет учебной дисциплины в рамках изучения устной словесности народов Китая. В настоящее время ведется работа по углубленному изучению эпоса «Гесар» и становлению гесароведения как самостоятельного научного направления.

Ключевые слова: тибетский эпос, «Гесар», Китай.

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 89–98, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-89-98
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94.470.6+332.05

Ethnic and Political Tension in the North Caucasus during the Period of Systemic Transformation of Russian Society: the Shaping Socio-Economic Factors (Evidence from the Republics of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia)

*Alim I. Tetuev*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Humanities Research Institute – Affiliated Institution of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS (Nalchik, Russian Federation). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Abstract.

The article comprehensively investigates the key trends and features of the socio-economic development of the North Caucasus region in the period of systemic transformation of Russian society. It analyzes the main results of the economic reforms in industry and agriculture, identifies the causes of the 1990s socio-economic crisis. The most important economic indicators analyzed per capita in the North Caucasus, in comparison with all-Russia figures, are as follows: the gross regional product, retail sales, cash income, employment and the labor market, poverty, income and expenses of territorial budgets. It is noted that in terms of the level of living standards, social and economic development the regions are, in general, inferior to other regions of Russia. Particular attention is given to identifying the main factors that led to the emergence of ethno-political tension in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia. The analysis of the current socio-economic situation in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia suggests the necessity for urgent actions to concentrate all the efforts of the executive bodies of state power and local self-government and conduct a comprehensive and systematic work aiming to further contribute to and promote the economic, social and cultural development of the regions.

Keywords: economics, industry, agriculture, social services, wages, money income, unemployment, poverty rate, crime, ethnic and political processes

Экономическое положение и уровень жизни населения оказывают существенное влияние на развитие ситуации в сфере межнациональных отношений. Поэтому анализ радикальных социально-экономических реформ, проводимых в стране, крайне важен для осмысления причин, как региональных конфликтов, так и возникающих трудностей во взаимоотношениях федерального Центра с республиками Северного Кавказа.

Разрушение единого, складывавшегося десятилетиями народнохозяйственного комплекса, произошедшее в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. резко усугубило кризис во всем постсоветском пространстве, в том числе и в Российской Федерации. В январе 1992 г. в России был сделан первый шаг на пути к рыночной экономике. Освобождены цены на большинство товаров и услуг, упразднена централизованно-фондовая система распределения ресурсов.

С конца 1992 г. началась приватизация госсобственности. Первый этап приватизации проводился на основе ваучеров. В деревне происходило преобразование колхозов в производственные паевые товарищества [Медведев 1998: 82]. Тем временем экономический кризис, отчасти неизбежный при структурной перестройке народного хозяйства, углублялся. Остановка многих крупных предприятий, особенно в первой половине 1990-х гг., распад многих трудовых коллективов вели к разобщению граждан, этнических общностей, их самоизоляции, поиску новых мест для выживания. Достаточно остро это ощущалось в промышленных и культурных центрах Северного Кавказа.

Экономика республик Северного Кавказа имела в основном аграрную направленность. При этом каждая из них в 1970–1980-е гг. развивала ту или иную индустриальную специализацию. В Кабардино-Балкарии получила развитие цветная металлургия (Тырныаузский комбинат). Наряду с этим в республике располагались машиностроительные предприятия различной мощности, а также предприятия пищевой, легкой и деревообрабатывающей отраслей промышленности, в Карачаево-Черкесии — химические предприятия.

Следует отметить, что, несмотря на остановку заводов тяжелой индустрии во всех республиках региона, особенно предприятий машиностроения и отраслей ВПК, достаточно активно продолжали функционировать перерабатывающие предприятия

пищевого, деревообрабатывающего профиля, производства строительных материалов, работающие на местном сырье. Поэтому процесс трансформации промышленного сектора экономики в республиках Северного Кавказа следует рассматривать с учетом положения в этих отраслях.

В них так же, как и в сельском хозяйстве, можно отметить четко просматривающиеся этапы: разукрупнение предприятий, их банкротство, приватизацию и перепрофилирование, свидетельствующие о тенденциях, знакомых и по другим регионам страны. Однако следует уточнить: в сложившихся традиционных индустриальных районах этот процесс происходит параллельно с сохранением части предприятий и открытием новых, ориентированных на другие технологии. В республиках же Северного Кавказа закрывавшиеся предприятия не имели перспективы воссоздания. Так, в Нальчике в 1998 г. были ликвидированы заводы телемеханической аппаратуры, искусственных кож, которая поставляли продукцию в разные регионы России.

Повсеместно в республиках отмечался низкий уровень использования (на 1/3) производственных мощностей сохранившихся предприятий. Так, официальные данные Карачаево-Черкесской Республики свидетельствуют о том, что по сравнению со средними российскими показателями объем производства в конце 1990-х г. сократился в три раза. Размер федеральной дотации КЧР к концу 1990-х гг. вырос с 30 до 85 %.

Экономический кризис затронул в первую очередь промышленные предприятия, продукция которых поставлялась на региональный рынок в качестве сырья или комплектующих. Та же участь постигла рентабельные и необходимые для данной республики, района предприятия. С этой позиции показателен пример разрушения накопленного производственного потенциала в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской Республики. Здесь была сравнительно высоко (для сельскохозяйственного района) развита сопутствующая и перерабатывающая промышленность. В районе были размещены: завод «Электроизолит», Кардоникский маслосырзавод регионального (северокавказского) значения, райпищепром, лесхоз, валяльно-войлочный завод союзного масштаба, предприятие «Сельхозтехника», завод «Спираль», производство меховых шуб, прядильная фабрика, типография, мебельный комбинат и другие. На всех названных

предприятиях было занято преимущественно русское население [Денисова, Уланов 2003: 173–174].

Предприятия были акционированы и через некоторое время закрыты, что сопровождалось потерей рабочих мест и распродажей дорогостоящего оборудования. Но следует обратить внимание на особенности этого процесса: разваливались производства, изготавливавшие не промежуточный продукт, а конечный, которые работали на сельскохозяйственном сырье данного или соседних районов. Предприятия являлись автономными по отношению к общероссийскому промышленному комплексу.

Такая тенденция была типичной и для других республик. Так, в Кабардино-Балкарии было снижение на 1/3 уровня использования производственных мощностей сохранившихся предприятий. За счет сокращения индустриального сектора происходило расширения сферы торговли и услуг. Например, в Кабардино-Балкарской республике число малых предприятий в конце 2014 г. достигло 4,3 тыс., в Карачаево-Черкессии соответственно — 2,6 тыс. В частном секторе в КБР работали около 62,7 % занятого населения, что составляло 191,7 тыс. чел., в Карачаево-Черкессии эти показатели соответственно составляли 65,9 % и 111,5 тыс. чел. [Регионы России 2006: 347, 536, 552, 686; Регионы России 2015: 134–139, 556].

В ходе реализации радикальных экономических реформ все национальные республики Северного Кавказа стали «высодотационными» и «среднедотационными». Тем не менее, в республиках предпринима-

лись меры, в том числе и с использованием собственных ресурсов, по оживлению экономики, возрождению и развитию национальных культур. Существенная поддержка осуществлялась Центром. В 1990-х гг. осуществлялись федеральные целевые программы: «Социально-экономическое развитие Республики Адыгея», «Социально-экономическое развитие Республики Дагестан», «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия», «Социально-экономическое развитие Республики Северная Осетия-Алания», «Социально-экономическое развитие и национально-культурное возрождение балкарского народа». С 2002 г. началась реализация федеральной целевой программы социально-экономического развития «Юг России», а с 2010 г. — Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. Как видно из таблицы № 1, произведенный валовой региональный продукт (далее — ВРП) в расчете на душу населения в субъектах Северо-Кавказского федерального округа существенно ниже, чем в среднем по России. При этом заметна внутрорегиональная дифференциация: если в 2000 г. ВРП в расчете на одного человека в Ставропольском крае составлял 49 % от среднероссийского показателя, в 2014 г. он снизился и составил 47 %, то в республиках этот показатель соответственно составил: в Дагестане — 21 % и 44 %, в Северной Осетии-Алании — 30 % и 44 %, в Кабардино-Балкарии — 40 % и 34 %, в Карачаево-Черкессии — 31 % и 36 %, в Ингушетии и Чечне не достигал и 30 % от уровня РФ.

Таблица 1. *Важнейшие экономические показатели на душу населения по субъектам Северо-Кавказского федерального округа, в % от среднероссийских показателей*
[Регионы России 2006: 347, 686; Регионы России 2015: 478, 850]¹

Субъекты РФ	Валовый региональный продукт ¹		Розничный товарооборот	
	2000	2014	2000	2014
Дагестан	21	44	34	94
Ингушетия	17	28	18	23
Кабардино-Балкария	40	34	45	64
Карачаево-Черкессия	31	36	47	43
Северная Осетия	30	44	57	73
Чеченская Республика	—	25	—	50
Ставропольский край	49	47	67	91

¹ Все экономические показатели рассчитаны на душу населения (на 1 чел.) для каждого субъекта РФ и соотнесены с соответствующим средним показателем по России, принятым за 1.

Данные таблицы № 1 свидетельствуют, что в 2014 г. по сравнению с 2000 г. розничный товарооборот по всем субъектам округа несколько повысился, хотя и был значительно ниже, чем в среднем по России.

В целом уровень промышленного развития Северо-Кавказского федерального округа заметно ниже, чем в среднем в Российской Федерации. Показатель производства промышленной продукции в расчете на душу населения только в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии достигает 30–40 % от среднероссийского уровня. Около 25 % от российского уровня составляет производство промышленной продукции на одного жителя в Кабардино-Балкарской Республике. По сравнению с 1997 г., в 2003 г. уровень промышленного развития в республиках региона повысился. Так, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании этот показатель составил от 100 % до 163 %. В Ставропольском крае производство промышленной продукции на душу населения достиг 193–274 %.

Необходимо отметить, что Северокавказский регион остается важным производителем сельскохозяйственной продукции. Здесь сельское хозяйство ориентировано на выращивание зерновых и масличных плодовоовощных культур, производство животноводческой продукции.

В Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике вклад

агропромышленного комплекса в валовой региональный продукт федерального округа достигает 26 %. Агропромышленный комплекс обеспечивает рабочими местами 24 % населения, занятого в экономике Северо-Кавказского федерального округа. В некоторых субъектах Российской Федерации, входящих в указанный федеральный округ, налоговые отчисления агропромышленного комплекса составляли основу налоговых поступлений в бюджеты. По данным за первое полугодие 2010 г., доля агропромышленного комплекса в налоговых поступлениях Кабардино-Балкарской Республики составлял 37,4 %; в свою очередь, в Карачаево-Черкесской Республике и Ставропольском крае продукция агропромышленного комплекса формирует более 1/3 поступлений от внешней торговли [Стратегия].

Уровень производства сельскохозяйственной продукции, несмотря на нерентабельное функционирование предприятий данной отрасли за 2014 г. (по сравнению с 2000 г.), практически по всем республикам Северокавказского региона заметно вырос (см. табл. № 2).

Данный показатель выше среднего уровня по Российской Федерации. Это объясняется тем, что в производстве сельскохозяйственной продукции региона значительную роль играют личные подсобные хозяйства населения, на долю которых приходится около 70% всей произведенной сельскохозяйственной продукции.

Таблица 2. Показатели производства продукции сельского населения на душу населения в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, в процентах от среднероссийского показателя [Регионы России 2006: 164, 513; Регионы России 2015: 478, 850; Социально-экономическое положение 2015]

Субъект РФ	2000	2014
Дагестан	100	100
Ингушетия	10	40
Кабардино-Балкария	100	130
Карачаево-Черкесия	40	170
Северная Осетия	36	120
Чеченская Республика	—	40
Ставропольский край	25	180

Анализ таблицы № 2 показывает, что, как и в 2000 г., показатель производства продукции сельского хозяйства на душу населения выше среднероссийского уровня в большинстве субъектов Северного Кавказа.

В Ставропольском крае этот показатель в 2014 г. был выше среднероссийского уровня на 80%, соответственно в Карачаево-Черкесии — на 70%, в Кабардино-Балкарии — на 30%, в Северной Осетии-Алании — на 20%.

Стабилизирующее влияние на экономику Кабардино-Балкарии оказал прирост продукции в пищевом комплексе, где за счет высоких темпов производства продукции, занимающей 29 % в структуре промышленного комплекса республики, обеспечен общий рост.

Средняя номинальная начисленная зарплата работников организаций по всем субъектам Северного Кавказа в 2000 г. была

ниже среднероссийских показателей в Дагестане и Чечне в 2,5 раза, в остальных субъектах — от 1,5 до 2 раз. В 2014 г. по сравнению с 2000 г. средняя номинальная зарплата повысилась почти в 2 раза, но, тем не менее, не достигла среднероссийского уровня. Соотношение средней зарплаты к прожиточному минимуму также во всех субъектах округа ниже, чем в среднем по России, как в 2000 г., так и в 2014 г. (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Покупательная способность средней зарплаты и наличие дорогостоящего имущества в субъектах Северо-Кавказского федерального округа [Регионы России 2006: 140, 164; Регионы России 2015: 200, 230, 252]

	Средняя номинальная начисленная зарплата работников организаций, руб.		Прожиточный минимум трудоспособного населения, руб.		Обеспеченность автомобилями (штук на 1000 человек)	
	2000	2014	2004	2014	2005	2014
Российская Федерация	2 223,4	32 495	2 690	8 885	168,4	283,3
Дагестан	878,7	18 194	2 047	7 770	54,3	164,5
Ингушетия	1 243,6	20 993	2 367	7 609	67,3	159,5
Кабардино-Балкария	1 180,0	20 323	1 975	7 791	111,5	217,5
Карачаево-Черкесия	1 130,9	19 746	2 179	7 825	130,5	215,2
Северная Осетия	1 166,7	20 311	2 013	7 739	140,7	258,7
Чеченская Республика	881,8	21 452	2 645	7 471	48,3	144,2
Ставропольский край	1 438	22 597	2 441	7 603	173,5	269,2

При учете обеспеченности автомобилями на 1000 чел. этот показатель во всех субъектах округа в 2014 г. также был ниже, чем среднероссийский.

К подобному выводу подводит анализ официальной статистики денежных доходов населения и их соотношения с прожиточным минимумом: отставание субъектов Северокавказского федерального округа и здесь очевидно (см. табл. 4). Од-

нако эти усредненные цифры, во-первых, не учитывают доходы от теневого бизнеса, а, во-вторых, затушевывают проблему сильного расслоения доходов населения. Коэффициент расслоения (соотношение доходов беднейших и самых богатых групп населения) в большинстве регионов очень высок, а поэтому уровень бедности соседствует с высокими доходами, как и всюду в стране.

Таблица 4. Денежные доходы населения Северо-Кавказского федерального округа [Регионы России 2007: 157, 176; Регионы России 2015: 198, 200, 228, 230]

	Годы	РФ	КБР	КЧР
Среднедушевой денежный доход, руб.	2005	8 080	4 190	4 084
	2010	18 958	11 290	10 878
	2014	27 766	16 619	16 081
Среднедушевой прожиточный минимум в месяц, руб.	2005	3 060	2 231	2 347
	2010	5 902	4 726	4 894
	2014	8 234	7 357	7 339
Соотношение денежного дохода и прожиточного минимума, %	2005	268	227,1	220,8
	2010	333,3	318,1	247,7
	2014	344,9	286,9	275,1

Анализ динамики денежных доходов населения за 2000–2014 гг. (см. табл. 4) показывает, что данные среднедушевого денежного дохода по Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии продолжали оставаться ниже уровня по Российской Федерации. Северный Кавказ по уровню социального, экономического развития и уровню жизни населения в целом уступает другим экономическим районам России, причем уровень жизни в республиках ниже, чем в других

субъектах. Низкий уровень доходов в субъектах Северного Кавказа не компенсируется низкой стоимостью «прожиточной корзины».

Экономическая ситуация в регионе осложнялась неблагоприятной обстановкой на рынке труда, где образовался колоссальный разрыв между спросом и предложением рабочей силы (см. табл. 5). Отчасти это связано с остановкой или неполной загрузкой предприятий.

Таблица 5. Занятость и рынок труда в Северо-Кавказском федеральном округе
[Регионы России 2007: 126, 133, 236; Регионы России 2015: 76, 82, 158, 164]¹

	Численность официально зарегистрированных безработных, тыс. чел.		Уровень безработицы в % от экономически активного населения		Доля безработных, получающих пособие, %		Коэффициент напряженности на рынке труда, чел. на 1 место ²	
	2000	2014	2000	2014	2000	2014	2000	2014
Дагестан	48,2	26,5	5,0	2,0	72,2	94,0	35,9	39,7
Ингушетия	7,5	30,5	8,5	14,4	94,72	72,1	526,4	238,3
Кабардино-Балкария	7,5	8,4	1,9	1,9	72,5	87,0	19,3	2,6
Карачаево-Черкесия	1,8	4,1	0,9	1,8	88,9	85,4	4,4	3,0
Северная Осетия	5,7	9,0	1,7	2,7	89,5	77,8	4,8	3,7
Чеченская Республика ³	321,0	99,5	88	15,7	—	61,7	—	32,5
Ставропольский край	9,3	15,5	0,7	1,1	9,4	86,5	0,9	0,9
РФ	1037,0	883,3	1,4	1,2	87,7	82,0	1,6	0,7

¹ Все данные приведены на конец декабря.

² Коэффициент напряженности на рынке труда — численность незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в службе занятости, в расчете на 1 заявленную вакансию.

³ Стат. данные за 2000 г. по Чеченской Республике отсутствуют.

Данные таблицы свидетельствуют, что численность зарегистрированных безработных в 2014 г. по сравнению с 2000 г. уменьшилась: в Чечне — в 3,2 раза, Дагестане — в 1,8 раза; увеличилась: в Ингушетии — в 4 раза, Ставропольском крае — в 1,7 раза, Осетии — в 1,6 раза. Показатели уровня безработицы от экономически активного населения в 2014 г. составили: в Чечне — 15,7 %, в Ингушетии — 14,4 %, в Осетии — 2,7 %, в Дагестане — 2 %, в Кабардино-Балкарии — 1,9 %, в Карачаево-Черкесии — 1,8 %. Указанные показатели значительно выше среднероссийских, кроме Ставропольского края (см. табл. 5).

Без принятия необходимых мер безработица может стать источником высочайшей социальной напряженности с соответствующим обострением криминальной обстановки, межэтнических отношений, усилением

влияния экстремистских политических группировок, ориентированных на формирование этнорелигиозных государственных образований вне Российской Федерации.

Обострению социальной обстановки на Северном Кавказе способствует и возросшая преступность. Специфика проблемы состоит в том, что в ряде случаев в 90-е гг. XX в. на волне легитимизации национальных движений к их руководству пришли криминальные силы. Наряду с этим в указанной сфере действовал почти бесконтрольно криминальный капитал, породивший феномен «спиртовой войны», осуществлялись крупномасштабные террористические акты. Однако в период с 2005 по 2014 гг. показатель числа преступлений снизился по всем северокавказским республикам, тогда как в среднем по России было отмечено его повышение (см. табл. 6).

Таблица 6. *Уровень преступности в Северо-Кавказском федеральном округе*
[Регионы России 2015: 456]

	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. жителей		
	2005	2010	2014
Дагестан	511	403	464
Ингушетия	391	466	354
Кабардино-Балкария	1 065	1 084	917
Карачаево-Черкесия	1 394	916	729
Северная Осетия	968	987	848
Чеченская Республика	595	363	258
Ставропольский край	1 752	1 299	1 197
Россия (в среднем)	2 477	1 840	14 999

Вместе с тем уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2015 г. относительно среднероссийских показателей в субъектах СКФО был выше в 2,2 раза, в том числе в Дагестане — в 3,5 раза, в Кабардино-Балкарии — в 2,4 раза, в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании — в 2,2 раза, в Ингушетии — в 1,7 раза.

Основные социальные показатели на Северном Кавказе в целом почти вдвое ниже среднестатистических. Так, если среднедушевой денежный доход в Российской Федерации в 2005 г. в месяц составлял 8 080 руб., то в Кабардино-Балкарии он со-

ставлял 4 190 руб., в Карачаево-Черкесии — 4 048 руб. В 2014 г. этот показатель был ниже среднероссийских показателей: в Кабардино-Балкарии — в 1,6 раза, в Карачаево-Черкесии — в 1,7 раза [Регионы России 2006: 157, 176; Регионы России 2015: 200, 228, 230; Социально-экономическое положение 2015: 70].

Во всех субъектах исследуемого региона доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона в 2000 г. была выше в 1,5–2 раза, чем в среднем по Российской Федерации, а заработная плата была ниже в 1,5–2,5 раза (см. табл. 3, 7).

Таблица 7. *Уровень бедности в Северо-Кавказском федеральном округе*
(доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
в общей численности населения региона в %)
[Регионы России 2006: 140, 164; Регионы России 2007: 178; Регионы России 2015: 234]

	2000	2005	2010	2014
Дагестан	65,6	24,6	8,8	10,1
Ингушетия	97,2	55,2	22,1	24,9
Кабардино-Балкария	50,2	23,8	15,7	18,5
Карачаево-Черкесия	61,6	27,7	17,7	19,5
Северная Осетия	31,3	17	10,5	12,1
Чеченская Республика ¹	—	—	—	14,2
Ставропольский край	43,6	24,9	18,5	11,6
Российская Федерация	28,9	17,8	12,5	11,2

¹ Стат. данные за 2000–2010 гг. по Чеченской Республике отсутствуют.

Анализ таблицы 7 показывает, что в 2014 г. уровень бедности населения во всех субъектах региона снизился в несколько раз, но, тем не менее, он был выше среднероссийских показателей в Ингушетии в 2,2 раза, в Карачаево-Черке-

сии — в 1,7 раза, в Кабардино-Балкарии — в 1,6 раза.

Финансовое положение субъектов Северного Кавказа в целом оставалось неустойчивым ввиду высокой дотационности (см. табл. 8).

Таблица 8. *Доходы и расходы территориальных бюджетов
Северо-Кавказского федерального округа*

[Регионы России 2007: 56, 157, 826, 836; Регионы России 2015: 37, 198, 1025, 1038]

	Доходы бюджета субъекта РФ на душу населения, руб.		Расходы бюджета субъекта РФ на душу населения, руб.		Дефицит (-), профицит (+) бюджета на душу населения	
	2003	2014	2003	2014	2003	2014
РФ в целом	7 392,8	60 960,1	13 763,8	54 024,0	-631,1	-3 063,9
Дагестан	3 378,0	30 196,8	1 599,0	31 059,7	3 221	-862,9
Ингушетия	4 495,0	53 378,8	1 608,6	53 010,6	-4 113,6	368,2
Кабардино-Балкария	3 849,0	32 691,8	6 389,0	35 016,2	-2 540	-2 324,4
Карачаево-Черкесия	2 848,1	39 626,2	8 203,0	44 269,3	-5 354,9	-4 643,1
Северная Осетия	3 675,8	35 871,8	8 987,4	38 391,8	-5 311,6	-2 520
Чеченская Республика	490	52 827,9	9 088,0	52 827,9	-9 083,1	
Ставропольский край	2 783,1	33 595,0	6 953,0	35 373,8	4 169,9	-1 778,8

Анализ таблицы 8 показывает, что доходы по России на душу населения в среднем в 2003 г. составляли 7 392,8 руб., в субъектах СКФО этот показатель находился в рамках от 490 руб. до 4 495,0 руб. (наибольший показатель). Расходы по региону были также ниже среднероссийских. Доходная часть бюджета не покрывала расходы, причем, если в среднем по России дефицит составлял 631,1 руб. на душу населения, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составил 2 540 руб., в Карачаево-Черкесии — 5 354 руб., в Дагестане — 3 221 руб., в Ингушетии — 4 113,6 руб., в Северной Осетии-Алании — 5 311,6 руб., т. е. в субъектах округа дефицит бюджета был почти в 8 раз выше, чем по России.

Отсюда — высокая зависимость от финансирования из федерального бюджета. С 1994 г. субъектам Российской Федерации начали производить специальные финансовые отчисления (трансферты) из федерального Фонда финансовой поддержки регионам (ФФПР). Среди 22 субъектов Российской Федерации, потребность которых в трансфертах составляла от 70 до 95 % их бюджетных расходов, находилось 19 национально-территориальных образований, в том числе все республики Северного Кавказа. При этом на среднестатистического россиянина в 2012 г. приходилось всего 2,8 тыс. руб. федеральных дотаций, что было в четыре раза меньше, чем на одного жителя Ингушетии. Наибольший объем дотаций на душу населения в 2013 г. в субъектах СКФО приходился на Ингушетию (17,5 тыс. руб. в год на человека). За ней по объему федеральных дотаций на душу населения в год

следовали Дагестан (12,3 тыс. руб.), Чечня (11,4 тыс. руб.), Карачаево-Черкесия (11,7 тыс. руб.), Северная Осетия (9,5 тыс. руб.), Кабардино-Балкария (7,5 тыс. руб.), Ставропольский край (3,5 тыс. руб.) [Голикова; Анализ].

Несмотря на дифференциацию доли трансфертных платежей в бюджетах регионов СКФО, нельзя не признать их положительную роль в преодолении их дефицитности, в увеличении доходных статей. С учетом трансфертов из ФФПР состояние бюджетов субъектов округа (в среднедушевом исчислении) отличалось в лучшую сторону по сравнению с общероссийской ситуацией. Так, по итогам 2014 г. был дефицит бюджета в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае, причем в меньших размерах, чем в целом по Российской Федерации. Бюджет Чеченской республики с учетом трансфертных доходов был выполнен полностью [Регионы России 2015: 37, 198, 1025, 1038].

Несмотря на предпринимаемые меры, почти половина субъектов РФ (41 регион) завершила 2015 год с дефицитом более 10 %, при этом в 14 регионах объем госдолга превысил сумму собственных доходов, что прямо запрещено Бюджетным кодексом [Голикова].

Таким образом, Северный Кавказ имеет для России не только важнейшее геополитическое, но и экономическое значение, являясь составной частью хозяйственного комплекса Российской Федерации, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность страны. Регион ста-

новится зоной острой конкуренции многих мировых держав, желающих экономически закрепиться в Прикаспийском и Причерноморском ареалах.

Возможности усиления воздействия экономической политики Центра на регион будут зависеть от общей социально-экономической ситуации в стране, которая в ближайшей перспективе останется неблагоприятной. Главным фактором развития экономики региона могут быть лишь внутренние ресурсы, так как внешние (иностраные) инвестиции еще длительное время будут сдерживаться нестабильностью в регионе. Для мобилизации этих ресурсов Центру необходимо способствовать развитию в регионе малого бизнеса, дающего быструю отдачу от вложений, внутрирегиональной интеграции, привлечению внебюджетных источников финансирования.

В целях обеспечения наибольшей занятости населения необходимо предусмотреть в региональных бюджетах средства на софинансирование развития традиционных отраслей сельскохозяйственного производства. Вместе с тем, сложившаяся этнополитическая ситуация на Северном Кавказе диктует необходимость концентрации усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведение комплексной и системной работы, направленной на повышение экономического, социального и культурного развития республики. При этом следует обеспечить развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест в результате размещения новых производственных объектов, увеличение потребности предприятий в кадрах, повышение уровня заработной платы и активизации жилищного строительства.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-01-00126 «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции».

Источники

Анализ межбюджетных трансфертов в 2011-2013 гг. [электронный ресурс] // URL: www.protown.ru/information/ (дата обращения: 14.07.2016).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. М.: Статистика России, 2006. 982 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М.: Статистика России, 2007. 981 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М.: Статистика России, 2015. 1266 с.

Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015: Стат. сб. / Росстат. М.: Статистика России, 2015. 84 с.

Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года [электронный ресурс] // URL: www.skfo.gov.ru/skfo (дата обращения: 14.07.2016).

Литература

Голикова Т. А. Доклад Председателя Счетной палаты Российской Федерации в Государственной Думе РФ с отчетом о работе контрольного органа в 2015 году [электронный ресурс] // URL: www.ach.gov.ru/about/ (дата обращения: 14.07.2016).

Денисова Г. С., Уланов В. Г. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д.: РГПУ, 2003. 352 с.

Медведев Р. А. Капитализм в России? М.: Права человека, РИА «ДАР», 1998. 320 с.

Sources

Analiz mezhbyudzhethnykh transfertov v 2011-2013 gg. [Analysis of international transfers: 2011-2013]. Available at: www.protown.ru/information/ (accessed: 14 July 2016) (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2005: Stat. sb. / Rosstat [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2005. Stat. tables by Russian Federal State Statistics Service]. Moscow, Information and Publishing Centre 'Statistics of Russia', 2006, 982 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2006: Stat. sb. / Rosstat [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2006. Stat. tables by Russian Federal State Statistics Service]. Moscow, Information and Publishing Centre 'Statistics of Russia', 2007, 981 p. (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: Stat. sb. / Rosstat [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015. Stat. tables by Russian Federal State Statistics Service]. Moscow, Information and Publishing Centre 'Statistics of Russia', 2015, 1266 p. (In Russ.).

Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga v 2015: Stat. sb. / Rosstat [Socio-economic situation in North Caucasian Federal District: 2015. Stat. tables by Russian Federal State Statistics Service]. Moscow, Information and Publishing Centre 'Statistics of Russia', 2015, 84 p. (In Russ.).

Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga do 2025 goda [Socio-economic development strategy for North Caucasian Federal District up to 2025]. Available at: www.skfo.gov.ru/skfo (accessed: 14 July 2016) (In Russ.).

References

Golikova T. A. *Doklad Predsedatelya Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii v Gosudarstvennoy Dume RF s otchetom o rabote kontrol'nogo*

organa v 2015 godu [Report by Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation for the State Duma on the performance of the controlling authority in 2015]. Available at: www.ach.gov.ru/about/ (accessed: 14 July 2016) (In Russ.).

Denisova G. S., Ulanov V. G. *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa* [Ethnic Russian in the North Caucasus: analyzing the transformation of the socio-cultural status]. Rostov-on-Don, Rostov State Pedagogical University Press, 2003, 352 p. (In Russ.).

Medvedev R. A. *Kapitalizm v Rossii?* [Capitalism in Russia?]. Moscow, Prava Cheloveka ('Human Rights') Publ., DAR Russian News Agency, 1998, 320 p. (In Russ.).

УДК 94.470.6+332.05

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на материалах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии)

Алим Инзрелович Тетюев¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик, Российская Федерация). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Аннотация. В статье комплексно исследуются основные тенденции и особенности социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского региона в период системной трансформации российского общества. Анализируются основные результаты экономических реформ в промышленности и сельском хозяйстве, выявляются причины социально-экономического кризиса в 1990-е годы. Изучены важнейшие экономические показатели на душу населения по субъектам Северного Кавказа, в сравнении с показателями по России: валовой региональный продукт, розничный товарооборот, денежные доходы населения, занятость и рынок труда, уровень бедности, доходы и расходы территориальных бюджетов. Отмечается, что регионы по уровню жизни населения, социального, экономического развития в целом уступают другим регионам России. Особое внимание уделяется выявлению основных факторов, приведших к возникновению этнополитической напряженности в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Проведенный в статье анализ сложившейся социально-экономической ситуации Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии позволяет утверждать о необходимости принятия безотлагательных мер по концентрации всех усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведение комплексной и системной работы, направленной на повышение экономического, социального и культурного развития региона.

Ключевые слова: экономика, промышленность, сельское хозяйство, социальная сфера, зарплата, денежные доходы, безработица, уровень бедности, преступность, этнополитические процессы.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Отечественная история

- Клейтман А. И.* Топографические описания Нижнего Поволжья как памятники научного изучения региона в 1770-х – начале 1800-х гг. 2
- Амоглонова Д. Д.* Инославие в православном государстве: буддизм в поздне-имперской России (на материалах Бурятии) 14
- Бадмаева Е. Н.* Органы государственной власти Калмыкии в советском и постсоветском эксперименте по развитию хлопководства (опыт историко-сравнительного и перспективного анализа) 25
- Белоусов С. С.* Государственная власть и православные приходы Калмыкии в условиях перестройки советского общества (вторая половина 1980-х гг. – 1991 г.) 34

ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОР

Лингвистика

- Бембеев Е. В., Манджиева Ц. Д.* Направительный падеж калмыцкого языка (на материале эпоса «Джангар») 44

Литературоведение

- Корнеев Г. Б.* Стихотворное предисловие к среднему Ламриму Цонкапы: тибетский оригинал и ойратский перевод 55
- Босхомджиев М. В.* «Монголын Увш хунтайжын тууж»-ийн анхны бар хэвлэлийн асуудалд (из истории первой публикации «Истории Монгольского Убаши хунтайджия») 63
- Дампилова Л. С.* Код Д. Равжи в современной монгольской поэзии 70

Фольклор

- Ханова Г. С.* Мотив проклятия в башкирском фольклоре на примере мифологического *баита* «Сак и Сук» 77
- Дайцзи Бамао.* Краткое описание истории изучения тибетского героического эпоса «Гесар» в Китае (1931–2016) 84

СОЦИОЛОГИЯ

- Тетугев А. И.* Социально-экономические факторы, формирующие этнополитическую напряженность на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества (на материалах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) 89

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2017. № 2 (30)

Сдано в набор 15.06.2017. Подписано в печать 29.06.2017.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 11,6.

Тираж 300 экз. Заказ 07-17.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНИЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

